

ДНЕВНИК АПОСТОЛА ФОМЫ

КНИГА ВТОРАЯ. АПОСТОЛЫ ПРИНИМАЮТ БОЙ

Содержание

22.	Выдержка из аналитического отчета	2
23.	Отрывок из дневника Фомы. Апостолами не рождаются - ими становятся 7	
24.	Пенталгин отзывается из Стокгольма.....	11
25.	Слободан прекращает работать на Контору	22
26.	Фрагмент из архива Фомы. Война никого не пощадила	29
27.	Отрывок из дневника Фомы. Свиноводческий комплекс им. апостола Эдипа	34
28.	Пенталгин наводит порядок.....	40
29.	Фрагмент из архива Фомы. Диня Удачин – царь. Настоящий!.....	48
30.	Ну вот и Нафаню пробило	56
31.	Магдалина, кто из нас двоих – Фома?	64
32.	Пенталгин контактирует с отделом «Р»	68
33.	Отрывок из дневника Фомы. Много Шумана из ничего	72
34.	Отрывок из дневника Фомы. Ох, Генри	74
35.	Пенталгин встречается с Фомой.....	82
36.	Оборотень из Текстильщиков.....	89
37.	Конец оборотня	94
38.	Отрывок из дневника Фомы. Христородица, говоришь?	101
39.	Отрывок из дневника Фомы. Теодорих и Хлодвиг – близнецы-братья..	106
40.	Фрагмент из архива Фомы. Не то собор, не то новоселье	112
41.	Дорога в поле.....	116

*Прошло каких-то две тысячи лет,
Плюс минус год или десять - не важно.
Ведь Он принёс нам с тобой этот свет,
Чтобы Любовь победила однажды....*

Светлана Ростова

22. Выдержка из аналитического отчета

Перечень членов группы «12» и угаданных ими самими реинкарнаций, по состоянию на июль 2008 года:

Первая пара (по расположению в Процессии 2017 года и по перспективному статусу на этот год):

1. Светлана Ростова, депутат Госдумы (1978 -), она же:

- Моисей, пророк (? - ?)
- Тутмос III, египетский фараон (1468 до н.э. – 1436 до н.э.)
- Ахилл, герой Троянской войны (? - ?)
- Давид, царь иудейский (? - ?)
- Рем, брат Ромула – основателя Рима (? - ?)
- Нума Помпилий – император Рима (753 до н.э. – 673 до н.э.)
- Сократ, философ (469 до н.э. – 399 до н.э.)
- Андрей, апостол (1 век)
- Константин I Великий, первый император Византии (274 - 337)
- Феодосий I Великий, император Византии (346-395)
- Хлодвиг I - король салических франков (466-511), из рода Меровингов. Первый официальный король французской монархии
- Константин IV, император Византии (652-685) - под вопросом
- Владимир Красно Солнышко, киевский князь, инициатор крещения Руси (955 – 1015)
- ? – испанка, танцевала фламенко, была сожжена (? - ?). Рядом с Валиковым.
- ? – флибустьер, пират, командир брига «Сантьяго», действовал на о. Тортуга, убит отцом любимой девушки (? - ?) - под вопросом, возможна параллельная жизнь с Лейстер
- Фёдор I Иоаннович, сын Ивана Грозного (1557-1598)
- Лейстер, Юдит, фламандская художница (1609-1660)
- Пётр I Великий, русский царь (30.05.1672-28.01.1725)
- Вяземский, Александр Алексеевич, генерал-прокурор Екатерины II (03.08.1727-08.01.1793)
- Лермонтов, Михаил Юрьевич, русский поэт и руководитель "кружка шестнадцати" (15.10.1814-15.07.1841)
- Никса. Цесаревич Николай Александрович, 1-й сын Александра II (8.09.1843-12.04.1865)
- Николай II, последний российский император (19.05.1868-1918)
- Николай Захар..., русский разведчик в фашистской Германии, расстрелян (1920/21-1944). Адрес перед войной: Малая Бронная, 10

2. Дмитрий Валиков, певец и композитор (1970 -), он же:

- Менелай, герой троянской войны (? - ?)
- Саул – основатель израильско-иудейского царства (11 в. до н.э.)
- Петр, апостол (1 век)
- Николай Мирликийский Чудотворец, святой (? - 343)
- Св. Клотильда Бургундская, дочь бургундского короля, жена Хлодвига I (475 - 545)
- ? – крупный чин в одном из монашеских орденов (? - ?). Живет в одно время с испанкой, которую сожгли (Ростова). Любит ее – и отправляет на костер. Потом вешается сам
- Серафим Саровский, святой (1754 - 1833)
- Ольга Николаевна Романова, великая княжна (1895 -1918)
- Юрий Мереж ..., русский разведчик в фашистской Германии, расстрелян (1920/21-1944). Адрес перед войной: Малая Бронная, 12

Вторая пара (по расположению в Процессии 2017 года и по перспективному статусу на этот год):

3. Александр Полнолетов, певец (1984 -), он же:

- Гектор, герой троянской войны, сын Приама (? - ?)
- Иаков Зеведеев, апостол (1 век)
- Кассиодор, римский сенатор, соратник Теодориха Великого (5-й век)
- Александр I Благословенный, российский император (1777 - 1864)
- Элвис Пресли, певец (1935 - 1977)

4. Стас Плюшкин, певец (1971 -), он же:

- Одиссей – царь, герой троянской войны (? - ?)
- Иоанн Зеведеев, апостол (1 век)
- Констанций Хлор, император, отец Константина Великого (250 - 306)
- Климент VII, папа Римский (1478 - 1534), незаконный сын Джулиано Медичи
- Алексей Михайлович «Тишайший» - русский царь (1629 - 1676)
- Петр Александрович Валуев – граф, член лермонтовского кружка «16», государственный деятель (1815 - 1890)
- Захар... (?) – сотрудник НКВД, отец разведчика Николая Захар ...(20-й век). Адрес перед войной: Малая Бронная, 10

Третья пара (по расположению в Процессии 2017 года и по перспективному статусу на этот год):

5. Дмитрий Ручейков, бизнесмен (1978 -), он же:

- Тутмос IV, египетский фараон (? - ?) - **под вопросом**
- Эдип, сын Лая и Иокасты, автор т.н. «эдипова комплекса» (? - ?)
- Парис – сын Приама, брат Гектора, участник троянской войны (? - ?)
- Филипп, апостол (1 век)
- Кирилл Александрийский, организатор Эфесского собора (5 век), обличитель несторианства
- Алексей Александрович, великий князь, четвертый сын Александра II (1847 – 1909)

6. Михаил Светиков, бизнесмен (1972 -), он же:

- Хрисеида, жрица в храме Аполлона, наложница Ахилла и Агамемнона во время троянской войны (? - ?)
- Аарон – первосвященник, рядом с Моисеем (? - ?)
- Нафанаил бар-Толомей, апостол (1 век)
- Симеон Столпник – святой (356-459)
- Боэций – философ, политический деятель (480-525). Казнен по приказу Теодориха Великого
- Хубилай-хан - император Монголии и Китая (1215 - 1294)
- Ордын-Нащокин А.Л. – русский дипломат (1605 – 1680).
- Джон «Бартоломью» Робертс – пират (1682 – 1722). Псевдоним «Бартоломью=Варфоломей=бар-Толомей» присвоил себе сам, перед арестом
- Врубель М.А. – художник (1856 – 1910)
- ? – советский ученый, участвовал в разработке атомного оружия (20-й век)

Четвертая пара (по расположению в Процессии 2017 года и по перспективному статусу на этот год):

7. Юлия Ростова, студентка (1999 -), она же:

- Гекуба, царица Трои (? - ?)
- Матфей, апостол (1 век)
- Татьяна Николаевна Романова, великая княжна (1897 - 1918)
- Наталья Мереж ... – сестра Юрия Мереж ..., разведчика (20-й век). Ее отец в том воплощении – хирург, сейчас - управляющий одного из банков. Адрес перед войной: Малая Бронная, 12

8. Александр Резанцев, академик (1963 -), он же:

- Приам, царь Трои (? - ?)
- Рамсес II, египетский фараон (1314 до н. э. — 1224 до н. э.)
- Лай, царь Фив, отец Эдипа (? - ?)
- Соломон, сын Давида, царь иудейский (? - ?)
- Питтак из Митилены, один из Семи мудрецов Греции (651 г. до н.э. – 559 г. до н.э.) – под вопросом
- Фома, апостол (1 век)
- Аполлодор Дамасский, архитектор (1-2 век) – под вопросом
- Валентин, гностик (2 век) – под вопросом
- Ориген, еретик (185 – 254)
- Арий, еретик (256 – 336)
- Несторий, еретик (? – 451)
- Теодорих Великий, король остготов (454 – 526)
- Иоанн III Схоластик, константинопольский патриарх (? – 577)
- Максим Исповедник, мученик (582 – 662)
- Андрей Боголюбский, князь (1110 – 1174)
- Антоний Падуанский, монах (1195 – 1231)
- Жак де Моле, магистр ордена тамплиеров (1244 – 1314) – под вопросом
- Сандро Боттичелли, художник (1445 – 1510)
- Джон Нокс, основатель шотландской пресвитерианской церкви (1513 – 1572)
- Якоб Беме, мистик (1575 – 1624)
- Симон Ушаков, иконописец и портретист (1626 – 1686)
- Алексей Петрович, цесаревич, сын Петра I (1690 – 1718)

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Карло Гоцци, драматург (1720 – 1806)
- Роберт Александр Шуман, композитор (1810 – 1856)
- О.Генри (У.С.Портер), писатель (1862 – 1910)
- ?, русский разведчик в фашистской Германии, расстрелян (1913? – 1944). Адрес перед войной: Малый Знаменский пер., д. 8.

Пятая пара (по расположению в Процессии 2017 года и по перспективному статусу на этот год):

9. Денис Анисимов, студент, племянник Дмитрия Валикова (1998 -), он же:

- Иаков Алфеев, апостол (1 век)
- Хильдеберт – сын Хлодвига I и Клотильды Бургундской, брат Клотильды Младшей (? - ?)
- Елизавета Федоровна («Элла») – великая княгиня, старшая сестра последней русской императрицы («Аликс») (1864 - 1918).

10. Анастасия Валикова, студентка, дочь Дмитрия Валикова (2000 -), она же:

- Патрокл, воспитанник Ахилла (? - ?)
- Иуда Алфеев, апостол (1 век)
- Гипатия Александрийская, ученый и философ (370 – 415)
- Клотильда Младшая, дочь Хлодвига I и Клотильды Бургундской (497-531)
- Александра Федоровна («Аликс»), русская императрица (1872 - 1918)

Шестая пара (по расположению в Процессии 2017 года и по перспективному статусу на этот год):

11. ?

12. Андрей Галахов, шоумен (1972 -), он же:

- Андромаха, жена Гектора, невестка Приама (? - ?)
- Иуда Искариот, апостол (1 век)
- Ян Минзе Молинар, художник, муж Юдит Лейстер (1609/10 - 1668)
- Лобачевский Николай Иванович – математик (1792 – 1856) – под вопросом
- Мария Николаевна Романова, великая княжна (1899 - 1918)

Идет следом за Процессией:

Ирина Баранова, пенсионерка (1958 -), она же:

- Агамемнон, царь, герой троянской войны (? - ?)
- Гомер, поэт (? - ?)
- Эзоп, баснописец (VI век до н.э.)
- Диоген Синопский, философ (около 404-323 до н. э.)
- Гораций, поэт (65 до н.э. – 8 до н.э.)
- Павел, апостол (4 – 64)
- Евсевий Кесарийский, арианский историк (263-333)
- Святитель Ремигий Реймский, рядом со св. Женевьевой (437 - 533). Крестил Хлодвига I в 498 г.
- Франциск Ассизский, основатель ордена своего имени (1181 – 1226)
- Ирина Фёдоровна Годунова, жена царя Фёдора Иоанновича. (1562/3-1603)

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Рембрандт Харменс ван Рейн, голландский художник (15.07.1606 - 4.10.1669)
- Никита Матвеевич, сподвижник Петра I, не идентифицирован полностью (приблизительно 1673/4 - 1725)
- Петр III Фёдорович, русский царь с самым коротким временем правления (10.02.1728 -1762)
- ? (1765 - 1792). Есть отчётливые воспоминания о пожилой Екатерине II, располневшем Вяземском и собственном мундире
- Лермонтова Мария Михайловна, мать поэта (17.03.1795 - 24.02.1817)
- Долгорукий Александр Николаевич (нет уверенности в имени) (1819 - 1842)
- Эльза, кузина Никсы (1844 – 1863)
- Боткин Евгений Сергеевич, лейб-медик Николая II (1865 - 1918)
- Светлана Никит..., русская разведчица в фашистской Германии, расстреляна (1920 - 1944). Адрес перед войной: Малая Бронная, 10

Стоит в эзотерическом щите Процессии:

Денис Удачин, бизнесмен (1980 -), он же:

- Неоптолем (он же Пирр), сын Ахилла, герой троянской войны (? - ?)
- Александр Македонский, греческий полководец (356 до н.э. – 323 до н.э.)
- Пирр – древнегреческий царь Македонии и Эпира (318 до н.э. – 272 до н.э.)
- Симон Зилот, апостол (1 век)
- Афанасий Александрийский, участник Никейского собора (4 век)
- Далмат, начальник стражи Феодосия Великого, затем монах (5 век)
- Доминик де Гусман, основатель ордена своего имени (1170 - 1221)
- ? – японский самурай, есть сон о бое в джунглях с применением огнестрельного оружия (? - ?)
- Александр II Освободитель – российский император (1818 - 1881)
- ? – моряк российского флота, погиб в русско-японскую войну после Цусимы, на броненосце береговой обороны «Адмирал Ушаков» (~1883 - 1904)
- ...ский Даниил – офицер Красной Армии, прошел всю Великую Отечественную войну (20-й век). Адрес перед войной: Большой Патриарший пер., д. 10. Его сестра в том воплощении – сейчас «Вамбина», она же сотник Лонгин, она же Катя Ермолаева.

Вариант 1. Не участвует в Процессии по принципиальным соображениям:

Вариант 2. Участвует в Процессии из чистого любопытства:

Надежда Рябцева, учительница (1965 -), она же:

- Елена Прекрасная, жена Менелая, царица Спарты (? - ?)
- Мария Магдалина, апостол (1 век)
- Констанция (?) – жена одного из римских императоров (2 век). Статуя стоит в Эрмитаже под лестницей
- Равноапостольная Нина, просветительница Грузии (? – 335)
- Женева Парижская, святая (ок. 420 – ок. 500)
- Симонетта Веспуччи (Каттанеи), домохозяйка (1453 - 1476)
- Мария Стюарт, королева Шотландии (1542 - 1587)
- Педро Антонио Гратароль, посланник Сицилии в Венеции (? - ?)

23. Отрывок из дневника Фомы. Апостолами не рождаются - ими становятся

Мы приходили на Землю из других миров, после кратковременного отдыха от прошлых воплощений. Прямо через Солнце проникая в этот мир из смежной вселенной на сверхсветовой скорости, мы входили на околоземную орбиту, приближались к Южному полюсу, и уже затем, через портал, распределялись в утробы женщин, заранее согласившихся стать нашими матерями.

Мы приходили на Землю в разные исторические сроки. Души постарше застали еще цивилизацию Гипербореи – не менее десятка тысяч лет от сего дня. Там было 52 племени, руководимые друидами. Гиперборейцы умели оборачиваться в животных, каждому племени соответствовало свое животное, и племена не перемешивались. Вот почему у египетского бога Анубиса собачья голова. Гиперборейцы – древние боги египтян. Искусство оборотничества обеспечивало плотный контакт мира людей и мира животных, во имя сохранения единства живой природы, которое теперь в человечестве совершенно утрачено (*рыбалка и валяние в стогу под летним солнцем - не в счет*).

Гиперборейцы делились на три большие группы. Первые были «охотники». Вторые – «дичь». А было еще племя «гончих Бога» - тех, кто поддерживал баланс между «охотниками» и «дичью», смотрел за правилами игры. Своеобразные судьи. Надзиратели. Законники.

Друиды Гипербореи – верховные правители, жрецы, маги – обладали колоссальными знаниями и механизмами влияния на массы. Друиды с легкостью выходили на астральный план и манипулировали душами рядом стоящих. Они могли наказать душу человека, заставив ее влечить посмертное бестелесное призрачное существование, вплоть до того дня, пока в семье этого человека не появятся внуки. Так он и тусовался после смерти, бедолага, привидением или домовым, - пока друид не освобождал его, говоря: «ты свободен, можешь уходить». Друиды умели общаться с духами низшего порядка, прежде всего с элементами растений, с феями цветов и деревьев.

Светке Ростовской (*апостолу Андрею*) припомнилась гиперборейская фраза: «Ом ахасет харэп сата». Примерный ее смысл такой: «Блажен закон, движимый мудростью и святостью». Эта же фраза входит в погребальный канон; друиды часто произносили ее перед тем, как кого-то убить, - словно бы просили прощения у жертвы. Уже в те гиперборейские времена Светка была законником, гончим Бога. И не стоит удивляться, что потом она проделывала то же самое Моисеем - или Хлодвигом, с его Салической правдой. Рулить и наводить порядки – вот чем она занимается из жизни в жизнь, вот зачем ее здесь и держат, на этой усталой земле. Таким образом, Гиперборея водилась не только магией, но и законом, готова в своих недрах плавный переход власти от друидов и священников к царям и воинам; от брахманов – к кшатриям.

Вопросы высшего значения друиды решали в круге. Круг мог быть из 3, 12 и 56 человек. Когда народу не хватало, друиды высаживали круговые рощи, и лет через двадцать вновь выросшие деревья могли заменить друида в круге – только что умершего, погибшего, временно отсутствующего. Во многих парках можно встретить подобную конфигурацию – скажем, в Тригорском, где каждому часу солнечных часов соответствует определенное дерево. И именно с этой традицией связано желание очередного непутевого иудейского царя насадить рощу или дубраву на высотах, - чтобы последующий, уже путевый, иудейский царь вырубал и выжигал под корень те самые рощи. Перечитайте Паралипоменон, там все сказано.

В древнем языческом мире земным богом считался любой человек, обладающий выраженными магическими способностями. Был Зевс как архетип бога в человеческом обличье, - и был человек, которого тоже звали Зевсом, и которого принимали за бога Зевса. Светка была тем самым Зевсом, Дима Валиков (*апостол Петр*) – его женой Герой, Ирка Баранова (*апостол Павел*) была Гермесом, а меня, ничтожного апостола Фому, в ту пору звали Прометеем, и это многое объясняет.

Христиане отчаянно не любили друидов (*прямых конкурентов в борьбе за души и умы населения*), друиды платили им той же монетой. Светка вспоминает, что в бытность свою ап. Андреем она выжгла дубовую рощу, а главного из друидов – распяла на самом старом дубе, проткнув ему руки, сложенные крест-накрест, стрелой. С тех пор этот друид (*координатор бандформирования Наталья Лебедева, по кличке «Мамочка»*) - и те, с кем она кармически связана, категорически невзлюбили Христа и Его последователей. Они называют Его «полукровкой». Их настрой можно понять. Но сегодня эти ребята трудятся рядом с нами бок о бок, и дрызгам должен быть положен конец. К тому же, тот распятый друид успел пару раз поквитаться со Светкой по прошлым жизням, так что счет насильственных смертей примерно равный.

Итак, были души, что пришли сюда раньше. Предшествующий многотысячелетний опыт реинкарнаций на Земле снабдил их духовными способностями ясновидения, различения прошлых жизней, пророчества, внетелесных переживаний. Хронически смещенная точка сборки, стирание грани между состояниями обыденного сознания и транса – вот верный признак такого рода душ. Я называю эту публику Старшими Апостолами. Безусловно, сюда входят Петр, Андрей, Иоанн и Павел, все остальные – под вопросом (*напрашивается еще Денис Удачин – апостол Зилот - со своими снами про тигра с человеческими глазами*). Старшие Апостолы всю дорогу косили под богов. Их дело было – обустроить вновь созданные цивилизации и давать им духовный импульс. Светка всю дорогу царит, а Валиков при ней – очень часто – пребывает духовным вождем. Чудотворцем. Ирка Баранова (*Павел*) – все время где-то рядом, из жизни в жизнь корректирует этих двоих, получая от них тумаки.

Но явилась и другая поросль, куда отношу и себя. Младшие Апостолы, как я это называю. Те, кто пришли позже – и не имели уже дарований, присущих Старшим. И они вынуждены были доходить до всего сами, руководствуясь интуицией, духовным бесстрашием, исследовательским чутьем и навыком анализа, любовью к знаниям. Если Старшие шли богами, то Младшие – позиционировали себя героями. И столкновение Зевса и Прометея – всего лишь одно из звеньев в бесконечной череде конфликтов, перманентная трагедия отца и сына, очень плохо разрешаемая из воплощения в воплощение (*хотя бы взять Петра Первого и его сына Алексея – проблема не решается в принципе*). Отсюда и печень у меня, регулярно выклеываемая орлом, - как свидетельство подавленной непролеченной обиды на родителя. Соответственно, гепатиты всех мастей и циррозы из жизни в жизнь – это мое, как земля за колхозом.

Граница между Старшими и Младшими весьма тонка и условна. Иногда даже кажется, что ее нет. Иногда Старшие играют за Младших, в союзе с ними; иногда Младшие работают на точку зрения Старших. Но, если судить по совокупностям жизней, брать во внимание не отдельные всплески, а целые траектории, то различие весьма очевидно.

Старшие позиционировали себя как законники, правители и духовные лидеры. Младшие, то и дело переходя в оппозицию, добивались контроля над умами. Когда Старшие занимали дворцы, Младшие уходили в пустыни и монастыри, в ордены и скиты (*гностические кодексы Наг-Хаммади – дело Младших. Иначе откуда бы мы узнали про слезы Магдалины на первом соборе?*). Иногда Младшие перетягивали к себе Павла, и он временно принимал их сторону в

битве со Старшими. Вернее сказать, искал примирять конфликтующие стороны. Старшие рвались рулить, Младшие - искали понимать. Младшие требовали свободы и духовной автономии, Старшие – порядка и следования установленной рамке. Никто не хотел слушать другого, никто не хотел признавать частной чужой правоты. И, когда напряжение между группами доходило до крайней точки, начиналась война.

Троя – характерный пример такого столкновения. За греков в той войне играли (*называю апостольские имена*): Андрей (*Ахилл*), Петр (*Менелай*), Павел (*Агамемнон*), Иуда Алфеев (*Патрокл*), Симон Зилот (*Неоптолем, он же Пирр*), Иоанн (*Одиссей*). За троянцев выступили: Фома (*Приам*), Матфей (*Гекуба*), Иаков Зеведеев (*Гектор*), Филипп (*Парис*), Нафанаил (*Хрисеида*), Иуда Искариот (*Андромаха*) – и примкнувшая к ним Магдалина (*Елена Прекрасная, она же – Надя Рябцева*). Известно, чем закончился этот футбол – 0:1. Когда Парис, мой сын в том воплощении, подвел к нам с Гекубой царицу Елену, я пережил сразу два чувства, надорвавших сердце и помутивших рассудок. Первое: я люблю эту женщину – и всегда любил, из жизни в жизнь, еще, может даже, на тонком плане существования, до вочеловечения. Второе: нам всем пришел конец, мы погибли.

Еще пример – Никейский собор. Ясно было, что Старшие не дадут нам утвердить Христа-человека, что они сделают все для того, чтобы Византия стала Вторым Римом. Потом они будут говорить, что массы были не готовы, что нужна была упрощенная переходная модель и т.д. Но правда, на самом деле, в другом. Она в том, что империя не смогла бы основаться на образе Христа-человека, ей позарез нужен был Христос-Бог (*это только мое мнение; у Светки – другая версия событий*). Нужна была формула нового культа – отличного от всех, доселе существующих. В результате – церковь стремительно начала болеть: сначала монофизитской ересью, а затем – и монофелитской. Излечились ли? Я не уверен. Хотя бился с обеими ересями насмерть: Теодорихом – силой оружия, Максимом Исповедником – силой внутреннего убеждения.

Для Старших была принципиально важна божественность Христа. Они делали упор на Дух Христов, который сиречь копия Духа Божьего, полное равенство. Светка пишет мне так: «Род Марии готовили из поколения в поколение, чтобы материя, из которой будет построено тело Христа, была чистой, всё его тело генетически - копия Марии, с единственным изменением хромосом «х» на «у». Каждый человек носит дух - маленькую частицу (*именно частицу*) бога, а Христос был равен Богу, то есть вся необъятная духовная суть Абсолюта была умещена в человеческом теле». Итак, Старшие искали преодолеть человечность Христа, чтобы углядеть за ней нечто большее – Бога в человеке.

Нам же, Младшим, наоборот, нужен был – Сын Человеческий, Брат и Учитель. Христос-кумир, Христос-идол - нам, Младшим, никогда не был нужен - ни сейчас, ни 2000 лет назад. Магдалина – гладила по волосам живого, снимала с креста и переносила во гроб мертвого – Человека, Воскресшего вслед своей крестной смерти, но оставшегося Тем, чем мы Его знали всю недолгую историю совместного служения. Тем, в раны Которого я тыкался пальцами. Который ел с нами по Воскресении печеную рыбу и хлеб. Человеком и Сыном Человеческим. Лучшим из людей. Тем самым, понимая Христа человеком, мы оставляли за собой право идти Его путем – и спастись таким образом. Оставляли за собой право, наравне с Христом, носить Бога в себе – и даже во всей полноте Божества, коли достанет личностного роста, коли душа очистится, по примеру святых.

Тем самым, ни Старшие, ни Младшие – не справились с проблемой Богочеловечности Христа. Старшие шли от Бога к человеку – но заикливались на Божьем. Младшие шли от человека к Богу, но оставались в пределах человека. Двоемирия Христа не удалось удержать ни тем, ни другим – ни в вере, ни в поступках. Одно дело – доктринально, догматически

признавать Богочеловечность в церкви. А другое дело – практика жизни, решения каждого дня. Вот, Светка приходит царем-язычником – Хлодвигом, Константином, Владимиром. По-язычески заправляет, и лишь под конец жизни принимает христианство (*как следствие – выздоравливает ребенок, выигрывается сражение*). Какой христианин из Петра Великого, вещь вполне известная (*хотя связи с Андреем он никогда не терял, отсюда и флотский флаг*). При этом, у Светки-Андрея ни разу не возникает и тени сомнения: сначала в том, что Бог – есть, а потом, что и Христос – Бог. Бог, империя, народ – вот ее триада.

Наоборот, Фома, когда он приходит в этот мир священником или учителем (*Оригеном, Арием, Несторием, Максимом Исповедником, Антонием Падуанским, Джоном Ноксом, Якобом Беме*), всегда бьется за человеческое во Христе. За Его нравственность. За то, что Его Мать – не Богородица, но лишь Христородица, и никакая не богиня вовсе, пусть даже латентно признаваемая и почитаемая в этом качестве. За то, что во Христе действовала не только Божья воля, но и личная (*через это Максимом потерял правую руку и язык*). За то, что человек выступает в диалоге с Богом равным партнером, человек не может жить без Бога, но и наоборот. Тем самым, Фома, педалируя человеческий аспект, микширует аспект Божественный – и тоже периодически промахивается мимо правды. И неважно, анафемствуют его или пишат в святые, по итогам тех или иных его деяний. Старшие апостолы в отношении Фомы иногда произносят обидный едкий эпитет «сатанизм». Фома в долгу не остается. «Идолослужители» - это самое мягкое, на что те могут рассчитывать в ответ.

Иисус был в детстве проблемным ребенком, как свидетельствует Его Мать (*я записывал за Ней, перед отправкой в Мадрас на служение*). Если Он сильно обижался на сверстников, с которыми играл – они умирали. (*Точно так же сегодня новоявленные дети-индиго убивают рядом стоящих. На Светке – три смерти от рака, она жалеет об этом. Довели. Не со зла, не преднамеренно убивает, а просто от ее обиды - умирают*). Ясно, что Иисус не всегда был Сам Себе господином. Те энергии, что бродили в Нем, иногда не находили выхода. В какой-то момент Матери и братьям Его стало казаться, что Он не в Себе. Но однажды Иисус-подросток всех удивил. Он вылепил из глины двенадцать воробушков. А потом эти воробушки ожили и улетели. И тем самым Христос дал понять – Он не сумасшедший, Он просто ИНОЙ. Что Он знает о предстоящем служении – и знает, с кем будет это служение совершать.

Православные писатели умиляются, рассуждая о том, по какому принципу Христос собирал апостольскую группу. Дескать, только конченым аутсайдерам - рыбакам, мытарям и шлюхам - можно было доверить всю полноту христианского учения. Простецам невдомек, что Христос провел тщательный кастинг на тонких планах – и собрал под своим началом команду из душ, у которых в резюме значатся земные боги, цари, фараоны, церковные иерархи, жрецы, полководцы и пророки. Этот звездный десант высадился в Иудее, заранее заточенный на Миссию (*Мессию, каламбур*) очень высокого уровня сложности. Это были души-индиго (*за исключением Искариота*), большинство воплощённых индиго на тот момент, если не считать людей из группы 70. Внешне миллиардам адептов христианства кажется, что миссия состоялась. Но непредвзятый анализ показывает, что **дело было нами провалено**, и началось все на том самом первом апостольском соборе, куда Магдалина принесла фрагмент тайного учения, и где Старшие апостолы заткнули ей рот. Где апостол Фома (*Саша Резанцев*) впрягся за Магдалину, Петр сделал ему замечание, Фома огрызнулся, потом они начали пререкаться, потом Фома встал и ушел. Андрей пытался его задержать, но ничего не вышло. В этот момент перед глазами Андрея пронеслись картины будущего: империи, политые кровью своих врагов, вопящие друг на друга монахи. Но было поздно: история человечества дала трещину. В глазах Андрея стояли слёзы, но Фома уже не видел их.

Итак, мы занялись тем, чем и занимались всю дорогу еще до Христа – выяснением, кто из нас круче. И поперли, как грибы, кривые империи и убогие доктрины, загорелись костры. Однажды мой сын Парис отдал яблоко Афродите, а фактически – той же Елене Спартанской. И полилась кровь. То же самое яблоко я отдал той же самой Елене. На соборе я принял сторону плачущей, небесно красивой женщины – ценой отказа от апостольской общности. Предпочтя тварь - Творцу, человечье – Божьему, я повторил выбор своего кармического сына. И полилась кровь.

Сейчас нам дали последний шанс, чтобы привести себя и мир в порядок. Чтобы договориться, сделаться единой командой, отойти от частичных, ограничивающих формул. Иначе нас больше просто никуда не возьмут, никуда не пригласят. Будем до Страшного Суда в Ботсване драить общественные туалеты и давиться мороженой рыбой в своих дворничьих. Нас приземлили в России домохозяйками, бизнесменами и певунами. Тот же самый пестрый звездно-десантный сброд, что и две тысячи лет назад. Последние тридцать-сорок воплощений мы не слишком-то берегли друг друга, да и себя, - во всех смыслах слова. Поэтому к сему дню пришли «съехавшими», как любит говорить нынешний апостол Павел. Так что надо приводить себя в порядок.

До Шестивия осталось девять лет. Сегодня 12 ноября 2007 года.

24. Пенталгин отзывается из Стокгольма

Известный в узких кругах меценат и бизнесмен Владислав Гольдштейн сидел в баре отеля «Фрейс», что на углу улиц Васагатан и Брюггаргатан, Стокгольм, Швеция. Еще полгода назад Владислав Гольдштейн сидел вовсе и не в баре, но за избиение жены Дуси, в одном из мордовских лагерей строгого режима содержания. Тогда его звали Василием Петровичем Воротиловым, служил он баландером в лагерной столовой и откликался на погонялово «Петналгин». Но теперь все было иначе. Одетый в строгий костюм цвета морской волны, увенчанный галстуком в тон петушиного гребня, бизнесмен Гольдштейн потягивал через соломку кофе латте и лениво просматривал заголовки местной газеты «Афтонбладет». Ничего существенного не происходило: Швеция, сонная скандинавская страна, дремала, убаюканная своим достатком.

Ровно через десять минут бизнесмен Гольдштейн допьет свой кофе и двинется в сторону кинотеатра «Гранд Астория», что на Свеаваген, 45. Там он купит билет на американский фильм «Женщина из его снов» с Робертом де Ниро и Анжелиной Джоли. Он будет смотреть этот фильм уже в третий раз. Он просмотрел эту картину вчера и позавчера, причем покупал билет строго на первый сеанс. Фильм г-ну Гольдштейну не понравился, и чем больше он будет его смотреть, тем будет для него противнее; но это работа. Ровно через полчаса после начала фильма бизнесмен Гольдштейн покинет кинозал, зайдет в местный бар и сядет за один из свободных столиков. Еще через пятнадцать минут к нему подсядет миловидная девушка Рита Свенсен – связная скандинавского подполья. Опознавательный знак – манто из лисы. Рита не появилась вчера и позавчера, всякое могло случиться, паниковать пока рано. Они поговорят, выпьют по чашечке кофе, еще через десять минут у Риты разболится голова. Гольдштейн пороется у себя в карманах, найдет непечатый блистер пенталгина. Рита отломит таблеточку (*обязательно с угла блистера, иначе Рита труп*), попросит бармена принести бокал воды, проглотит, запьет, ей станет легче. Это действие – пароль и подтверждение правильности выданных инструкций. Гольдштейн скажет: оставьте лекарство себе, у меня есть еще. Рита положит блистер себе в сумочку. Еще через десять минут они распрощаются. Гольдштейн вернется в отель, а еще через неделю – если все будет по плану – вылетит в Москву, крутить дырку для новой звезды на погон.

Потому что мишень осталась та же самая – БАБ. Этот лондонский хер, как любовно окрестил его начальник пятнадцатого управления ФСБ Николай Иванович, довольно сильно примелькался на политическом небосводе, и решение о его отгрузке было принято еще два года назад, на самом верху. И вот только сейчас появилась оказия выполнить задание. Как стало известно, объект решил принять южноафриканское подданство. Для этого он собрался в Кейптаун. Стал известен отель проживания. Дальше разыгрывалась хитроумная комбинация, в которой участвовал БАБ, горячая вода в его душевой кабинке – и блистер с пенталгином, который на поверку оказывался сильнодействующим отравляющим веществом, разработанным в одной из секретных лабораторий Конторы (*с полонием в этот раз решили не чепушить*). БАБ моется в душе, затем покрывается зеленоватым налетом, его тошнит, и через три дня он умирает. Противоядия нет. При этом, чтобы не выморить половину отеля, для доставки яда используется миниатюрный радиоуправляемый робот, который юрко движется по трубам с горячей водой аккуратно до нужной точки, в установленный момент впрыскивает яд - и тут же отправляется домой (*в буферный миниатюрный бачок, заранее вмонтированный в систему горячего водоснабжения в подвале отеля, прогрессивный негр-сантехник Нгобо Уссейса – наш человек*). Как только робот-убийца возвращается в бачок, преданный негр Нгобо отвинчивает его и хоронит бачок вместе с роботом в заранее оборудованном тайнике – до тех пор, пока шум не уляжется.

Зазвонил мобильный телефон. Ну что еще такое, с раздражением сказал себе Гольдштейн.

- Владик, это Эля, - сказал на том конце виртуального провода плачущий женский голос.

Гольдштейн вдруг почувствовал, что у него бегут мурашки по спине.

- Здравствуй, Эля, - хрипло произнес Гольдштейн. – Что? – Хотя он уже и так понимал, что. Аллес, вот что. Сигнал по коду три, полный провал всей операции. Аварийный отзыв резидента. Полтора года работы трудового коллектива из десяти человек – псу под хвост.

- Владик, твоя мама умерла, - всхлинула Эля. Чувствовалось, что она борется с собой, чтобы не зареветь. – Два часа назад, обширный инфаркт, почти не мучалась. Она в Склифе, в морге. Мы не будем хоронить, пока ты не приедешь, здесь твои друзья обо всем позаботились уже, спасибо им. Когда ты сможешь вылететь?

- Господи, - сказал бизнесмен Гольдштейн. – Мамочка. Подожди, Эля, я присяду. Господи, какой ужас. У меня мысли путаются. Так. (*Помолчал для вида*) Рейсы на Москву из Стокгольма – ежедневно. Если сегодня я уже опоздал, то завтра прилечу обязательно.

- Хорошо, Владик, - сказала неведомая Эля. – Держись. Позвони перед вылетом, я тебя встречу. Держись. – Всклинула, повесила трубку.

Нетвердой походкой Гольдштейн подошел к стойке ресепшн. За ней стоял менеджер Олаф Схегельстрем (*как следовало из надписи на бейджке*).

- Послушайте, Олаф, - сдавленным голосом произнес на ломаном английском языке бизнесмен и меценат Гольдштейн. – У меня такое горе ... только что позвонила жена из Москвы ... мама моя умерла ...

- Примите мои глубочайшие соболезнования, - сказал Олаф Схегельстрем. Скорчил физиономию, приличествующую случаю.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- У меня к вам просьба, Олаф, - сказал Гольдштейн. – Узнайте, когда ближайший вылет на Москву. Зарезервируйте мне место на этом самолете и сразу же перезвоните мне. 574, я буду в номере. И закажите такси за два часа до начала регистрации.

- Разумеется, сэр, - сказал Олаф. – Что-нибудь еще? Багаж поедет с вами?

- Да, - сказал Гольдштейн. – Вещей-то у меня кот наплакал.

- Да, - подтвердил менеджер Схегельстрем. – Выдержки вам, сэр, в эту тяжелую минуту. Мы все сделаем в наилучшем виде, не беспокойтесь, сэр.

- Спасибо, Олаф, - сказал сэр. Вдохнул и отошел. Потер лоб. Двинулся в сторону лифта. Полный пипец, - вот единственная мысль, что заняла все существо некогда бизнесмена и мецената Гольдштейна, а ныне даже и не пойми кого.

...Уже поздно вечером того же дня самолет авиакомпании «Россия» прибыл в аэропорт Шереметьево-2. Стоял февраль 2009 года, на аэродроме было ветрено, мела поземка. Гольдштейна встречали. Неподалеку от трапа стоял новенький бумер, за рулем которого сидел хорошо известный Гольдштейну специалист по рукопашному бою и дежурный нулевщик Петр Замотаев.

- Здорово, Воротиллов, - сказал Петр, как только Гольдштейн плюхнулся на переднее сиденье.

- Здорово, Петр, - сказал Воротиллов. – Что за ерунда такая происходит?

- У нас ЧП, - отвечал Петр. – Николай Иванович застрелился из наградного ПМ. Нашли его на конспиративной квартире. Поэтому отзываются все резиденты, которых Николай Иванович лично определил к делам за рубежом.

Повисла пауза. Бумер набирал скорость на Ленинградском шоссе. Воротиллов и Замотаев долго молчали.

- Есть какие-нибудь версии? – спросил наконец Воротиллов.

- Самоубийство доказано, - отвечал Замотаев. – Предсмертной записки покойный не оставил. Но есть некоторые догадки. В тот же день и час, как застрелился Николай Иванович, с наших радаров пропал Слободан Драгович, оперативный псевдоним Грек. Ну этот, которого из чечена слепили. Как в воду канул. Объявлен в федеральный розыск, как заведено. Видимо, есть связь. И ты нам поможешь разобраться. Ты ведь этого чемергеса курировал всю дорогу, перед тем как он начал работать.

- А кто вместо Николая Ивановича пришел на хозяйство? – спросил Воротиллов, видимым образом не желая поддерживать в разговоре тему Грека.

- Пока еще не знаю, - отвечал Замотаев. – Сейчас как раз едем знакомиться. Все управление на ушах, перешли на круглосуточный режим работы, отменены все командировки и отпуска. Так что готовь аргументы, спрос будет. И, как говорят засиженные зэки – спрос не голословный и не откупной.

- Крайний нужен, я так понимаю? - спросил Воротиллов с кривой ухмылкой. Он видимым образом нервничал.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Ну ты же в Конторе не первый год, - ответил ему Замотаев. – Погоди, не дергайся пока, может, еще обойдется.

Больше они не разговаривали. Бумер подрулил к зданию на Лубянской площади. Воротилов и Замотаев поднялись на третий этаж на бесшумном лифте, пошли по коридору. И тут Воротилов увидел, как из приемной Николая Ивановича двое неизвестных в камуфлированном обмундировании выволакивают, точно куль, обмякшего, избитого до полусмерти человека. Лицо его было изуродовано до неузнаваемости, однако Воротилов сразу узнал его. Это был Слава, бессменный помощник Николая Ивановича. Под пристальными взорами Воротилова и Замотаева, неизвестные поволокли Славу в сторону туалета, который располагался в конце коридора.

Дверь в кабинет Николая Ивановича была открыта. Воротилов и Замотаев вошли в нее.

- А, прибыли, - сказал человек, сидящий в кресле Николая Ивановича. По виду ему было лет пятьдесят пять, серый пиджак, водолазка под пиджаком, седые волосы, очки с толстыми стеклами в черной оправе, академическая бородка и аккуратные усы. *(Как кинорежиссер вырядился, отметил про себя Воротилов)* – Хорошо. Петр, посиди пока в приемной. Закажи нам, кстати, два кофе и печенюшек каких, что ли. А Вы, Василий Петрович, присаживайтесь. Разговор предстоит долгий. У нас ЧП, Вы знаете.

- Знаю, - бесцветно отвечал Воротилов. Уселся в середине длинного стола для переговоров. Его собеседник сел напротив.

- Давайте я для начала представлюсь, - сказал он. Снял очки, протер их платком, который вынул из нагрудного кармана пиджака. – Зовут меня Сидор Ильич, я работал заместителем начальника восьмого управления, а сюда переведен ИО начальника, приказ подписан вчера вечером. В зоне моей ответственности – российские средства массовой информации и вещание на зарубеж. В частности, Russia Today под эгидой РИА Новости – это мой проект. Потому меня сюда и сориентировали, что пятнадцатое управление стало в последнее время отчетливо фокусироваться на идеологических вопросах тоже. В частности, «Молодая православная Россия», откуда у нас, я так понял, и пошли все проблемы. Ну ладно, не будем забегать вперед.

- Итак, что мы имеем, - начал Сидор Ильич разбор полетов. – Убит начальник управления ФСБ, перебежал один из ключевых агентов. Я именно так трактую случившееся. А Вы как думаете?

- Я согласен с Вашей оценкой, - отвечал Воротилов.

- Очень хорошо, - сказал Сидор Ильич. – Значит, мы думаем одинаково. Тогда прошу Вас дать версии.

- Полагаю, - сказал Воротилов, - что за основу надо взять перебежку агента в стан вероятного противника, а именно – под эгиду так называемой апостольской группы «12». Его перевербовали и под каким-то соусом заставили работать на себя. Также вероятно, что Слободан Драгович получил некоторую информацию, которая могла бы непоправимо дискредитировать Николая Ивановича. И он пытался его этой информацией шантажировать. У них была встреча перед самоубийством?

- Да, - отвечал Сидор Ильич, - позавчера, судя по журналу. Я еще всего только сутки на этом месте, поэтому попрошу Вас не опускать никаких подробностей. Что еще такая за «группа 12»?

- Это люди, - пояснил Воротилов, - которым кажется, что они в прошлой жизни были апостолами Иисуса Христа. Они развернули весьма активную деятельность по вспоминанию якобы своих прошлых жизней. Кое-кто из них даже прошел регрессионный гипноз, по нашим сведениям, вспомнил прошлых жизней целую кучу. Но я уже полгода не в теме, поэтому я не знаю, в каком состоянии сейчас вопрос. Но главная миссия группы, как они ее определяют – подготовка нации ко второму пришествию Иисуса Христа и восстановление в России монархии.

- Очень любопытно, - сказал Сидор Ильич и потер лоб ладонью. – Только непонятно. У нас же есть отдел «Р», который как раз и занимается всеми этими аномалиями: НЛЮ, зеленые человечки, полтергейст, биополя, призрачные гномы и так далее. Почему же пятнадцатое управление взяло себе эту тематику?

- Потому что Николай Иванович хотел одновременно убить двух зайцев, - пояснил майор ФСБ Воротилов. – С одной стороны, он решал вопрос идеологического оздоровления нации. Создавая движение «Молодая православная Россия», он хотел интенсифицировать околоцерковную работу, создать некое подобие церковного комсомола, который впоследствии превратится в политическое движение и партию. С другой стороны, силами именно этого церковного комсомола Николай Иванович хотел придушить апостольскую секту. И именно за этим он создал такой персонаж, как Слободан Драгович.

- Остроумно, ничего не скажешь - поморщился Сидор Ильич. – Взять чечена-террориста, отмыть его, переокрасить в серба и выставить на всеобщее обозрение как одного из руководителей православного общественного движения. Попахивает каким-то абсурдом, если не сказать больше.

- Не соглашусь с Вами, - отвечал Воротилов. – Не так все выглядит. Он же не просто чечен-террорист. Он прошел полномасштабную психическую обработку по технологии «Восход». Под этим влиянием он категорически отказался от всех своих прежних убеждений, принял православие, завербован на убеждениях. Очень способный, я сам его готовил. Правда, я не знаю, как пошло у него дело. Перед самым созданием движения я выехал в Скандинавию.

В дверь постучали. Вошел Петр Замотаев, на подносе он нес два кофе. Поставил поднос на стол.

- Очень кстати, - сказал Сидор Ильич. – Спасибо, Петр, на сегодня свободен. *(Петр вышел из кабинета)* Угощайтесь, майор, ночь впереди длинная. А что еще за технология «Восход» такая? Только в самых общих чертах, все равно потом придется знакомиться.

- Это технология дистанционного программирования, - объяснил Воротилов. Пригубил кофе. – Конторская разработка, отдел «Р» постарался. Человек засыпает, дальше прибор улавливает его волны, дешифрует их, трансформирует в компьютерные образы, потом вводит человека в фазу измененного сознания и импалантирует ему эти образы обратно. Разумеется, с тем сценарием, который продуман заранее. Кериму во сне тогда приснились убитые жена и дочь. Мы взяли эти образы и вложили в них программу убеждения Керима в том, что с ним разговаривает Иисус Христос. Одновременно с этим сценарием мы поставили Кериму ряд заглушек – кодовых слов, произнесение которых в определенной последовательности приводит к саморазрушению объекта.

- Так его Керим звали? – переспросил Сидор Ильич.

- Да, - подтвердил Воротилов, - Керим Дадаев.

- Все равно не понимаю, - сказал Сидор Ильич. Поморщился. – Что это за мода - вербовать агентов в лагерях – а потом расставлять их на ключевые позиции? Ясно же, что на посту руководителя общественного движения должен стоять штатный сотрудник.

- А он и был штатным сотрудником, - сказал Воротилов. – Ему перед началом работы было присвоено воинское звание капитана ФСБ. Я ведь тоже из лагерного помета завербованный, а вот до майора дослужился. Планировал стать подполковником через неделю, да, видно, не судьба.

- Вы?? – переспросил в изумлении Сидор Ильич. – А кто еще в нашем управлении с такой биографией?

- Не могу знать, - отвечал Воротилов. – Нас научили – лишнего не ковырять. Какая, в конце концов, разница.

- Что это значит – «какая разница»? – переспросил Сидор Ильич и побагровел. – А какая разница между Родионом Раскольниковым и бабушкой, что он топором отоварил?

- Никакой, - отвечал Воротилов. – Все учатся на своих ошибках – и в следующей жизни поменяются ролями.

- А Вы шутник, - произнес Сидор Ильич с холодком. – Это Вас апостолы научили так рассуждать?

- Идею реинкарнации высказывал еще Пифагор, - отвечал Воротилов. – Так что апостол Фома со своими блогами ничего нового не внес в эту теорию.

- Ну тогда с этого места поподробнее, - сказал Сидор Ильич. – Рассказывайте с самого начала, как Вы попали в нашу систему. Где и за что сидели, кем и на чем были завербованы, послужной список и так далее, вплоть до последнего задания. И давайте без дураков. Мне абсолютно не нравится тот вальяжный настрой, с которым Вы прибыли из Стокгольма. Здесь Вам не Швеция, так что юмор идиотский свой попридержите. Дело серьезное, не до клоунады нам теперь. Вы несете персональную ответственность за каждое слово, здесь сказанное, вплоть до высшей меры. Ясно Вам?

- Мне, - произнес майор Воротилов отдельно, - все ясно. И мне категорически не нравится то, что происходит в этом кабинете. Вот так.

- Как это понимать? – спросил Сидор Ильич. Встал. Снял очки и машинально их протер платком.

- Послушайте, Сидор Ильич, - сказал Воротилов. – Я в разведке не первый год. У меня свыше сотни благодарностей от Конторы за выполненные задания и распутанные дела. Пятую часть своей жизни я провел в тюрьме, причем львиную долю этого времени я работал, и мне шел стаж – год за три. Так что я давно могу выйти на пенсию, у меня уже сорок лет выслуги, а самому мне – тридцать восемь, как в анкете. Вы в этом кресле – без году неделя, совершенно не в темах. А уже беретесь обсуждать поступки прежнего руководства, раком

пытаетесь меня поставить, да еще и крутите мультик с показательным избиением сотрудников. Вы что, реально хотите меня застрашать до полусмерти избитым Славой? Разве человека, у которого восемь лет отсидено в крытке и по лагерям, можно чем-то испугать? Хотите знать мою биографию? Сейчас открою. Но для начала – вопрос на понимание. Вас когда-нибудь в задницу чпокали? С одновременным разрыванием на Вас красных труселей?

- Воротиллов, - сказал Сидор Ильич с видимым озлоблением, - не забывайтесь. Я старше Вас по званию и по возрасту. В руках себя держите, не борзейте, вы же офицер.

- Я спросил это для того, - сказал Воротиллов, - чтобы была полная ясность. Я сел в тюрьму по малолетке в 1984 году. Мы с поделом угнали мопед по глупости, нас нахватили и на Лебедевке закрыли, в Питере было дело. Со мной сидело еще четыре пацана и взросляк – какой-то колхозник плуговатый. Как Вы знаете, к малолеткам всегда взросляков сажают, чтобы те меньше творили всякого зла по безнадзорности. А вышло так, что в соседней с нами хате то ли вор сидел, то ли какой-то блатной несусветный, - в общем, до дурья было шмали, и нам в хату целую коробушку этого добра натолкали, тем более мы кабуру расковыряли приличную, в кирпич шириной, и нас за это вор похвалил – мол, встали на воровской ход, дорогу делаете. Раскурились мы до чрезвычайности. Сначала на хи-хи пробило, а потом у пацанов начало башню сносить конкретно, как они еще покурили. Им под этим делом баба понадобилась, а бабы-то и не было. В общем, они осмотрелись окрест себя, и увидели, что я младше их всех. Ну и решили, что моя жопа им подойдет вместо бабы. В ту же ночь они хором меня и отпетушили, и колхозник обкуренный тоже поучаствовал. Сосать заставили и все такое. Вот почему, собственно, я спросил, знакомы Вам эти ощущения или нет. Мне – знакомы, я через это прошел.

- Потом, - продолжал Воротиллов, волнуясь своим воспоминаниям, - я, конечно, с этой хаты сломился – и напрямую в оперчатку. Так мол и так, говорю; меня по беспределу отпетушили, сажайте меня в одиночку, а то я точно руки на себя наложу или сам кого-нибудь вскрою. Мне теперь жизнь не дорога, как знаете. Пожалели они меня, посадили в одиночку. Я вообще был никакой: рыдал целыми днями, о шхонарь головой бился, мне из медчасти валерьянку таскали, я пил, - а других лекарств у них не было тогда. Просидел я так где-то с неделю, а потом меня вызывают в оперхату, а там уже Николай Иванович сидит. Он в то время майором КГБ был, подбирал себе агентуру по тюрьмам и лагерям. Он был прогрессивным руководителем уже в то время – и с самого начала понимал, что из лагерных, особенно прошедших беспредел, отличные агенты получаются – на убеждении, на желании поквитаться за свое унижение. Он мне сразу без прелюдий: можем, говорит, поменять тебе биографию. Внешность изменим, фамилию и имя, годков добавим до восемнадцати. Заедешь в эту же тюрьму, но уже взросляком, на общий режим, там беспредела нет такого, как на малолетке. Одно условие: работаешь, где скажем. Осматриваешься кругом,ходишь в доверие. Прицельно работаешь по людям, каким мы укажем. Здесь потрешься, на зоне потолкаешься, потом потихоньку будем тебя подсаживать по нашему направлению – в Лефортово. Будет у тебя биография, что ты, мол, иконами фарцевал или у «Березки» валюту крутил. Под эту музыку посидишь с реально опасными пассажирами, которые против своей же страны замышляют. Ты будешь сидеть, мы будем тебя прогревать. Дачка тебе будет идти каждые две недели, там и покурить, и заварить, и одежонка – как бы от мамы с папой или от жены, биографию нарисуем нормальную. Ну и, заодно, сделаем тебя кадровым сотрудником, у тебя стаж пойдет – год за три. И зарплата будет на счет падать.

- Ну и я согласился, - продолжал Воротиллов. – Только, говорю, одно условие. Те, кто меня отпетушил, сами должны стать петухами, а как – это уже ваша забота, но я должен твердо знать, что с ними поступили так же, как они со мной. Не вопрос, Николай Иванович говорит, организуем. В те времена очень модное было направление – пресс-хаты, чтобы воров и

блатных ломать. Туда всяких беспредельщиков сажали, отмороженных. Быстро такую спецхату спроворили – и начали в нее по одному моих обидчиков кидать. Там сначала били их, затем петушили в разных видах, а затем заставляли кукарекать в кормушку. И прогоном по централу: такие-то – петухи. Все. Один малец потом повесился, не выдержал. А мне было не жаль ни хрена их. Потому что меня никто не пожалел. Разве что Николай Иванович, который мне всю жизнь был вместо отца. Вот он – пожалел.

- А что до моего послужного списка, - продолжал Воротиллов, - то в личном деле все мои подвиги описаны, сейчас останавливаться не считаю нужным. Расскажу только немного о Кериме Дадаеве, раз он в теме.

- Да, про Дадаева, - сказал Сидор Ильич. Тяжело вздохнул, уселся в кресло Николая Ивановича, покрутился на нем, затем снял очки, протер их платком. – Я приношу Вам свои извинения, майор Воротиллов, за свою несдержанность. Но Вы и меня должны понять. Ситуация критическая, такого в Конторе давно не случалось. Урон колоссальный. Сорваны многие начинания за рубежом, в том числе и Ваш проект. Под угрозой огромное количество только что начатых дел. Поэтому наша задача – в кратчайшие сроки выяснить, что произошло, и сделать выводы. Вы обладаете значительным объемом полезных сведений, поэтому настраивайтесь сразу на длительную напряженную работу. Итак, Дадаев.

- Дадаев, - эхом повторил за ним Воротиллов, размышляя. Потом совсем другим тоном: – Ваши извинения приняты, товарищ генерал-майор. Теперь к делу. Ровно полтора года назад мне поручили поработать с Керимом Дадаевым. Задача стояла так: склонить его на бакланку, чтобы потом с ним можно было поработать в ШИЗО по технологии «Восход». Эксперимент по перековке. Я это провернул, только чуть было глаз не лишился – он мне горячим борщом в лицо плеснул. Закрыли его, включили «Восход», запрограммировали. Он из ШИЗО вышел совершенно другим человеком. Сразу двинул ко мне – мириться. Новая удача. Поступило указание: прописаться к нему в хлебаши. Сделано: начали вместе пайку ломать.

- И чем дольше я с ним на соседних нарах парился, - продолжал Воротиллов, - тем больше я проникался уважением к этому человеку. Я видел, что Керим – просто жертва обстоятельств, а никакой не террорист. Что он жил себе в Чечне до войны, торговал обувью в кооперативе, любил жену, растил дочку. Был советским человеком, одно слово, как и все мы. А потом у него все это в одночасье отняли разные твари, разрушили судьбу, как и мне в свое время. Ну что ему оставалось делать? Мстить, как и мне. Ну вот он и пошел взрывником в банду Вахида. Но после того, как по нему «Восходом» прошлись, он совершенно раскаялся в содеянном, в пролитой крови. Принял православие. Как бы закрыл одну страницу жизни и открыл другую, совершенно переродился. Так что «Восход» ему на пользу пошел. И я это в своих отчетах отмечал. Подчеркивал, что человек вполне годен для работы, и будет много толка. Николай Иванович с моей оценкой согласился. Сказал: на днях подтянем его в Москву и поговорим.

- А Керим в тот же день, как пришел на него этап в Москву, - продолжал Воротиллов, - проделал нечто совершенно из ряда вон выходящее. Вы читали эпизод в моем отчете, где он причащается с опущенными?

- Да, - подтвердил Сидор Ильич. – И, честно говоря, я так и не понял, зачем он это сделал. Ощущение, что крышу у парня снесло от пережитого горя – и вот так выплеснулось.

- Это все произошло на моих глазах, - сказал Воротиллов. В горле у него встал комок. – Керим поступил точно так же, как и Христос поступил бы на его месте, если бы Он был там. Керим как бы не причастие выпил, а всю боль от века обиженных людей, которых петушили в

тюрьмах и лагерях, по согласию или по несогласию. Которых растерли в лагерную пыль, уничтожили. Он выпил все это страдание и сделался солидарным с ним, взял его на себя. Это был просто подвиг. Я понимал, что Керим сделался моим соратником по борьбе. Потому что такой поступок, что он совершил, ничего, кроме восхищения, вызвать не мог. И уже потом, когда Керим согласился работать с нами, я лично вызвался быть его куратором. Посчитал это честью для себя. Думал - воспитать разведчика. А оно вон как обернулось.

- Складно у Вас все выходит, - поморщился Сидор Ильич. – Поэтично, я бы даже так сказал. Ваши эмоции мне понятны. Но давайте их на время отбросим и сосредоточимся на фактах. Ответьте мне на вопрос: как могло получиться, что Ваш протеже, столь лестно Вами же рекомендованный, оказался перебежчиком?

- Во-первых, - парировал Воротилов, - еще не доказано, что он перебежал. Пока мы констатируем, что он исчез. Может, его уже давно нет в живых, этот вариант тоже не исключается.

- Если же взять за основу версию перебежчика, - продолжал Воротилов через паузу, - то здесь все очевидно. Он столкнулся с апостолами, и они его выпили. Как они его вычислили – другой вопрос. Прочитали, как открытую книгу. А затем вышли на него по непрозрачному для нас каналу, вытащили на встречу и перепропагандировали. Может, психическую обработку провели, типа суггестии или НЛП.

- Что значит «выпили»? – переспросил Сидор Ильич. – Выражайтесь точнее.

- Перед отправкой в Скандинавию мы с ним попрощались, - ответил Воротилов. – И я тогда ему сказал: береги себя, дело очень опасное. Это не просто присматривать за кучкой повернутых на голову сектантов. Большинство ребят, что попали в группу «12» - это дети-индиго, как они сами утверждают. А что такое дети-индиго? Это ясновидение, сверхспособности - и очень мощная, плохо управляемая энергетика. Запросите справочку у наших из отдела «Р», они Вам расскажут. Маленькая девочка с косичками, идет по улице, ее толкает прохожий дядя. Девочка обижается и говорит: чтоб ты сдох, дядя. У дяди тут же сердечный приступ, его увозят в больницу, где он и умирает. Вот что такое индиго. И это уже массовое явление, таких детей рождается все больше и больше.

- Скажите, Василий Петрович, - перебил его Сидор Ильич, - а Вы сами во все это верите?

- Да, - просто ответил Воротилов.

- Так, может, - спросил далее Сидор Ильич, - Вы и в Бога веруете?

- Да, в Троицу, - ответил Воротилов. – Сейчас это разрешено. Даже Путин верит. А Вы?

- Я – нет, - отрезал Сидор Ильич. – Не вижу оснований.

- Николай Иванович тоже не верил, - сказал Воротилов тихо, как бы про себя. – А я, наоборот, в гипотезу прошлых жизней не верю. Я верю в то, что наступает Судный день, и эти лже-апостолы – посланники князя мира сего, суть дьявола. А тот, кто возьмется вести их в бой – тот Антихрист. И наша задача – остановить их, пока не стало поздно. Пока они не вошли в силу. А силы у них, судя по всему, прибавляется.

- Я это к чему спрашиваю, - сказал Сидор Ильич. – Методы объективной разведки заставляют разбирать все версии. Давайте предположим обратное - теория реинкарнаций

верна. Предположим, эти ребята – те, за кого себя выдают – самые стопроцентные апостолы. Просто предположим, ничего личного. Они ждут Христа. Христос – реинкарнированный Христос – приходит. Что дальше, как будут разворачиваться события?

- Ничего хорошего, - отвечал Воротилов. – Гражданская война. Мы свою церковь не отдадим. Теория перевоплощений осуждена на Константинопольском соборе полтора тысячелетия назад. Приходит псевдо-Христос, начинается смута. Соблазн и раскол, как было при Лютере. Кровь. На нас нападает Китай, оккупирует Сибирь и Дальний Восток. России, как мы ее знаем, наступает конец. Николай Иванович хорошо видел этот сценарий – и к нему готовился. Вот ради чего, собственно, все это было задумано – «Молодая православная Россия» и все остальное.

- Значит, - подытожил Сидор Ильич, - группа «12» должна быть нейтрализована под корень, и чем скорей, тем лучше. Безотносительно того, есть инкарнации или нет, апостолы там или лжеапостолы. Лишнее нам это теперь. Тем более такие издержки.

- Вы правы, - сказал Воротилов. – Но в тактическом отношении я вижу эту нейтрализацию проблематичной. Сажать их не за что. Ликвидировать мы их не можем – слишком много вони поднимется. Во-первых, Фома уже всем развонил о своем апостольстве, в ближнем круге – и на блоге его имени. Устранение его и остальных вызовет нежелательный резонанс. Во-вторых, 12 апостолов – это только верхушка айсберга. Я так понял, они сейчас вплотную занялись поиском 70 апостолов второго призыва, усиливаются. Значит, круг вовлеченных лиц разрастается до нескольких сотен человек. И, в-третьих, мы не знаем, как они закрышуются. По агентурным данным, Светлана Ростова – она же апостол Андрей – плотно связана с крупной московской преступной группировкой, которая по нашим спискам проходит как «Черемушкинский альянс». Это мне Николай Иванович буквально неделю назад дал такую наводку через наш портал, интересовался, нет ли у меня чего на «Альянс». Значит, проведение спецопераций по группе «12» может вызвать вооруженное противодействие, вплоть до боестолкновений. И, наконец, не сбрасывайте со счетов их индиго-возможности. Да, и совсем забыл. Двенадцатый апостол так и не найден. Или найден, но засекречен. Поэтому если даже мы ликвидируем всю группу, он может возобновить всю работу с самого начала.

- Так что же Вы предлагаете? – спросил Сидор Ильич.

- Работу по двум направлениям, - отвечал Воротилов. – Первое направление: продолжать усиливать «Молодую православную Россию». Создание новых региональных отделений, идеологическая работа, дискредитация идей группы «12» в широких молодежных кругах. Дискредитировать надо: а) идею реинкарнаций как вариант сатанизма; б) идею монархии – как реакционную утопию для современной России. Как известно, никакая монархия не спасла Россию ни от Лжедмитрия, ни от октябрьского переворота. Путь России – это управляемая демократия, под контролем элит. Это формулировка Николая Ивановича, и я готов под ней двумя руками подписаться. И последний пункт дискредитации – сами апостолы, их личности. К примеру, Фома. Кто он? Мошенник, четыре года в Энской тюрьме отсидел, 8000 потерпевших. Разве настоящий апостол мог бы до такого докатиться? И так далее.

- Нужно, - продолжал Воротилов, - постепенно превращать движение в политическую партию, участвовать в выборах в Госдуму 2011 года. Второе направление: плотное наблюдение за ключевыми фигурами в группе «12», сканирование переписки, телефонных разговоров. Круглосуточное наблюдение как за ними, так и за их контактами с «Черемушкинским альянсом». Туда позарез нужен «крот». Надо действовать сообща нам с

ментами и со смежниками – в частности, с «эрщиками». Сил должно быть задействовано много. По мере того, как появится объективка, - принимать решение, что делать дальше. Нейтрализовывать по одному, или вызывать и беседовать, или еще что-то. На горячую руку я бы туда точно не совался. Можем наломать дров.

- Все правильно, - сказал Сидор Ильич. Вздохнул, встал с кресла, прошелся по кабинету. – Я и сам в тех же мыслях. Тогда так, Василий Петрович. Тебе поручается встать на место Слободана Драговича. Ничего, что на «ты»? Давай, так будет проще. Нам вместе еще работать и работать. Надо вытягивать движение. А то мне Татьяна Филатова звонила сегодня, она вся в мыле, зашивается. Ей помощник нужен. Будешь действовать из глубокой тени, без засветки, под рабочим внешним псевдонимом. Петр Замотаев поможет тебе на первых порах. Жить будешь в Братеево, в арендованной квартире, где Драгович жил. Берешь на себя все то же, что было у Драговича – безопасность, помощь Татьяне с открытием новых региональных отделений, контакт с Патриархией через дьякона Караваева, спонсорские взносы через Пфельда, креатив через Муромцева Валентина Кузьмича. Правда, тут надо что-то решать – деятель уже неделю в запое, жена его звонила, под капельницей дома валяется.

- Да, за ним такое водилось и раньше, - подтвердил Воротилов.

- На хрена, спрашивается, попу гармонь, - недовольно пробормотал Сидор Ильич. – Давно надо было гнать из Органов поганой метлой.

- Николай Иванович считал его лучшим и незаменимым, - отозвался Воротилов. – Считал, что у него – звериное чутье на креатив, обостренное чувство злободневности – и четкое понимание, какая фишка когда и где выстрелит. Криэйтор божьей милостью – как Татарский у Пелевина в «Поколении П».

- Возможно, - нахмурился Сидор Ильич. – Федор Михайлович пишет в «Карамазовых» так: широк русский человек, надобно сузить. Ладно, черт с ним, с алкашом. Первую задачу ты уловил. Теперь второе. Назначаешься руководителем проекта «Орден святого Николая», как он и идет сейчас, но с усилением. Мы договоримся, чтобы тебе в оперативное подчинение были переданы сотрудники из соседних подразделений, в том числе из отдела «Р». Задача проекта – взять группу «12» и «Черемушкинский альянс» в плотную разработку. Нужно выяснить, почему застрелился Николай Иванович и куда подевался Керим. Нужно понять, в какой апостолы силе сейчас, в том числе в плане астральных техник, кто их и как крышует, их ближайшие намерения. Желательно водить их из борделя в клинику и обратно. Но ни под каким соусом не выходить с ними на прямой контакт, только наблюдение и анализ. Докладываешь мне обо всем через день, отчет – на портал, как заведено. Уловил? Хорошо. Три дня отпуска тебе даю. Завтра Николая Ивановича хороним, на Ваганьковом, рядом с Олегом Далем дырочка открылась для парковки, так что он будет в хорошей компании лежать. Простишься по-человечески. На поминках познакомлю тебя кое с кем из нужных людей, они помогут.

- А что по проекту «БАБ»? – спросил Воротилов. – Всего недели не хватило.

- Пока все останавливаем, - сказал Сидор Ильич. Я понимаю, тебе жалко, и звезды жалко в том числе. Но сейчас решительно не до того, смирись. Людям мы заплатим, по линии смежной сети или через то же скандинавское подполье. И дадим команду – ждать. Все равно этот твой БАБ – груз 200, ясен пентиум. Стрела Амура его достанет однозначно, не переживай.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Кстати, по поводу Славы, - завершил Сидор Ильич. – Это, конечно, инсценировка была. Никто его и пальцем не трогал. Но два часа гримировали зато. У нас свои методы работы, чего тебя учить, претензий быть не должно. Главное – момент истины, а он у нас есть.

25. Слободан прекращает работать на Контору

Ровно за сутки до самоубийства Николая Ивановича, в Москве, в Сокольническом парке встретились двое. Один из них был Слободан Драгович, руководитель движения «Молодая православная Россия», в прошлом - чеченский террорист-взрывотехник Керим Дадаев. Второй был Александр Резанцев, доктор экономических наук, по совместительству – реинкарнация апостола Фомы, а в прошлом этого воплощения – мошенник и многоженец. Ради того, чтобы поговорить с Керимом, Фома проделал долгий путь из Петербурга в Москву на ночном поезде. Соответственно, не выспался.

Февраль 2009 года выдался теплым. Шел снег, на сильно подтаявшей в прошедшую оттепель земле на ходу образовывались вмятины. Земля почавкивала под каблуками неторопливо прохаживающихся по парку мужчин. Наст на лужах и в прудах не окреп, поэтому снег, падающий с небес, беспрепятственно таял в черных зеркалах воды. Парк был пуст – потому что в четверг в восемь утра мало было желающих празднично дышать свежим воздухом.

- Нет, - повторил Фома и вздохнул. – Слишком сыро это все – и смахивает на авантюру.

- Перестраховываешься? – спросил Керим. – Хочешь дотянуть до последнего? Дождаться, что тебе в дверь постучат? Они консолидируются, я тебе говорю. *(Тут у Керима зазвонил мобильный)*. Извини, я отвечу. Драгович слушает.

- Это диспетчер, - прошелестел в трубке миловидный женский голосок. – Ключ, пожалуйста.

- Баргузин, - сказал Керим.

- Принято, - сказала диспетчер. – Новый ключ – Магнитуда.

- Магнитуда, - повторил Керим.

- До свидания, - сказала диспетчер и отключилась.

- Ну вот видишь, - сказал Керим. – Раньше они звонили два раза в сутки, а теперь четыре, в том числе ночью один раз, часа в три. Объясняют повышенными мерами безопасности. А я знаю другое. Они усилили плотность наблюдения.

- Тебя ведут? – спросил Фома.

- Не исключаю, - сказал Керим. – Хвоста не заметил за собой пока. Но что-то готовится, какая-то акция по вашей группе. Поэтому они держат всех ключевых фигурантов на коротком поводке, чтобы исключить срыв операции. Они никому не доверяют – и правильно делают.

- Нет, упреждающий удар – вещь заманчивая, никто не спорит, - сказал Фома. – Но: слишком велики риски. Во-первых, мы не можем гарантировать, что нашли и вынули у тебя все закладки. Сколько мы нашли? Три?

- Три, - подтвердил Керим. – И их запросто может быть пять.

- Вот именно, - подтвердил Фома. – А сама операция далеко не безобидна. У тебя через сколько времени голова прошла после последнего раза?

- Через неделю где-то, - сказал Керим.

- Вот видишь, - сказал Фома. – Ты у нас как собака Павлова, мы на тебе опыты проводим. Тыкаемся, как слепые котята, на голом энтузиазме. А ведь это не шуточки, это мозг; а мы по нему как в кирзовых сапогах ходим. Ведь не знаем, какие будут последствия.

- Фома, - перебил Керим, - хорош оправдываться. Мы ведь это все обсуждали и обо всем договорились. Я согласился добровольно.

- Ладно, - сказал Фома. – Будем надеяться, что закладок всего три. То, что Николай Иванович попытается их активировать, это точно. Теперь второе. Мы не уверены, что поставили свою закладку Николаю Ивановичу. Это наш первый опыт, когда мы ставим человеку закладку по астрально-эфирному телу. Светка старалась, но не факт, что ей удалось. Если же у вас дойдет до рукопашного боя, то он тебя вырубит, шансов нет. У него же каждый день айкидо по вечерам. Так что тут тоже риск, и до этого доводить не надо. Лучше беги, как Форрест Гамп. И третье, последнее. Если они тебя там же и повяжут, то не факт, сможем ли мы тебя отбить. Твой мобильный мы видим по GPS. Но в этом крайнем случае без стрельбы все равно не обойдется. Друиды обещали нас прикрыть. Но схватить шальную пулю – это на раз, не тебе объяснять.

- Да, - сказал Керим, - риски есть. Но еще больший риск – допустить, чтобы наше движение распотрошили. Нужно попытаться в зародыше пресечь эти поползновения. Кстати, что Светка говорит по поводу завтрашней встречи? Какие наши шансы?

- Мы, - сказал Фома, - дали себе зарок недавно – принципиально отказаться от гаданий на будущее. Что приходит как видение будущего – это только вариант, и пусть оно приходит, когда хочет, но только без всякого насилия. Что же касается традиционного вопроса к Свете на «да-нет» по будущему – то тут мы взяли мораторий. Наши вопросы – это чистое насилие над Богом, вмешательство в Его План о нас. Из-за того, что мы портим эту Матрицу, ее приходится постоянно перерасчитывать, в угоду нам. В результате, Вселенная начинает перегреваться от лишних порожняковых операций. Взбивается дурная карма, ее надо куда-то девать. Вот она и вываливается нам на голову. Нам это не надо. Почему и прямой запрет на гадания и ворожбу в Библии. Ведь люди не умеют нормально воспринимать будущее. Узнав что-то, они выключают свою волю, перестают действовать по внутреннему убеждению. Плывут, как ежики в тумане, к нагаданному будущему, которое, кстати, может запросто и не сбыться. В результате, люди попадают в блудняк. Ладно еще – время теряют, а то еще начинают депрессовать на несбывшихся ожиданиях.

- Кстати, - продолжил Фома, - Светке недавно стали приходить картинки с Шествия, где вместо апостолов идут люди, которые несут на руках детей в пеленках. Это означает, что есть риск не дожить, и сам факт Шествия не гарантирует нашего долголетия. С этой точки зрения, будущее разомкнуто, и жесткой программы нет. Это справедливо.

- А кого конкретно несут в пеленках? – поинтересовался Керим. – Тебя несут?

- Светка не говорит, кого несут, - отвечал Фома, - и правильно делает. Говорит так: следите за собой, не косячьте, не выбирайте ложных путей. В принципе, правильно, это в зоне нашей ответственности. Но мы отвлеклись, к делу. Итак, ты пришел на явку

... На следующие сутки Керим стоял на пороге конспиративной квартиры в Малом Знаменском переулке. Эта квартира на втором этаже специально была зарезервирована Конторой для встреч с нужными людьми в центре города, без заезда на Лубянку. Ключи от квартиры постоянно находились у консьержа. Зарезервировать ее можно было по телефону. Чтобы дать понять людям, находящимся на улице, что квартира занята, на окно выставлялся горшок с декоративной мимозой.

Керим позвонил. Дверь открыл Николай Иванович.

- Давно тебя не видел, рад, - сказал Николай Иванович. Пожал Кериму руку. - Как раз вовремя, сейчас будем пить кофе. Раздевайся, проходи на кухню. Случилось чего?

- Да, случилось, - сказал Керим. Разделся, прошел на кухню, сел за стол.

- Надеюсь, ничего такого, - сказал Николай Иванович. - У меня тоже есть новая информация, все равно пришлось бы очно встречаться. – Поставил перед Керимом чашку, налил в нее кофе из большой «турки». – Сахар по вкусу. Ну что, кто первый докладывает, я или ты?

- Давайте Вы, - сказал Керим.

- Хорошо, - сказал Николай Иванович. – Так вот. На самом верху принято решение закруглять проблему «12», в самые кратчайшие сроки.

- Каким образом? – переспросил Керим.

- А вот каким, - сказал Николай Иванович. – Та информация, что ты собрал, четко свидетельствует о том, что группа «12» представляет собой колоссальную угрозу для безопасности страны. Когда это все еще было в зародыше, можно было, не торопясь, собирать на них объективку и анализировать. Сейчас, после полугода плотной работы по ним, понятно – пора делать оргвыводы. Слишком все запущено. Начиналось-то все у них как безобидный кружок по интересам, а теперь тут тебе и плотная связь с криминалом, и опыты по дистанционному воздействию на людей, и регрессионный гипноз. На хер, к терапевту. Первые в списке на нейтрализацию – главные энтузиасты: Резанцев, Ростова, Баранова. Как выводить их с поля – вопрос техники, это уже не твоя забота. Кого-то можно закрыть, кого-то – отправить на дурку, а кого-то – просто отгрузить. Сам знаешь, сколько сейчас развелось хулиганья – на улицу вечером и не сунешься. Так что сдавай дела по проекту «Орден святого Николая» Пете Замотаеву и вплотную сосредотачивайся на «Молодой православной России». Нужно удвоить темп открытия новых отделений. До конца девятого года мы должны иметь по точке в каждом субъекте федерации. О выборах в Думу 11-го года надо уже вплотную задумываться, времени не очень чтобы много. Наверху поставлена задача – минимум семь процентов голосов отъесть, пройти барьер. Задача трудная, но вполне выполнимая, судя по той активности, что мы уже имеем. Все ясно?

- Так точно, - отвечал Керим. – Разрешите высказать свои соображения.

- Валяй, - разрешил Николай Иванович. Откинулся в кресле.

- Я давно хотел поговорить с Вами по душам, - начал Керим, - да все okazji не было. Вы должны знать, Николай Иванович, что я Вас глубоко уважаю как человека и как профессионала. Ваши убеждения мне симпатичны, и в целом я с ними солидарен. Однако то, как Вы рассматриваете деяния группы «12», их роль в историческом процессе и так далее,

представляется мне глубоко ошибочным делом. И эта ошибка, если она зайдет вглубь – а все признаки за это – может очень больно ударить по судьбе страны. Я готов обосновать.

- А вот с этого места поподробнее, - сказал Николай Иванович. Нахмурился, и былой вальяжности как не бывало. Теперь это был точно тигр, готовящийся к прыжку. Быстро он концентрируется, подумал Керим, опасный пассажир, что говорить. Не зря такой пост занимает, волчина.

- Начну с главного, - продолжил Керим. – Идея реинкарнаций. Есть твердое убеждение, поддержанное церковью, что все это – не более чем выдумка эллинов и индусов. Эта официальная точка зрения не имеет научного подкрепления, она есть не более чем факт веры. Зато обратная позиция – наличие реинкарнаций – имеет множество научных доказательств, обобщенных в большом количестве трудов зарубежных ученых. Именно эта точка зрения позволила развить такое направление, как регрессионный гипноз. Люди в ходе погружения в транс вспоминают свои прошлые жизни, и вспоминают отчетливо. Эти воспоминания четко отличаются от фантазий своей яркостью, неочевидностью, подробностью в мелочах. Так что это не грезы.

- Конечно, всякая наука базируется на доказательствах, - продолжал Керим. – На фактах. Эмоции и догадки к делу не пришьешь. И я, пока собирал материалы на апостолов, вдруг подумал: а почему бы мне не заняться сбором фактов за или против главной идеи? Они ведь вспоминают свои воплощения в Великую отечественную войну, называют фамилии и адреса. Что мне, думаю, мешает проверить, жили ли те-то там-то? И я начал проверять. Заказал архивный поиск – как частное лицо, чтобы не светиться.

- Очень интересно, - задумчиво произнес Николай Иванович. Потер рукой лицо. – Продолжай, извини, что перебил. Как интересно ...

- Так вот, - продолжил Керим. – С первого раза получился у меня облом. Домовые книги по адресам Малая Бронная 10 и 12 не сохранились. Видимо, там было много репрессированных, поэтому НКВД сознательно уничтожил эти книги, чтобы обеспечить беспрепятственное заселение новых квартирантов после войны. Соответственно, данные на Ростову, Валикова и Баранову подтвердить не удалось. Приуныл я. А потом вспомнил, что у Ростовской были сведения на Дениса Удачина, что он в войну жил в Большом Патриаршем переулке, дом 10. Пошел искать домовую книгу. Не нашел. Но зато нашел чудом уцелевший список жильцов. Там в квартире 32 был прописан некто Модзалевский Даниил Аркадьевич. О профессии ничего, к сожалению. Это как раз то, что дала Светлана на Дениса: польская фамилия, с окончанием на «ский», и имя – Даниил. Редкое сочетание – адреса и имени. В любом уголовном деле это бы признали уликой.

- Модзалевский, говоришь, - произнес Николай Иванович. – Боюсь, что этого поляка не хватит, чтобы развернуть наши убеждения на 180 градусов. Даниил. Да мало ли в Москве Даниилов, что это вообще доказывает? Станный ты парень, Слободан. Вместо реального дела – херней какой-то принялся заниматься. Много лишнего времени образовалось, что ли?

- Мне понятен Ваш скепсис, - парировал Керим. – Я тоже подумал, что этот поляк ни Вас, да и никого вообще, не заинтригует. И тогда я понял, что пора нырять в архив НКВД. Я сделал запрос – и получил справку, которая все ставит на свои места. Действительно, 15 ноября 1942 года в немецкий тыл была заброшена разведгруппа в составе из трех человек: Николай Захаров, Светлана Никитина, Юрий Мережковский. Задача была – внедриться в подразделение абвера на территории захваченной Польши. Связь группы осуществлялась через заранее внедренного туда резидента, который проходил под оперативным

псевдонимом «Юзеф» (это, надо полагать, Резанцев в прошлом воплощении). Потом я сам посмотрел эту архивную папку. На анкетах – фотографии теперешних Ростовской, Барановой и Валикова, сходство очевидное. Вот и окончательное доказательство. Никто из апостолов не имел и не мог иметь доступа к нашим архивам. Поэтому ни о каком случайном совпадении речи быть не может. Свидетельство апостолов плюс данные архива – такого доказательства реинкарнаций мировая история еще не знала.

- Таким образом, - подытожил Керим, - решение о ликвидации апостольской группы видится мне глубочайшей несправедливостью. Мы ставим на размен людей, которые в свое время отдали жизни за Родину, тесно сотрудничая с Конторой, кстати. В глубоком вражеском тылу они ковали победу, ежечасно рискуя жизнью – и поплатились. Так что же: если верна гипотеза реинкарнаций, если подтвердились данные по ВОВ – то методом индукции можно домыслить, что и апостолы они, эти люди, - самые взавправдашние. Возникает вопрос: а имеем ли мы или Контора в целом право мешать сбываться тому, что предопределено самим ходом истории? Вправе ли мы ставить палки в колеса Божьего Промысла? Вот как обстоит дело. Мы слишком мало понимаем смысл происходящего, чтобы принимать те решения, что готовятся.

- Слободан, - вкрадчиво спросил Николай Иванович, - я тебя выслушал внимательно и ни разу не перебил. Ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос. Я для чего тебя выписал из Саранского лагеря и полгода потратил на твою адаптацию? Для того, чтобы ты дело делал реальное – или для того, чтобы ты занимался развалом страны? Нет, дай мне договорить. Ты только что доказывал мне тут с пеной у рта, что гипотеза прошлых жизней верна. А давай зададимся вопросом – действительно ли это так важно? Я считаю – категорически нет. Ты начинаешь рассуждать как теоретик, как тот же Фома, не к ночи будь помянут. А я рассуждаю практически. Гипотеза прошлых жизней – чему она помогла? Спасению душ человеческих? Не может быть. Повышению нравственности населения? Никак. Упрочила ли она традиционную веру? Нет, но разрушала и разрушает. Обеспечивает ли консолидацию общества? Нет, и не собирается.

- Ты полагаешь, что у нас впереди целая вечность, - продолжал Николай Иванович. - У нас от силы двадцать лет, я тебе уже говорил. У нас решительно нет времени на философские дебаты, нам надо крепить ряды. Теория реинкарнаций осуждена? Прекрасно, пусть так и остается. Ты пытаешься молодое вино, еще не перебродившее, залить в старые меха. Люди категорически не готовы производить внутри себя кардинальный перепросмотр мировоззрения, неужели не ясно? И еще не скоро будут готовы. Что у нас есть в активе? Старая, проверенная вера. Таким образом, я старое проверенное вино лью в молодые меха. Я пытаюсь заслуженное учение встроить в мозги нашей молодежи. С твоей помощью, между прочим. Тем самым, я вырабатываю механизм консолидации страны вокруг одного аттрактора – православия в обновленной упаковке. Я бьюсь за единство. А ты тащишь сырую, непроверенную вековым опытом понимания и принятия, чуждую нам линию. Что нас ждет, если «апостолы» хоть сколько-нибудь смогут пропиариться? Сначала – дебаты. Потом – расколы по приходам всех церквей. Потом – смута и кровь. Так было при Лютере, так будет и у нас. Это неизбежно. И что, нам это надо? И неужели ты думаешь, что у нас есть выбор между реальной Россией и мифической правотой кучки сектантов? Нет – и никогда не было у нас такого выбора.

- И вообще, - продолжил Николай Иванович, - у меня в какой-то момент начало складываться ощущение, что ты, мил человек, начал шпилить на сторону. Однажды я заметил, что у тебя лексикон поменялся. «Методом индукции» он, видишь ли, домысливает. Решил под умного сработать? Ты же простой парень, Керим, от сохи, у тебя восьмилетка окончена, потом медучилище на ветеринара – коровам хвосты крутить. Какая, нах,

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

индукция? Вывод: парень с кем-то спелся. Например, с тем же Фомой, и от него набрался дурного. Гипотеза, проверяем. Поставили за тобой хвоста. И вот теперь прямой вопрос к тебе, Керим. Что ты вчера делал в Сокольниках в 8 утра? Молчишь? Ну молчи. Ты встречался с Фомой и получал от него вводные – вот что ты делал. Решил скорешиться с врагами народа. У тебя был шанс, ты его не использовал. Опозорил высокое звание чекиста. Ты просто – крот паршивый, и больше ничего. А посему – **малиновый скафандр звездочета** тебе!

Произнеся свое заклинание, Николай Иванович уставился на Керима – с видимым ожиданием того, что заговор сработает. Однако шли секунды, а видимых преобразений не происходило.

- Нет, - произнес, наконец, Керим.

- Что – нет? – недопонял Николай Иванович. Встряхнулся от оцепенения.

- Не сегодня, - отвечал ему Керим с суровой долей сарказма. – По четвергам эта формула не канает. Попробуйте зайти с другого конца.

- Сейчас попробую, - сказал Николай Иванович. В правой руке у него волшебным образом оказался пистолет Макарова. – Руки в гору, боец. Без дурья. Повернись. К стене. Руки на стену, ноги расставить. – Керим повиновался.

- Последний вопрос, - сказал Николай Иванович, обыскивая Керима. – Сейчас машина за тобой придет, в управлении договорим. Кто конкретно тебя завербовал, и на чем? И кто снял закладки?

- **Высокодуховный сельский бегемот**, – пробормотал Керим.

В этот момент Николай Иванович почувствовал, что к его голове стремительно приливает боль. Боль была несусветной. Сначала Николай Иванович выронил пистолет на пол. Потом он упал на паркет, скорчился и завыл, обхватив голову руками.

- Повой маленько, урод, - сказал Керим. Поднял с пола ПМ, вынул обойму, извлек из нее все патроны, кроме одного, патроны положил себе в карман брюк, а обойму вставил обратно. – Будешь знать. Ладно, хватит с тебя. **Фиалки лезвиями прясть!**

Боль моментально ушла. Николай Иванович остался лежать на полу, поджав ноги. Было видно, что он в шоке.

- Сразу вставать нельзя, - предупредил Керим. – Может инсультом накрыть. Полежите малехо, охолоните.

- Что это было? – шепотом спросил Николай Иванович. Жалкий вид у него был в тот момент. От бывшего генерал-лейтенанта, бойца невидимого фронта, остались рожки да ножки.

- Технология «Восход» это была, - отвечал Керим. – Причем беспроводная. По астралу поставили Вам закладку. Видите, техника не стоит на месте. Сразу хочу предупредить: рыпаться не надо. Как только почувствую угрозу – активирую закладку, а выключать не стану. Через десять минут сами сдохнете, как собака.

- Теперь слушайте меня внимательно, - продолжал Керим. - Лежите и слушайте. Вы все правильно понимаете. Война с Китаем неизбежна. Для этого Христос и приходит, чтобы

спасти Россию, да, собственно, и весь мир. Видимо, у России стартовые духовные условия наиболее подходящие для этого. Но Россия должна быть готова к обновлению, к принятию здорового учения. Иначе Христос не придет. Именно поэтому 12 апостолов и Павел сейчас здесь. Так называемому православию пришел аллескапут. В этой кастрюле кашу вы не сварите. Католичеству тоже хана, кстати. Нам нужна сеть для продвижения здорового учения. Нам нужна «Молодая православная Россия». Передайте ее в апостольское руководство. Вреда не будет, только польза стране. В нужный момент мы дадим правильные установки по окружкам. Мы докажем с фактами в руках, что реинкарнации – это не миф. Мы докажем, что Христос не отменял перевоплощения душ, что Его тайное учение содержало этот элемент. Тайное становится явным, сокрытое выходит на свет. Тем самым, мы правильно спозиционируем верующую молодежь. И мы решим ту задачу, которую Вы поставили. Решим – но совершенно иначе, чем Вы думали.

- А если я не соглашусь? – спросил Николай Иванович.

- Как только с кем-нибудь из моих друзей случится что-то неладное, - произнес Керим, - Вы немедленно умрете. В Ваших интересах – пойти наверх и убедить руководство ФСБ, что ликвидация апостольской группы должна быть отменена за преждевременностью. Вы скажете им, что в группе завелся крот, двойной агент – это я. Скажете, что меня пытались завербовать, что я дал согласие. Дадите за меня поручительство. Обоснуете необходимость радиоигры. Тем самым, мы выиграем время. А потом посмотрим.

- И последнее, - сказал Керим. – Я сейчас уйду. Встанете через пяток минут после того, как я уйду. Пистолет я Вам оставляю. Я знаю, что Вы боец, и смерти Вы не боитесь, если что. Но я Вам гарантирую: если будете вредить – умрете не один. Вместе с Вами умрут близкие Вам люди: Ваша жена Таисия Григорьевна, ваша любовница Жанна и ваш сын от нее Андрей. Мы всех вас напичкали закладками, как утку яблоками. И мы научились активировать эти закладки дистанционно, по астралу. Так что, Николай Иванович, давайте без самодеятельности. Нам невинная кровь тоже не нужна, у нас и без того карма в полном дерьме. Но ставки слишком высоки, и риски тоже. Поймите нас правильно.

Николай Иванович криво улыбнулся.

- Очень христианские методы у тебя в группе, - сказал он. Приподнялся на локте. – Гу-ма-ни-сти-ческие.

- Какие есть, - отвечал ему на это Керим. – Чья бы корова мычала. Заткнитесь лучше, не злите меня.

С этими словами он прошел в коридор, неторопливо оделся, захлопнул за собой дверь. Спустился по лестнице вниз, сказал консьержу «до свидания». Вышел на улицу (*по предварительному уговору, свою машину Керим оставлял на Малом Знаменском*), пошел направо до угла, потом свернул еще раз – и двинулся вниз, в сторону библиотеки имени Ленина. За ним, не привлекая внимания, шел хвост в виде сотрудника ФСБ. А уже за этим хвостом шли люди из группы друидов. Хвосты поравнялись. Один из друидов вынул что-то из кармана и что есть мочи ударил чекиста по голове. Чекист обмяк, и тогда друиды схватили тело и бросили его на заднее сиденье тут как тут нарисовавшегося «фольцвагена» с тонированными стеклами. Машина быстро набрала газ и скрылась в потоке.

Керим, разумеется, не мог всего этого видеть. Внезапно зазвонил мобильный телефон. Номер не опознавался.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Драгович слушает, - сказал Керим.

- Слободан, это Ростова, - сказал голос на том конце. – Некогда объяснять. У нас палево, объект потерял астральное тело. Что предполагаешь?

- Застрелился он, - сказал Керим. – Плохо. Наши действия?

- Слушай сюда, - сказала Ростова. – Сейчас садись в метро «Библиотека Ленина», доезжаешь до «Охотного ряда», пересаживаешься на «Театральную». Едешь по Замоскворецкой ветке до «Динамо», у первого вагона я тебя подберу. Договорим - мобилу выключи и выброси в первую же урну. Насчет хвоста не парься, друиды тебя прикроют. Все, конец связи. – И она отключилась.

Керим шел в направлении метро. Один глупый назойливый рефрен крутился в его мозгу: «Характерно девки пляшут. Характерно девки пляшут». Он был подавлен. И он устал. Я хотел, чтобы он застрелился, вдруг отчетливо понял Керим. И он это сделал. Я просто зачистил конец, вот и все.

26. Фрагмент из архива Фомы. Война никого не пощадила

Время: август 2007 года, Санкт-Петербург

Место: комната тети апостола Фомы на Лиговском проспекте

Участники: апостол Андрей (Света Ростова), апостол Фома (Алекс Резанцев), сотник Лонгин (она же Вамбина, она же Малая, она же Катя Ермолаева). Весь разговор Вамбина молчит.

Фома. Давай пошли с самого начала. Итак: три человека – Коля Захар... (это ты), Света Никит... (это Ирка) и Юра Мереж ... (это Димка) – были завербованы НКВД в состав разведгруппы.

Андрей. По нашим с Иркой фамилиям я не уверена, кстати. Могли прийти соседские фамилии. А вот Мережковский – скорее всего. Может быть, Мережин. Еврей. Кличка «Мережка» мне пришла.

Фома. А как они умудрились еврея заслать?

Андрей. Мать была русская, благонадежный еврей-папа. Хирург, очень известный по тем временам. Имя «Абрам» не подтверждается на него. Номер дома по Малой Бронной – 12, а мы с Иркой жили по соседству – в десятом.

Фома. А ты еще говорила, что Мережковские жили на четвертом этаже, а там надстроили сейчас пятый.

Андрей. Да, по ощущениям, когда задирали головы. Я пятого этажа категорически не помню. И это просто проверяется – по ПИБам. Да и чисто внешне видно – восстановленный рисунок боковой стены.

Фома. Давай теперь по родителям.

Андрей. Мой отец служил на Лубянке, возглавлял отдел. Сегодня это Стас Плюшкин.

Фома. Аа, повторяется парочка Констанций Хлор – Константин.

Андрей. Точно. Рассказывала, кстати, как он чуть меня не задавил? Пошла одна гулять, а он повернул из-за угла на такой скорости нехилой... еле успел затормозить. Проходите, машет. Я офигела. Мама моя сидела дома, сегодня это Гловер Петя.

Фома. То есть, группа «Кофе в постель» в сборе. Мама сегодня у тебя с бородой ходит – и поет. *(Смеются)*

Андрей. Она и тогда пела, до сих пор её колыбельные помню. Была еще младшая сестра – сегодня это моя Анька. У Димки-Юрца тоже была сестра Наташка – это моя Юлька. Их обоих учили играть на пианино, но Юрка учился без особого рвения, а у Наташки пошло. Доучился в следующей жизни *(улыбается)*.

Фома. Я Ирке переслал «шум» из Института Монро. Двадцать баксов стоит. Она под этот «шум» вспомнила 42-й год, когда уже была ясность, что скоро отправят. Она припоминает разговор с папой-хирургом (голодные глаза, усталый, только что из госпиталя, плохо обработанные раненные), коричневое пианино и массивный чугунный черный подсвечник.

Андрей. Да, пианино и подсвечник я тоже помню. Теперь по Ирке. Иркина (Светкина) мать растила Светку одна, звали ее София. Она работала на нескольких работах. Отца ее расстреляли, причем, похоже, он работал в паре с моим. Попал под замес, в чистку.

Фома. Если появится доступ к архиву НКВД, то можно будет пошукать там.

Андрей. Кто у нас еще? Диня. Он жил прямо рядом с Патриаршими прудами, сейчас это называется то ли Малый Патриарший переулок, то ли еще как-то, окна выходили прямо на Патриаршие. Его тогда звали Данила, а фамилия была польская какая-то. Я его к дому подвела, и Диня его узнал. А Катька моя Малая была его сестрой тогда. Она была помладше нас года на два-три, она с нами тусила. А Диня был тогда нас лет на 7-8 старше и с нами не общался. Рядом с ним жил мой нынешний Мишка, и вот они вдвоем ушли с ним на фронт. Диня потом принес весть о том, что «Мишку» убили. Мишку тогда Лёшкой звали. Жил рядом с Диней.

Фома. И это послужило эмоциональным толчком – к вербовке и заброске.

Андрей. Нет, нас готовили загодя, не один год, группой. Мой папенька пострался – языки и все такое. Прицельно учили меня, а дружков моих – за компанию. Ирку, которая Светка, мы тянули, потому что у нее никак не получалось с немецким, и потратили на это целый год. Так что весть о гибели «Мишки» в 1942 году заставила нас просто сжать зубы. Кстати, Мережковский-старший нашего стремления забрасываться в немецкий тыл не понимал и не одобрял.

Фома. Вот поэтому он и нам не поверил сегодня в банке. Слишком большой интерес к собственной персоне, до самолюбования, и слишком малая тяга к общему. И дебильная спесь: чем старше – тем отчетливее. В том воплощении был жертвенным, не жрал пайкового хлеба втихаря, всю войну проходил голодным. В этом воплощении наградили – дали рулить банком. В следующем, если будет так себя вести – опять будет сидеть не жрамши. Ладно, пусть живет как хочет. Продолжим. Ваша заброска состоялась в 1943-м?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Андрей. Да, видимо, поздней осенью или в начале зимы. Я помню, как меня вызывали на Лубянку вечером, за день до заброски. Заходил с боковины, вышел с фронтального входа – не с главного, а там есть еще входы. Стоял и долго смотрел на Лубянскую площадь.

Фома. Как я понял, идея операции состояла в том, чтобы перехватить тройку лиц, перемещающихся в штаб немецкой армии, уничтожить их, а вместо них внедрить наших людей.

Андрей. Так, собственно, и сделали. Причем заведомо стало ясно, что идет тройка – двое мужчин, одна женщина. Наводку, возможно, дал ты, потому что тебя с нами не было в группе, ты был внедрен раньше. По всей видимости, еще до войны.

Фома. А что Нафаня и Филя?

Андрей. Ручейкова помню во дворе, на Патриарших. А что до Нафани, то на фронт он не пошел, а работал в специальном КБ, разрабатывал оружие нового типа. Например, атомную бомбу, под эгидой НКВД. Его тоже помню по двору.

Фома. С учетом того, что у Филя началась бурная сработка на Женю, - я предполагаю, что он тоже мог быть заброшен – и работать вместе с нами. Вообще, намечается тугой кармический узел в нашей троице. Некоторый эдипов комплекс, как я это называю.

Андрей. Узлом больше – узлом меньше.

Фома. Давай теперь подробности по технологии заброски.

Андрей. Все случилось ментально. На том конце люди были схвачены, уничтожены. Немедленно пришла весть в Москву, и уже на другой день утром нас отправили. Нас забрасывали на самолете. Прыгали на парашютах в лес. Вышли на железку, шли вдоль нее к небольшой станции. Через железку был мост, и с него мы прыгали на товарняк, который шел в том направлении, что нам было нужно.

Фома. Потом, видимо, где-то отсиживались, покуда перебивались ксивы. Надо думать, что фотографии под эти аусвайсы нужно было делать на месте, стандартным немецким способом. Опять же продовольственный аттестат – и обмундирование под вас нужно было подбивать.

Андрей. Да, мы сидели на явочной квартире, примерно сутки или двое. Ирка вспомнила хозяйку, ее звали Ядвига. Теперь она – жена ее брата.

Фома. Я тут вчера «Щит и Меч» пересмотрел в какой-то сотый уже раз. Реально торкает, блин. Смотрю, как этот Йоганн Вайс идет из Риги – и ловлю себя на мысли, что я мог внедряться таким же способом. По коридору из репатриантов-беженцев, следующих в рейх. Ладно. Прибыли вы на место. Круг обязанностей? Сели в один отдел – или в разные?

Андрей. В один отдел, но на разные должности. Ирку-Светку определили шифровальщицей. Мы с Валиком были в отделе стратегического планирования – перемещение и оснастка войск. Ты сидел в отделе, который занимался разработкой новых видов оружия. Примерно то же самое, что и Нафаня, но с другой стороны фронта.

Фома. И это продолжалось года полтора?

Андрей. Скорее всего. Забросили осенью 1943-го, а расстреляли – весной 1944-го. Они не

сразу спохватились, что идет утечка. Но, когда обнаружили, разработали спецоперацию по выявлению «кротов», методом «ловли на живца». Сначала попался Валиков, а потом и все остальные. Тебя, видимо, вычислили каким-то своим ходом, а Валика – своим. Его расспрашивали при мне, какой-то мой непосредственный начальник. И это еще был не допрос, а просто – беседа на повышенных тонах. Идея была в том, чтобы вести расспросы в присутствии ряда подозреваемых, на которых нет видимых улик. И это сработало. Когда мой начальник вышел, в кабинет рванулась Ирка. Сказала, что машина ждет у подъезда. Мы вышли из здания, сели и поехали. Машина заглохла, и нас догнали. При этом, всю дорогу следили за нами. Сначала подъехали мотоциклисты, а затем грузовик – с конвоем. Я за рулём, Димка орал: "Заводи быстрее!" - и метался на заднем сиденьи (понимал, что все попали из-за него) а Ирка сидела на соседнем с водительским кресле, сжала руки в замок, положив их на колени в полном оцепенении, сидела рядом со мной, её просто парализовал страх.

Фома. Что-нибудь из своего допроса помнишь?

Андрей. А их было много. Нас били, чего только не делали. Помню еще камеру с постоянным звуком внутри. Спать не давали. Мы подтвердили, что мы – это мы. Были очные ставки. Помню, как насиловали Ирку-Светку – меня вели мимо ее камеры, где это делалось, а камера была открыта. Видимо, показательная такая акция, чтобы сломить окончательно.

Фома. Иркина нынешняя дочка Анька и ее муженек – фашисты?

Андрей. И Анька, и муженек. С «Анькой» «Ирка» спала – за сведения. А муженек у нее – гадина редкостная, ты знаешь. И будет еще копить это небо до тех пор, пока Ирка не выучит свой урок. Как только Ирка пройдет урок – заберут сразу же, он и так пересиживает на этой земле лишнего, судя по всему. Годика через два, если не одумается.

Фома. Что помнишь про расстрел?

Андрей. Ориентировочно, это был апрель или май. Помню, что вырытая из могил земля уже успела подсохнуть, да и окрест почва была сухая. А вот в самой могиле – влажная. Нас выставили перед ямами, лицом к солдатам. Расстреливали евреев, а нас – до кучи. Видимо, это был концлагерь. Нужно поискать, где немецкие штабы примыкали к концлагерям, причем не чисто еврейским, а смешанным. Нас с тобой расстреливали в паре, я тебя помню рядом. Мы обменялись взглядами непосредственно перед смертью. Причем, тебя расстреляли раньше.

Фома (через паузу). А это мог быть не штаб, а разведшкола или просто обособленное подразделение абвера? А рядом с концлагерем – потому что проводилась вербовка заключенных для заброски в советский тыл. По-моему, вполне логичная гипотеза. Смотрела «Путь в Сатурн»?

Андрей. Понятия не имею. Возможно. Нет, этих фильмов я смотреть не могу физически. Даже пресловутого Штирлица, которого все смотрели помногу раз, я посмотрела один – и мне хватило. Тяжело. На расстреле Ирка была в светлом каком-то платьишке, и я в какой-то белой рубахе, не могу понять, откуда она взялась. Рукава были закатаны.

Фома. Может, была кровью уляпана, а перед расстрелом дали переодеться. Чтобы не смотреть на тебя такого изуродованного, настроение себе не портить.

Андрей. Последнее, что вспоминается – на меня наезжает суглинок, он приближается к глазам. Я падаю на колени, а затем откидываюсь назад, в вырытую яму. А ты просто завалился назад.

Фома. Как полено. А не помнишь ты травли овчарками? У меня в этом воплощении плохо с собаками. И однажды был сон, что меня собаки рвут. Могло такое быть?

Андрей. Непосредственно на расстреле собак не было, это точно. И нас овчарками не травили. Кстати. Там расстреливали еще одну евреечку, я ее помню. Сейчас ее зовут Саша Одинцова. Живет она в Краснодаре, у нее, у бедняжки, ДЦП. Но какие стихи пишет! (Цитирует):

*Тот день Святого Николая...
Рвалась в Москву душа моя...
И сердце билось, замирая...
Звучала музыка твоя...
Я там была... И все границы
Казались хрупкими... И мне
Легко так было очутиться
В тобою созданной стране...
Смешались в сердце и волнение,
И радость, и тепло, и свет...
Я там была... И, без сомненья,
Встречала музыки рассвет!
Я там была... И в нотке каждой
Читала исповедь души...
А город, став листом бумажным,
Твердил тебе: «Пиши... пиши...»
И сердце билось, замирая...
Рвалась в Москву душа моя...
И в день Святого Николая
Звучала музыка твоя...*

Это она написала после концерта Валикова в Останкино. Ударно совершенно со святым Николаем угадала, да и сам Димка с концертом подгадал. Ей очень Дима нравится, она ему дала несколько стихов для песен, он взял. Тут она мне фотку свою прислала, и меня торкнуло нехорошо: мой инквизитор, по испанскому периоду, где я танцовщицей была. Не пытал, просто приговорил к костру, на материалах, собранных под пытками. Вроде, и неплохой человек был, но заблуждался. В том воплощении у меня ведь тоже Валиков проходит. Он же меня на костер и отправил. А потом – повесился. Я к нему в келью заходила после смерти – картинка была. Рассказала, что неправ, что неправа система церковная. А у него вся жизнь прошла в этой системе.

Фома. Неспроста все это ... Рядом с Димой она проходит, рядом с нами, раз множественные сближения на длительном интервале времени. На апостолов из 70-ти надо ее скоблить. Стихи потрясающие. У меня было написано десять лет назад подобное, на тот же размер (цитирует):

*В равноапостольную Нину
Засеребрились купола.
Под вечер серебристо-синий
Ударили в колокола.*

*Мне довелось увидеть это
Из окон следственной тюрьмы,
До боли шурясь на просветы
Морозно-ветреной зимы.
Я ждал весны багряно-синей,
Я ждал капли как мольбы,
В равноапостольную Нину,
На сломе ветреной судьбы.*

А, с учетом того, что Надька Рябцева у нас – Нина равноапостольная, то и получается, что здесь – синхронное узнавание своих любимых, сердечной памятью.

Андрей. Ударно (*задумывается*).

Фома. Ладно, давай тогда последнее рассмотрим – про Женю, все, что всплыло.

Андрей. Там было три брата-германца, которые служили в том же подразделении, что и ты, один совсем молоденький был. Средний – твоя Женька, старший – сейчас тоже женщина, живет в Зеленограде. Как, кстати, и твоя Эсл Эстер по О.Генри – она же теперь учительница начальных классов, ведет мою Юльку. Очень плотное кармическое кубло, поэтому все селятся компактно, из воплощения в воплощение. Был выбран Зеленоград – как место рассадки основной банды. Фашисты, коммунисты – всех в один котел.

Фома (*размышляет*). Они с братьями не гестапо, они – абвер. Значит, не могли быть завязаны на пытки. Пытало – гестапо. Это, честно сказать, сильно облегчает мне жизнь. Это означает, что история, которая у нас с Женей сейчас – это не садомазопрограмма, как у Ирки с ее суженым, а что-то другое.

Андрей. Эта тетка на твою Женю очень сильно похожа. Торкало по ней. Я на нее обратила внимание уже давно (она училась с Иркиным братом в школе, а Иркин – собственный брат в этом воплощении – тоже был фашистом, рядом с нами. Я же на эту тетку - брата твоей Жени наталкивалась много раз в городе и всегда за неё взглядом цеплялась). А где-то неделю назад Ирка мне ее показала на пляже – и говорит: смотри, наши люди из абвера загорают, только братца ее не видать. Я присмотрелась – точно. А позавчера ты Женькины фотки прислал. Я сразу Ирке звонить. Нашелся, говорю, братец для нашей фигурантки. Уржались.

27. Отрывок из дневника Фомы. Свиноводческий комплекс им. апостола Эдипа

Душная греческая ночь, лето, где-то 1100 год до рождества Христова. Стрекохут ночные цикады. Спят Фивы – город о семи вратах. Спит Аонийская равнина, спит акрополь, спит храм Аполлона Исменийского. Спит колхозный рынок. Спит царский дворец, спит всякая собака в этом городе. И не спим только мы двое: я и моя жена. Меня зовут Лай, я здесь царствую, а жену мою зовут Иокаста. Неделю назад у нас наконец-то родился сын, которому мы еще не дали имени - и уже вряд ли дадим. Иокасту в нынешнем воплощении зовут Женя Калинина. Мы вместе работаем в корпорации у Нафани. И у нас роман.

Иокаста лежит на постели и пронзительно смотрит на меня в два своих заплаканных глаза. Она раздета, как и я. Как я люблю ее черные кудри, рассыпавшиеся по плечам, ее стройное тело, немножко мальчишковое, немножко неженское. Ее маленькую грудь, вот только сейчас набухающую молоком. Ее длинные тонкие пальцы. Живот после родов обвис, пошли

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

складки, - но это ее нисколечки не портит. Я смотрю на нее, и тоска меня берет. Чувствую – совершается что-то ужасное. Давно предсказанное то, во что я все эти пять лет отказывался верить. Проклятие, будь оно проклято.

Все девять месяцев, что Иокаста носила ребенка, я иступленно молил богов, чтоб родилась девочка. Для этого я пожертвовал в храм Аполлона новый комплект служебной посуды из чистого золота. Регулярно устраивал жертвоприношения из баранов и другой живности. Но родился все равно мальчик.

Мы молчим целый вечер. Мы знаем, что должны сказать друг другу. Мы знаем, что обязаны сделать. Вернее, что должны были сделать еще семь дней назад. Но у нас нет сил. Нам страшно.

- Я ходила навестить нашего малыша сегодня, - говорит Иокаста наконец. – Стража меня не пустила. Сказали, что ты приказал. Почему?

- Потому, - говорю. – Чтобы ты не привязывалась. Тебе же потом будет тяжелее, сама знаешь.

- Я сцедила немного молока для него, - говорит Иокаста. - Он плакал за дверью, я слышала. Плакал все время, пока я стояла за дверью, целый час. Ему было больно. Что ты сделал с ним?

- Пока ничего такого не сделал, - отвечаю. – Приказал проколоть ему сухожилия булавкой, чтобы не убежал.

- Лай, ему семь дней от роду, - говорит Иокаста. – Куда он убежит?.. О боги, сжальтесь надо мною.

- Боги посмеялись над нами, - говорю я зло. Тяжесть ложится на сердце, я начинаю тереть грудь и ходить по спальне взад-вперед, чтоб немного унялась эта тянущая боль. – Богам ничего не стоит заставить его бегать. Или летать. А убежать он не должен, и ты это знаешь.

- Значит, ты ходил к оракулу, - говорит она, - раз так поступил.

- Да, я ходил, - говорю я.

- И что он сказал? – спрашивает.

- Ничего хорошего, - отвечаю, - все подтверждается. Мы прокляты.

Пауза.

- Мне иногда кажется, - говорю я наконец, - что это я во всем виноват. Что-то такое натворено несусветное – в этой жизни или еще в прошлых. Я мысленно прокручиваю в голове свои дни – и никак не возьму в толк, за что меня так карают. А ты, согласившись соединить свою жизнь с моей, просто взяла на себя половину моего греха. Вот и расплачиваешься за это.

Господи, как мало воздуха в природе. Выхожу на балкон. Ночь, душная ночь. Нет успокоения, нет спасения: ни на улице, ни в покоях царских.

Иокаста встает со своего ложа и подходит ко мне. Обнимает меня руками за шею. Как я люблю, когда она меня так обнимает, когда так прикасается ко мне – сзади, всем телом.

- Я люблю тебя, - говорит она. – Все твое – мое. Твой грех – мой грех. Твоя боль – моя боль.

- Я тоже люблю тебя, зайчика, - отвечаю. – Как хорошо, что ты помнишь. Тогда в храме, когда нас венчали – ты говорила эти слова, и я говорил.

Она вздыхает.

- Намаялся ты, бедный, - говорит. - Но у меня там ничего еще не зажило. Давай я тебе по-другому сделаю, хочешь?

- Хочу, - говорю.

Она берет меня за руку, мы идем к нашему ложу. Мы ложимся, она прикасается ко мне – руками и губами. Я, изголодавшийся, быстро кончаю. После этого мы долго еще лежим на спине и молчим. Весь наш сегодняшний вечер и наша ночь скроены из двух материй – пауз и маеты сердечной. И еще немножко суррогатного секса. И – непреходящее чувство вины у обоих.

- Соберись, Иокаста, - говорю я ей наконец. – Соберись, сожми волю в кулак. Завтра мы должны решить это дело. Дальше тянуть нельзя.

- И у тебя хватит сил на то, чтоб убить нашего сыночка? – спрашивает Иокаста. Не могу смотреть в ее глаза, столько в них боли. Отворачиваюсь.

- Я не хочу, чтобы он убил меня, - отвечаю глухо. Опять заныло с левого бока, и духота. – И не хочу, чтобы он спал с тобой – на этом самом ложе, выплескивал свое семя тебе в вагину и в рот. Чтобы потом у тебя родились детишки, которые не пойми кому какая родня – то ли ему братья-сестры, то ли мне и тебе внуки-внучки. Ну я-то, пожалуй, не доживу. А вот что делается с тобой, когда ты узнаешь?

- Я точно повешусь, - говорит она. И руки у нее сжимаются в кулаки.

- Ну уж нет, - говорю я. Поворачиваюсь к ней. – Я его лучше сам придушу. Или в реку брошу.

- Знаешь что, - говорит Иокаста задумчиво, через паузу. – Я сейчас понимаю, что мы совершаем какую-то страшную ошибку, за которую потом будем очень крепко наказаны. Оракулы – они ведь тоже люди, и тоже могут ошибаться.

- Их устами свидетельствуют боги, - говорю я. – Не надо сомневаться в оракулах.

- Я не сомневаюсь в оракулах, - говорит Иокаста твердо. – Я сомневаюсь в богах. В их существовании. Оракулы – хорошие ребята, но вот что они слышат за голоса, и кто им шепчет на ухо – это еще большой вопрос.

- Остерегись гнева небес, - говорю я. О боги, думаю, как же ты отчаялась, бедная. – Боги посылали нам столько хорошего в жизни. Почему же мы будем так отчаянно роптать, когда они посылают нам плохое?

- Никто никому ничего не посылает, - говорит Иокаста. – Все совершается само собою в этом чудовищном мире, как воздаяние за грехи. Вот ты говоришь – хорошее. Я помню это хорошее. Как нас познакомили. Прогулки по саду. Свадьбу. Нашу первую ночь. И все ради чего? Чтобы, после пяти лет сомнений и отчаянья, родился сын, которого я должна убить? К чему все хорошее, что было, если такой итог?

- И по оракулам хочу сказать, - продолжает она. – Мы слишком впали в зависимость от них. Все бегаем, все выпрашиваем, как и что. Узнаем хорошее – потираем руки. Узнаем плохое – бьемся в истерике. И в результате у нас не остается ни сил, ни желания жить своим умом. Это как наркотик. Будущее придет само, для чего нам знать о нем? Все мы смертны, все мы умрем. Вот что известно безо всяких оракулов, и вот чем все это заканчивается – наша жизнь. Так пусть же идет, что идет; пусть будет, что будет. Подключатся к этому боги – их дело; они сильнее человека, нам с ними не совладать. Если им до безразницы или их просто нет – тем проще.

Она встает, выходит на балкон, стоит некоторое время, опершись на перила, потом возвращается.

- Послушай, любимый, - говорит Иокаста твердо. – Завтра я возьму нашего сыночка и отдам его пастухам. Попрошу, чтоб отвезли его в Коринф. Пусть хоть так он останется жив. Я назову его Эдип – «опухшие ножки». Он вырастет пастухом, садовником или торговцем, если повезет. Он проживет и окончит свою жизнь в неизвестности. Но на нас не будет этой крови. И мы избежим последствий возможной ошибки оракулов, не замаемся. Поверь – так будет честно, так будет справедливо. – Она нависает надо мной. Ее взор полон мольбы и решимости одновременно. - Дай ему шанс. А заодно и мне. Потому что я не смогу жить сыноубийцей, я не выдержу.

- А если пророчество все же свершится? – спрашиваю. Беру ее лицо в свои ладони. – Если все будет так, как нам сказали? Сейчас – и пять лет назад?

- Значит, не повезло нам, - Иокаста говорит. Гладит мои руки, целует меня в ладонь. – Но тогда нам будет не упрекнуть себя в том, что мы не использовали свой шанс остаться людьми. У богов – свои мысли и планы в голове, а у нас должны быть свои. Потому что мы люди, а не боги, и удел наш – иной.

- Как хорошо ты это сказала, - говорю я ей. И думаю: как же она прекрасна, моя родная. И умна, и мужественна. В этот момент что-то со мной происходит. Я откидываюсь на подушки и начинаю молиться без слов. Благодарить богов за все – за хорошее и за плохое. Смириться перед неизбежным. Мысленно прощаться – с сынишкой Эдипом, с женой, сам с собою. Ибо мы люди, и мы рождены на страдание и смерть, равно как на счастье и жизнь, жизнь с избытком. И чувствую - начинаю плакать. Слезы текут по щекам, их не остановить. Иокаста смотрит на меня – и тоже принимается реветь. И вот, мы уже лежим, стиснув друг друга в объятиях, и рыдаем. Раньше нам было просто ужасно. А теперь – словно бы вышибло какую-то пробку из нас, и к ужасу, который не исчез, прибавилось что-то другое, очень важное. Возможно, надежда. Ужас был плоским, он прижимал нас к земле, как ветер прибивает траву на высотах; а вновь появившаяся надежда принялась нас отрывать от этой земли, призывать к полету над своими страхами и своими страстями.

Вот так в нашей жизни появилась вертикаль, появился объем. Это был дар богов – нам. Все, что было потом, было ужасно, и об этом ходят легенды.

- Наутро Иокаста, плача, отнесла Эдипа к пастухам. Они перевезли его в Коринф. По несчастливой случайности – случайности ли? – Эдипа приютила приближенная царя Полиба, а затем и сам Полиб его усыновил. Так что Эдип сделался царским сыном.
- Однажды мы встретились с ним на дороге. Это был узкий мост через ручей. Никто не захотел никому уступать дорогу. Слово за слово, и я получаю от Эдипа посохом промеж глаз. Летальный исход.
- Эдип избавляет Фивы от Сфинкса, отгадав ему загадку про человека и его место в этом мире. В награду охреневшие сограждане отдают ему в жены мою вдову, а его мать – Иокасту. В ходе 20-летнего (!) брака у Эдипа с Иокастой рождаются дети: Антигона, Исмена, Этеокл и Полинк.
- Однажды на Фивы нападает мор. Оракул Тиресий говорит, что во всем виноват инцест – и прямо тычет пальцем в Эдипа. Тут же всплывает ранняя детская травма сухожилий. Иокаста, узнав обо всем, вешается (*как и обещала мне в ту ночь*). Эдип, вынув булавку из пояса матери, выкалывает себе глаза. Его изгоняют из города. Антигона (*внученька моя, кровиночка*) следует за ним.
- В одной из жизней Эдип становится апостолом Филиппом.
- В этой жизни Эдип носит имя Дмитрий. Дмитрий Ручейков. Он, как и мы с Женей, работает у Нафани. И он влюбляется в Женю ровно через день после того, как у нас с Женей начинается роман. До этого два года сидел с ней в соседних кабинетах – и никакого дела не было. А тут, понимаешь, приспичило. Эдипов комплекс, одно слово. На этом мы себя, собственно, и уловили, а Светка подтвердила.

А по дороге нашли и Антигону. Сейчас ее зовут Марина, работает в музее. Однажды – лет семь назад – наши дорожки сошлись. У нас был бурный роман – инцест пошел вглубь. Через два года я схлопотал инфаркт. Потому что это был каток, которому я позволил проехаться по себе. Антигона проявилась в своем репертуаре уже в тот момент, когда билась за отца. Ее отец был искусствовед, его повесили, а труп утопили. Чтобы найти тело, Марина была вынуждена отдаться бойкому милиционеру кавказской национальности (*других способов заплатить у нее на тот момент не было*). К чести мента, он обнаружил труп отца, и Марине удалось его достойно похоронить и оплакать.

Так что когда она писала о себе в таком смысле:

*Ни Эвридика, ни Антигона –
Плащ героини мне не к лицу -*

то нужно было понимать строго наоборот. Но оговорка-то и решила все дело. Теперь живем в соседних домах на «Приморской», через речку.

Сейчас на дворе октябрь месяц, 2007 год, ночь с субботы на воскресенье, скоро зима. Питер. Мы лежим с Женькой (*в далеком прошлом – Иокастой*) на раскладном диване в моей холостяцкой квартире. Тихо за окном, тихо в доме.

- Ручейков не достает тебя больше? – спрашиваю.

- Он молодой, - говорит Женя. – И любую красивую женщину рассматривает как тренажер для своих упражнений в кокетстве. Надо делать скидку. К тому же, я не в его возрастной категории. Сказала ему, что я уже не маленькая девочка, и грузить меня не надо.

- Я по-другому понимаю эту активность, - говорю я. – Я тебе говорил уже, хотя это и фантастичная версия. Раз тема всплыла сейчас, - значит, она требует пролечивания. Равно

как и наш с тобой абвер, который даром не проходит. И у меня дела с Афросиньей и с графом Толстым с петровских времен тянутся.

- Саша, - говорит Женя, - ты хороший человек, но мозгоклой. Не парь меня этими прошлыми жизнями, сколько раз повторять. Дай мне пожить спокойно без всего этого.

Повисает жирная пауза.

- Сходила я к ясновидящей, - говорит Женя наконец. – Из подворотни, как ты это назвал. Говорит: твой бывший муж – чистый и светлый человек, просто там подселение идет какого-то наркомана, и будет он еще лет десять с этим подселением жить, пока не отмолит.

- На бесов удобно всякую безответственность списывать, - говорю. – Поводил тебя лицом по паркету, - а, вроде, и не виноват.

- Да, - соглашается Женя. – Мне она ставит на вид скрытый вялотекущий мазохизм. Беспонтовое чувство вины на пустом месте. И еще червоточину, как она выразилась. Правда, до конца не пояснила, а я не стала дожимать.

- А про меня ты спрашивала? – интересуюсь.

- Да, - отвечает Женя. – Не хотела говорить, но и держать в себе не могу. Говорит, брак мог бы быть удачным, на порядок удачнее прежних. Но не более двух лет, а потом я, мол, не выдержу. Из-за того, что он любит сердцем тебя, а ты его – только головой. Зато она сказала, что у тебя есть суженая, которую ты встретишь уже скоро. Через два-три месяца после того, как мы с тобой расстанемся. И будешь всю жизнь с ней счастлив. Передаю слово в слово.

- И чего нам делать теперь, с прогнозом этим? – спрашиваю. Горечь невероятная разливается во мне.

- Не знаю, - отвечает Женя. – Потому что особого доверия нет. Непонятно, откуда она считывает информацию: из космоса или от меня. Если второе, то она просто возвращает мне мои же подспудные страхи, усиливая их. И на кой это мне, только расстраиваться.

- Тестировать надо, - говорю. – Мы вот, когда с Ирккой Барановой сидели в чате, я ее попросил сказать, в какой рубашке Ручейков заявился на работу. Она сказала – в красной. Действительно, в красной. А потом напротив меня Костик сидит, я спрашиваю: а он в какой рубашке? Костик сидит в белой, а я заставляю себя думать, что в черной. Чтобы сбить Ирку с толку, чтобы отслоить тот случай, когда бы она с меня читала инфу. Не, не удалось сбить – сказала, что в белой.

- Вот у вас жизнь, - Женька говорит. Думает о чем-то своем. – Ирке твоей, чем рубашки угадывать, - лучше бы с муженьком своим разобралась.

- Если твоя дама из подворотни напрямую с поля считывает, тогда это труба, - говорю. – Рок. Или урок, что еще точнее. Но я на этот ветер поправку делать не собираюсь. Пойду, как задумал. Подожду, когда из тебя выйдет весь этот шлак. Из обид по прошлому браку, усталости, чувства вины. Может, тогда у тебя энергия появится для решений.

- А если не дождешься? – Женька спрашивает. – Честно предупреждаю: можешь и не дожидаться.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Мой риск, мои трудности, - отвечаю. – На край, суженой премируют, на том душа и успокоится. Одного не могу понять. Когда тебя твой хрен прессовал, под плинтус засовывал, - ты чего только ни делала: и письма писала, и воспитательные беседы проводила. Что же ты сейчас не можешь каплю энергии потратить ради общего?

- Тогда силы были, а сейчас их нет, - Женя отвечает. – Да и желания особого. Это если честно... Ты обиделся?

- Не обиделся я, - говорю. *(Хотя обиделся, конечно).*

- Иди ко мне тогда, - Женька говорит. – Давай потратим немного энергии на общее.

28. Пенталгин наводит порядок

Первым на прием к Василию Петровичу Воротилову (*проходящему во внешнем мире под псевдонимом Владислав Гольдштейн*) был записан Валентин Кузьмич Муромцев, начальник креативного отдела 15-го управления ФСБ. Воротилов принимал дела по «Молодой православной России». Он сидел на Малой Бронной, в офисе «Молодой России», в кабинете, который раньше занимал Слободан Драгович.

Воротилов нажал кнопку на селекторе.

- Петр, - сказал он, - зайди ко мне. И Кузьмича захвати в приемной.

Через минуту в кабинет Гольдштейна вошли Муромцев и Петр Замотаев.

- Здравствуйте, родной вы наш Валентин Кузьмич, - радушно сказал Гольдштейн. – Заждались. - Вышел из-да стола, дружески протянул Муромцеву обе руки. Муромцев механически пожал их своими. Одновременно по кивку Гольдштейна Замотаев встал Кузьмичу за спину. Как только Кузьмич пожал Гольдштейну руки, Петр нагнулся и схватил Кузьмича за ноги. Одновременно Гольдштейн перехватил руки Кузьмича у запястья. Синхронно они рванули Кузьмича, каждый в свою сторону. Кузьмич, растерявшийся от такого приема, безвольно повис меж ними, как гамак между двумя яблонями. Сильно раскачав Кузьмича, на счет «три», Владислав и Петр швырнули его об стену кабинета. От удара со стены упала акварель, которая дополнительно накрыла Кузьмича, осыпав его осколками битого стекла.

Гольдштейн подошел к столу, взял графин с водой и прямо из него полил бесчувственного Кузьмича. Кузьмич зашевелился.

- Петр, - приказал Гольдштейн, - скажи Гале, чтоб вызывала «скорую». А я пока с клиентом перетру.

Петр вышел из кабинета. Гольдштейн склонился над Кузьмичом.

- Кузьмич, - спросил Гольдштейн, - ты общаться можешь?

- Могу, - прохрипел Кузьмич. Из окровавленного рта, полного выбитых зубов, шла кровь.

- Не пей больше, - порекомендовал Гольдштейн. – Подлечат тебя, через пару недель вернешься к жене как огурчик, без шума и пыли. А с бухаловом завязывай. Еще раз в запой

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

уйдешь – закатаем тебя в бетон, и кирдык тогда. Не доводи до греха. Много вкусной работы, а ты нам всю поляну обговнял, коллектив подставил. Ясно тебе?

Кузьмич кивнул.

- Петр! - крикнул Гольдштейн. Из приемной вошел Петр. – Убери его отсюда. Скажи Гале, пусть уборщицу вызовет. И Пфельд пусть заходит, если уже подошел.

Петр подхватил Кузьмича под микитки и выволок из кабинета. Через паузу в кабинет зашел Пфельд. Закрыл за собой дверь.

- Здравствуйте, Владимир Владиславович, - поздаровался Гольдштейн. – Извините, что у меня немного неприбрано, рабочий момент. Присаживайтесь. Меня зовут Владислав Гольдштейн, я в движении выполняю ту же работу, что и Драгович, принимаю его дела.

В кабинет заглянул Петр.

- Приехала «скорая», - сообщил он. - Наша, ведомственная. Забрали его. Что еще с меня?

- До обеда свободен, - сказал Гольдштейн. – После трех часов едем в Патриархию.

Петр удалился.

- Итак, Володя, - сказал Владислав. – Ничего, что на «ты»? ОК. У нас тут нескладеха получилась со Слободаном, пропал он. Так что пока я за него на хозяйстве. Давно ты его видел?

- Неделю назад, - отвечал Володя. Покосился в сторону свежего пятна крови на стене и разбитой акварели. – Мы как раз обсуждали план поступлений и платежей на второй квартал 2009 года.

- Ничего странного ты не заметил в его поведении? – спросил Владислав. – Так спрашиваю, на всякий случай.

- Да вроде нет, - сказал Володя. – Разве что он был оживленнее, чем всегда. Он, когда волнуется, у него сербский акцент начинает выпирать, хуже говорит по-русски из-за этого.

- Хорошо, - сказал Владислав. – Подготовь мне к завтрашнему дню все отчеты за тот период, что работает организация. Завтра встретимся еще раз и обсудим ситуацию поплотнее. А сейчас я хочу прояснить для себя один вопрос. Посмотрел твой профайл – и с удивлением для себя обнаружил, что у тебя было пересечение с Александром Резанцевым в 1993-1994 г.г., в Энске. Как так вышло?

- Николай Иванович может прокомментировать эту ситуацию, - сказал Пфельд. – Спросите у него, он даст подробности.

- Николай Иванович, - сумрачно сказал Гольдштейн, - уже ничего прокомментировать не сможет. Мы его похоронили неделю назад на Ваганьковском. Покончил с собой.

Пфельд выпучил глаза.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Володя, - сказал Гольдштейн через паузу. – У нас действительно проблемы. Николай Иванович погиб. Слабодан Драгович пропал. Мы думаем, что эти два события связаны между собой. У нас есть твердое подозрение, что Драгович начал работать на наших злейших врагов – на так называемую апостольскую группу «12». Александр Резанцев там один из запевал, проходит под псевдонимом «Фома». Смекаешь, куда я клоню?

- Да, я понимаю, - проговорил Пфельд через паузу. – Николай Иванович мне рассказывал что-то такое. Собственно, через Резанцева он на меня и вышел.

- Вербовка? – спросил Гольдштейн. – То-то в Энске на тебя лежат уголовные дела, закрытые по нереабилитирующим основаниям. Налоги.

- Я бы сказал по-другому, - поправил Гольдштейна Пфельд. Поморщился. – Скорее – предложение, от которого я не нашел в себе сил отказаться. Николай Иванович посетовал, что у них в Конторе кадровый голод, и предложил мне это назначение. Я согласился на условиях, что мой собственный бизнес не протрадает из-за этого. А Николай Иванович сказал, что наоборот – даже усилиться может. Так и получилось.

- А что за бизнес у тебя? – спросил Гольдштейн.

- Подготовка и размещение субфедеральных займов, - отвечал Пфельд.

- Ага, - сказал Гольдштейн. – Работа с банками. На старых связях. Плюс административный ресурс, в лице Конторы.

- Точно, - подтвердил Пфельд. Ухмыльнулся.

- Ладно, это твои дела, - сказал Гольдштейн. – Меня ваши взаимоотношения с Резанцевым волнуют. Чтобы исключить эффект «крота». Ты должен понимать все правильно, никаких обид быть не должно.

- Да я понимаю, - сказал Пфельд. – Меня Николай Иванович тоже предостерегал от общения с Резанцевым. Я тогда сказал, что последний раз видел его в 1995 году, на очной ставке, в следственном управлении г. Энска, а больше мы не встречались. Это, кстати, легко проверить. Я с 1998 года на госслужбе, а Резанцев весь 1998 год сидел.

- Ладно, - сказал Гольдштейн. – Тогда с этого места поподробнее. Суть ваших отношений с Резанцевым в Энске, твоя роль в деле «Водолея». Что вы там не поделили. И почему он сидел, а ты нет.

- Мы с Сашей познакомились в 1993 году, - начал Пфельд свою историю. – Нас познакомил мой партнер по бизнесу, директор фирмы «Али-Тет» Коля Колпаченко. Саша уже тогда подавал большие надежды, хотя в карманах у него тогда ветер гулял. У него было то, что я называю чутьем финансиста. Он сразу бросился наращивать капитал своей инвестиционной компании, хотя его этому никто не учил, и он даже до конца не отдавал себе отчет, зачем он это делает. Выпустил акции, потом облигации. Все по науке. Пригласил меня проконсультировать на предмет создания фондового магазина. Очень быстро стал расти. Фактически, на пустом месте создал что-то наподобие банка.

- Но для того, чтобы стать образцовым финансистом, - продолжал Пфельд, - Саше не хватало многих важных вещей. Во-первых, он был дилетантом до мозга костей. Мы активно консультировали компанию «Али-Тет», подготовили им вексельную эмиссию. А Саша,

ничтоже сумняшеся, повторил то же самое для «Водолея». Причем даже украсть идею грамотно не смог: эксперты насчитали в векселях «Водолея» порядка пяти дефектов формы. Ну и в бухучете у него, конечно, был полный завал. Ему одних налоговых недоимок и пеней потом насчитали на полмиллиона долларов.

- Потом, Саша был не вполне чистоплотен в отношениях, - продолжал Пфельд. – Поставил проценты выше по векселям «Водолея», а сроки – короче. В результате - подрезал размещения алитетовских векселей, убил рынок. Мы его категорически просили этого не делать, а он гнул свое. Ну, тогда все работали агрессивно. Тот же МММ пылесосил рынок. А Саше надо было завьяловские долги закрывать, она его подставила, должок не вернула, и он подвис. Вот главная причина, почему он так резко закрутил эти векселя. Но через это он своего приятеля Колю Колпаченко оставил без денег, отсюда у Коли пошли проблемы, его бандюки заволновались, стрелку пришлось забивать. Я помог разрулить, но оскомина осталась.

- Ну и весь этот крах, - подытожил Пфельд. – Я Резанцеву говорил, что его схема разваливается. Просил его показать отдачу от размещений, бюджеты движения денежных средств. Тогда только-только электронные таблицы Lotus Notes появились, и стало возможно нормально проводить калькуляции. Но Резанцев просто отмахивался. Я по своим партнерам пробежался, сказал – от векселей «Водолея» избавляться. Ну, все и рухнуло. Дашу Завьялову сразу закрыли в тюрьму, а Сашу выпустили под подписку – в расчете на то, что он выкопает чемоданчик и с вкладчиками рассчитается. А он, вместо этого, начал искать вместо себя крайних. В частности, прикопался ко мне, мол, я какие-то деньги зажуковал. Я ему тогда сказал: Саша, не вали с больной головы на здоровую, вы с Дашей рынок вспучили, отвечайте теперь. Он меня потянул на очную ставку, милиция посмотрела – и уяснила, что я тут не причем. Правда, не сразу, а через три дня. А Сашу закрыли, и три с половиной года он просидел в местном СИЗО. Я считаю, что так ему и надо, поделом.

- А куда два мульты грин запропастилось? – спросил Гольдштейн. – Собственно, дельта по потокам «Водолея». Какие предположения?

- Ну а почему я знаю, - меланхолично отвечал Пфельд. – Что-то Даша передала в расчеты по старым долгам, что-то ее бандюки прибрали к рукам, что-то прилипло к Резанцеву. Тема мутная.

- Хорошо, - сказал Владислав Гольдштейн, по прозвищу «Пенталгин». – Тема мутная, и она закрыта. Будем считать, что ясность есть. Это ваши позапрошлые дела, главное, чтоб ничего из этого не переползло в настоящее. У вас отношений с Резанцевым нет – и быть не может, на обозримую перспективу. Даже если от него поступит предложение повстречаться – сразу ставь нас в курс. Все, до завтра. Я тебя вызову, Галя через пару часов назначит совещание.

Пфельд ушел. Гольдштейн нажал кнопку селектора: «Галя, пришли Таню Филатову ко мне. И я просил уборщицу! Нет, теперь уже не надо. Пусть уберет, пока я в Патриархии буду»

Минут через пять в кабинет Гольдштейна вошла Татьяна Филатова. Справная чикса, механически отметил про себя Гольдштейн, кровь с молоком. А, может, у меня просто давно никого не было, вот я так и реагирую.

- Что это у вас? – спросила Татьяна Филатова, указывая правой рукой на кровавое пятно и расколотую картину.

- Рабочий момент, - сказал Гольдштейн. – Валентин Кузьмич споткнулся, неловко упал, порезался. В травму его на «скорой» отвезли. – Тут же он заметил, что правая рука у Тани Филатовой, начиная от кисти, обмотана эластичным бинтом. – А что у Вас с рукой? Присаживайтесь, пожалуйста.

- Очнулся-гипс, - улыбнулась Татьяна. – Растяжение кисти. Ехала из пригорода, попала в выбоину здоровенную колесом, руль вывернуло, я экстренно попыталась выкрутить руль, и вот – как-то неудачно дернула кистью, не рассчитала. В результате, кое-как докатилась на одной руке.

- А сейчас как катаетесь? – спросил Владислав.

- Вполсилы, - отвечала Татьяна. – У меня электроусилитель руля и АКП, так что в этом плане полегче.

- Хорошо, - сказал Гольдштейн. – Давайте поговорим о наших делах. Меня зовут Влад Гольдштейн, я замещаю Слободана Драговича на период его временного отсутствия. Прошу Вас, Татьяна, начинать вводить меня в курс дела: что делал Драгович на этом месте, его основные обязанности, с кем он систематически контактировал. Более подробно опишите ваше с ним взаимодействие, какие-нибудь совместные акции.

- Ну, с чего начать, - сказала Татьяна. Наморщила лоб. – Допустим, надо открывать новый офис. Тут, кстати, через неделю планируем в Новосибирске. Иногда он ездил со мной. Выступал на митингах, рекламировал движение. Встречался с активистами на местах, беседовал с ключевыми кандидатами на посты, а потом принимал их здесь. Но большей частью ездила я, а он оставался дома – и уже потом, по горячим следам, устанавливал связь с офисом и налаживал контроль.

- Это как раз мне ближе, - сказал Гольдштейн. – По определенным причинам, я не смогу быть публичным политиком. Поехать с Вами на место, повстречаться с людьми – это еще куда ни шло. Но выступления на митингах и конференциях – исключаются.

- Понимаю, - сказала Филатова. – Тогда лучше целиком сосредоточиться на вопросах бэкофиса. Аудит региональных отделений, проверка отчетности, в том числе финансовой, работа с ходоками.

- Кто такие ходоки? – спросил Гольдштейн.

- Активисты с мест, которые к нам на обучение приезжают, - пояснила Татьяна. – Случаются совершенно лоховатые пассажиры, чуть ли не в лаптях и с чайником, как «Человек с ружьем». Слободан их однажды ходоками обозвал, так и прижилось.

- Еще у нас дырка по пиару, - сказал Гольдштейн. – Раньше это Муромцев прикрывал, а Драгович курировал. Теперь у нас Муромцев захворал, и где-то месяц необходимо будет отдавать эту работу на аутсорсинг. У вас сохранились оригинал-макеты используемого креатива? Фирменные стили и так далее?

- Да, - подтвердила Филатова. – Как только Валентин Кузьмич принялся хворать, - тут она многозначительно посмотрела на Гольдштейна, - я попросила Николая Ивановича сделать мне полную выгрузку креатива. Надо же было как-то выкручиваться. Кое-что сама поправляла в Фотошопе, но нового ничего не делала, конечно.

- Я попрошу Вас, - сказал Гольдштейн, - скинуть мне гиперссылки на наш портал, я себе скачаю. С меня в кратчайшие сроки – выбор агентства, и пусть они пашут. Мне кажется, значение Валентина Кузьмича во многом преувеличено Николаем Ивановичем, не боги горшки обжигают. Тем более, самый ответственный этап – логотипы, слоганы, цвета, буклеты – уже позади. За месяц, полагаю, невозможно серьезно будет это испортить, даже если постараться.

- Также я знаю, - сказала Филатова, - что Слободан организовывал привлечение средств с помощью Владимира Пфельда. Они часто это обсуждали, я в это не совалась. Только подавала заявку на финансирование – на год вперед, с поквартальной разбивкой, в разрезе центрального аппарата и региональных отделений. И на ближайший квартал такую же бумагу, за месяц.

- Этот порядок остается, задача за мной, - подтвердил Гольдштейн. – Теперь идеологические вопросы. Как я знаю, Драгович занимался еще и текстовками. Статьи в журналы, интервью и прочее. Честно сказать, я в этом деле не силен. Я даже не очень понимаю, почему у Драговича открылся такой талант, но факт налицо – успешно закрывал этот блок. Или я ошибаюсь?

- Да, - улыбнулась Татьяна своим воспоминаниям. – В последнее время Слободан вообще очень много стал давать различных текстов, причем очень высокого качества. Сам готовил интервью со мной для региональных изданий – кроил из того, что уже наработано, иногда делал с нуля. Так что здесь явная потеря намечается.

Если, конечно, это не Фома ему подкидывал, вдруг подумалось Гольдштейну. Не исключено.

- Соответственно, тоже уходит тема на аутсорсинг, - сказал он вслух. – Будем журналогу нанимать. И последнее. Как Слободан взаимодействовал с дьяконом Караваевым? Я сейчас поеду в Патриархию, заодно пообщаюсь там и с ним.

- Караваев визировал все наши печатные материалы и тексты речей на партийных митингах, - сказала Татьяна. – На предмет соответствия православным канонам. Обычно это занимало день или два – дьякон нас не тормозил ни в малейшей степени. Также Драгович периодически консультировался у него по скользким вопросам, уточнял позицию, выискивал все более сильные аргументы. Например, в части православного отношения к вопросам реинкарнаций.

- А почему Вы считаете вопрос реинкарнаций скользким? – спросил Гольдштейн.

- Я буду с Вами откровенна, - сказала Филатова. – Хотя не знаю, может, и зря. Но нас в институте и на всех последующих курсах повышения квалификации четко дрессировали в плане логики. Так вот. То объяснение, которое считается православным, - с моей точки зрения, не выдерживает никакой критики. В нем абсолютно нет логики. Все утверждения базируются на учении святых отцов, на результатах вселенских соборов, на цитатах из Писаний. Мы тиражируем эту точку зрения на наших слетах и соответствующим образом инструктируем людей на местах. Но, когда возникают споры с носителями альтернативной точки зрения, мы неизменно имеем бледный вид. Потому что люди с той стороны оперируют логикой, фактами, свидетельствами. Можно говорить о том, что все это подстроено и подтасовано, искажено, притянута за уши и так далее. На этом сейчас и выезжаем. Но их точка зрения всегда оказывается убедительнее тем, что хотя бы претендует на логичность. Наша же точка зрения стоит просто на том, что это так потому что так, и иначе быть не

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

может. Это догматическая позиция. И она – чрезвычайно несовременно и вяло выглядит на общем фоне, тем более в молодежной аудитории. Ничего, что так резко выступила?

- Валяйте, - сказал Гольдштейн покровительственно. - Со мной Вы можете быть откровенной. А вот с другими - не советую.

- Странное дело, - сказала Филатова. – Все чекисты ужасно любят цитировать определенный набор старых советских фильмов, их можно по пальцам пересчитать: «Мертвый сезон», «Щит и меч», «17 мгновений весны», «Адъютант его превосходительства». Почему так?

- Потому что мы на этом росли, - объяснил Гольдштейн. – Ничего лучшего с тех времен не снималось по нашей тематике. Впитали с молоком матери, что называется. А много Вам чекистов попадалось на пути, что Вы так уверенно судите о нас?

- Вы – четвертый, - отвечала Филатова. – До этого был Николай Иванович, Валентин Кузьмич и Слободан. И некоторое сходство прослеживается, иногда даже неуловимое. Как будто бы вы все из одной шинели вылупились. Что-то инкубаторское. Только без обид, ладно?

Обиженных имеют и в хвост и в гриву, хотел парировать Пенталгин по старой зоновской привычке, но воздержался. – Никаких обид, одно дело делаем, - добавил он вслух. – Таня, а ничего, если на «ты»?

- Я сама хотела предложить, - сказала Таня. – Движение у нас молодежное, стандарт общения – на «ты» и по именам. Так что вливайся, Влад.

- Вольюсь, - пообещал Влад. – Ты сегодня до которого часа?

- Допоздна, - отвечала Таня. – В 19-00 у меня ходки из Кемерово, а в 21-00 – конференц-колл с Владивостоком.

- Я тоже подзадержусь, - пообещал Гольдштейн. – Приеду из Патриархии с квадратной головой – попьем кофейку, о делах наших скорбных покалякаем.

- Ах да, - сказала Таня. – Еще «Место встречи изменить нельзя» в ходу у вашего брата.

...

Вечером в офисе «Молодой православной России» царило запустение. Работали: Татьяна Филатова и Владислав Гольдштейн. Откровенно скучал: дежурный охранник офиса Миша Бубенцов. Уборщица навела порядок, так что от утреннего происшествия остался только трудно уловимый след на стене.

Гольдштейн зашел в кабинет Филатовой, постучав, дождавшись разрешительного «да-да». Таня сидела за столом и терла левой рукой забинтованную эластичным бинтом кисть правой руки.

- Не знаю, как домой поеду, - пожаловалась она Гольдштейну. – Кисть ноет, натрудила я ее за день.

- Я тебя довезу, - пообещал Гольдштейн. – На твоей же машине, если хочешь. Район ВДНХ, не так ли?

- Почему знаешь? – с удивлением спросила Филатова. Потом спохватилась. – Извини, запамятовала, откуда ты влился в нашу православную тусу.

- Так что будем делать с твоей рукой? – переспросил Влад Таню через полчаса, подъезжая к дому на улице Кибальчича, где, собственно, и жила Таня. – Погреешь – или все-таки к врачу поедем?

- Как-нибудь разберусь, не парься, - произнесла Таня, странно посмотрев на Влада. – На крайний случай, вызову по страховой. У нас же ДМС от Конторы, спасибо ей. – Через паузу:
- Зайдешь, угощу тебя кофе?

- Конечно, - тут же согласился Влад. – До Братеева путь не близкий, надо подзарядиться.

- Только у меня дома гадюшник, заранее извиняй, - пояснила Татьяна, открывая дверь в квартиру на третьем этаже ригельным ключом. - Я домой-то заползаю как в нору, чтобы поспать и помыться, а глянец наводить не всегда терпения хватает. Это разве жизнь?

- Нет, это не жизнь, - сказал Влад. – У меня дома такая же запендя.

- А как твоя жена смотрит на безумный рабочий ритм? – спросила Таня Влада.

- Никак не смотрит, - отвечал Влад. – Некому смотреть.

- Прекрасно, - сказала Таня. – За мной тоже некому смотреть, и в ряде случаев так даже лучше. Я тогда сразу в ванну – кисть отмачивать, а ты ступай на кухню и поскребись по сусекам. Что найдешь в сусеках, то и будем ужинать.

Через десять минут Татьяна явилась пред Владом в кухне, обернутая в махровое полотенце. Влад безмолвно уставился на нее.

- Я подумала, - сказала Таня, - что поужинать мы сможем и попозже. Может, я веду себя слишком вульгарно для первого раза?

- Нет, не слишком, - сказал Влад. Подошел к Тане и принялся целовать ее, сначала в губы, затем, размотав полотенце, в грудь, в живот, и ниже.

- Подожди, родной - сказала Таня, через не-хочу оторвав от себя Влада. – У нас еще вся ночь впереди ... Уфф, да. Я тебе там в ванной повесила синее полотенце. Только не задерживайся, приходи скорее.

...

- Ты стонал, - сказала Таня Владу под утро. На часах было шесть. Им удалось поспать от силы два часа. – Стонал и скрипел зубами. Я не стала тебя будить, побоялась.

- Это еще со времен войны, - пояснил Влад. – Старые раны. Постоянно вижу один и тот же кошмар по ночам. Как твоя кисть?

- Вроде, отпустила, - сказала Таня. – Секс – лучшее лекарство от всего, давно замечено. Ты был классный, со мной давно такого не было, чтоб я кончала по пять раз за ночь. Все

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

какие-то однопалочники попадают. Или полуимпотенты, у которых эта штука сдувается в самый интересный момент. А ты как волчина изголодавшаяся. Давно женщины не было?

- Давно, - подтвердил Влад. – Такая работа. Не разбалуешься. А можно вопрос?

- Можно, - сказала Таня. Потянулась в истоме, приникла к груди Влада, чмокнула его в сосок, лизнула. – Весь в шрамиках каких-то, бедолажка. Осколочное ранение, что ли?

- Нет, - сказал Влад. – Это мне татуировки срезали. Вопрос такой. Ты, красивая женщина, все при тебе – и не замужем. Как же так?

- Я ходила замуж, - пояснила Таня. – Причем один раз дошла даже до алтаря, потом пришлось развенчивать. После этого раза я поняла, что совершенно не гожусь для брака. Я сама конь в юбке, и мне мужик не нужен для завершенности интерьера. Мне нужна свобода делать то, что я хочу и считаю нужным. Я презираю зависимость, знаю цену обязательствам и плюю на них. Брак – это схема для манипулирования, и это не мое. Я вовремя это поняла и сосредоточилась на карьере. Возможно, из меня получилась бы неплохая лесбиянка, но я не пробовала.

- У меня к тебе будет просьба, - затем сказала она. – Давай эта ночь нас не будет ни к чему обязывать. Останемся просто коллегами. Захотим еще раз пересечься – устроим себе праздник. А не захотим, или у кого-то из нас появится роман с продолжением, - то и все на этом. Давай смотреть на случившееся как на технический момент, ладно?

- Я не возражаю, - сказал Влад. – Но у меня встречная просьба.

- Давай, - сказала Таня.

- Если у нас что-то будет складываться, - сказал Влад, - что-то большее, чем этот трах-тибидох, - давай не будем себя душить. Давай не будем делать вид, что этого с нами не происходит. Позволим себе побыть немножко людьми, а не функциями. Хватит с нас основной работы для этого.

- Посмотрим, как пойдет, - ответила Татьяна. – В таких делах есть большой риск заиграться – и принять желаемое за действительное. Но мы же люди доброй воли, мы будем консультироваться, верно? – Тут ее травмированная вождением рука принялась гладить Влада по груди, неумолимо сползая к животу и ниже. – Ого. Похоже, что на работу нам придется задержаться. Но ведь не так часто мы собираемся ... Я хочу сверху, ладно?

29. Фрагмент из архива Фомы. Диня Удачин – царь. Настоящий!

Время: ноябрь 2007 года, Москва, Зеленоград

Место: квартира Светланы Ростовой

Участники: апостол Андрей (Света Ростова), апостол Фома (Алекс Резанцев), апостол Симон Зилот (Денис Удачин). Где-то неподалеку пребывают дочери Ростовой, Юля и Аня. Они играют на компьютере и бегают гулять во двор.

Фома. Не получилось у меня в этот раз пройти регрессию. Кто-то внутри сопротивлялся и не пускал. При этом глубину транса я контролировал. Но, как только выходил на переход

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

между жизнями – кто-то включал отбой, и меня буквально выкидывало из транса. Психолог говорит, что примерно треть субъектов испытывает подобную блокировку.

Андрей. А я ведь тебе говорила - рано. Должно прийти само.

Зилот. Я и дергаться не буду даже. Надо будет – откроют. Тем более Лазарев говорит: сверхспособности, если приходят к внутренне неготовому человеку – начинают убивать.

Фома. Ладно. Давайте зафиксируем для истории, чем знатен апостол Симон Зилот, он же Канонит, простой парень из Омска, Зилотом похоронен в Абхазии, в Новом Афоне. Кем он был по предыдущим жизням и кем стал сейчас. Чтобы поймать вектор развития этого персонажа. Для начала, Диня: как ты вышел на сайт?

Зилот. Я помню, как однажды год назад, в один из обычных рабочих дней я возвращался домой на трамвае. Меня терзали вопросы: «Как не допустить развала нашей страны? Как сохранить весь наш народ единым? Как все эти распри закончить и сделать нашу страну мирным, процветающим государством?». С этими мыслями я приехал домой и лег спать с этими же мыслями. Практически перед сном я вспомнил, что видел по телевизору передачу, на канале НТВ, о Нострадамусе. И в передаче говорилось, что он написал книгу, в трех экземплярах, и в книге была история всей планеты Земля до 2600 года. Первые два экземпляра я не помню, куда делись, а вот третий попал к последнему императору Российской империи. Когда он прочитал всю книгу, он практически перестал управлять страной. Значит, там были описаны неизбежные события. Я склонен думать, что последний император имел способности к ясновидению, с помощью которых он видел, что это не вранье.

Андрей. Имел, имел, не сомневайся (*ухмыляется*).

Зилот. А на следующий день я слонялся в Инете, совершенно интуитивно. Еще даже не формулировав точную мысль того, что я хочу найти. И на перекрестном запросе о Нострадамусе и о реинкарнациях всплыл сайт Ирки и Светки. Начал читать – и повело меня. Читал статьи Барановой, всю неделю. Обалдевал. Смотрел реинкарнации знаменитых соотечественников, Петра Первого, семьи Романовых ... И меня не покидало ощущение какой-то причастности ко всему, что выложено на сайте. Написал письмо авторам. Пришел домой поздно, улегся спать.

А ночь получилась интересная. Здесь немного интима, я частенько люблю спать совсем без одежды, а пижамы, например, вообще терпеть не могу. Так вот сплю я совсем без одежды. И снится мне сон, в котором я, естественно без одежды, сижу в кресле, а передо мной еще два человека и тоже сидят в креслах. Мне немного неловко, просто вижу, что одна девушка примерно моего возраста, а вторая много старше. Но никого, кроме меня, мой вид не смущает. Мы разговариваем. Как потом я узнал, разговор проходил выше порога сознания, поэтому о том, о чем мы говорили из нас даже под пытками или гипнозом вытащить не возможно, сознание этот разговор не фиксирует.

На следующий день – получил ответ от Светки. Оказалось, это Светка и Ирка приходили со мной встречаться, в ночном поле контактов. С тех пор вижу специфические сны чуть ли не каждую неделю.

Андрей. В этом плане у Дини существенная фора перед всеми нами. У него идут пророческие сны. Мы с Иркой, когда вываливаемся в измененное состояние сознания, не всегда отчетливо понимаем, о ком или о чем идет речь, или где и когда должно произойти то

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

или иное событие. У Дини это идет визуально.

Фома. Можно ли сказать, что такие способности переводят Диню в разряд Старших апостолов?

Андрей. Я бы не утверждала этого наверняка. Скорее, он просто прибил к нам с незапамятных времен. И с тех пор все время где-то неподалеку тусуется. В Гиперборее – обращался в тигра, то есть тусовался в племени по соседству со мной и с Натахой Лебедевой.

Зилот. Да, есть у меня сон про тигра с человеческими глазами.

Андрей. А в более поздние времена - рядом с Ахиллом, например, Неоптолемом.

Фома. И, на уровне подсознания, – неприязнь к Младшим. Я ведь помню, Диня, как мы с тобой схлестнулись по Оригену и Арию в Мейл Агенте. Ты еще тогда сказал, что спецназ на них не хватает. Я, кстати, примерно то же самое неосознанное сопротивление почувствовал, когда начал со Светкой общаться. Неприязнь, причем совершенно беспричинная. Потом, конечно, все объяснилось. Типа, не первое тысячелетие бодаемся.

Зилот. Я работаю над собой. Однако, нет никакой неприязни. Все это рабочие моменты, на них вообще лучше не заикливаться. Еще помню, когда я читал, что Неоптолем, он же Пирр, собственноручно убил Приама и Гекубу, я почувствовал себя как-то не по себе. Старые люди, все-таки. И одновременно – характерное ощущение причастности к происходящему. Торкало не по-детски. Хотя тоже знаешь, шла война, папика моего завалили на ней, так что это был предсказуемый вариант поведения древнего война.

Фома. Иди, извинись перед Гекубой, пока она на двор гулять не убежала. А я тебя прощаю, так и быть. Больше так не делай.

Андрей. Юля, дядя Денис извиняется перед тобой за прошлые ошибки! *(Смеется)*

Юля Ростова. Какие ошибки? Мама, можно мы с Аней пойдем на улицу погулять?

Андрей. Давайте, только ненадолго.

Зилот. Ну спасибо, блин, свои же поучают. Были бы вы на моем месте, видели бы все моими глазами, я бы на вас посмотрел, а поучать каждый мастер. Да-а-а-а... расти еще и расти всем нам.

Аня Ростова (Зилоту). Деда Саша, мы гулять пошли. *(Уходят)*

Фома. С дедой Сашей феерично у вас получилось. *(Смеется)* Слушайте, давайте, кстати, с Афанасием Александрийским допарим, чтобы Никею завершить. Там либо Диня идет, либо Настя Валикова. Но я думаю, что скорее Диня, за счет того, что у нас такая полемика. Вечный комсомолец, все время рвется в бой. И все время - на Светкиной стороне, что характерно.

Зилот. Ага, ну ты не можешь удержаться от колкостей, да? Тогда учитывай то, что я все еще октябренок и отказался быть даже пионером. Я тебе рассказывал этот случай.

Андрей (уверенно). Афанасий – Диня! Четкое «да» идет.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Фома. Мои поздравления, Диня. Допарили, хорошо.

Зилот. Отлично. Только я не могу представить, чтобы я тебя Арием мог отравить. Не я это на 99%. Не укладывается в голове.

Андрей. И не травил (*Фоме*). Я вообще не помню, чтоб тебя кто-то травил.

Фома. Не суть. Важно другое. Скрытая неприязнь меж нами ползет из жизни в жизнь. Всегда в каких-то контрах находимся. Видимо, из этого же вытекает интуитивное узнавание мною Дини Домиником. Меня реально торкнуло на это узнавание. Мы же с Ирккой работали в Италии в то время: она – Франциском, я – Антониом Падуанским. С Домиником, ясное дело, пересекались. И уже в тот момент могло развиваться неприятие. Хотя бы на уровне недовольства методами, которые доминиканцы применяли в ходе своей проповеди. Сначала – палка для битья, потом – костер. (*Цитирует малоизвестного кого-то*):

*Где над берегом шуришит седой тростник,
Где к морям змеею синей течет река,
По дороге идет монах Доминик,
Не святой пока, ой, не святой пока!*

*Не видать ему Всевышнего до тех пор,
Пока ересь не сразит сотней тысяч стрел,
И пока не возведет монах на костер
Сотню тысяч душ, да сотню тысяч тел.*

*“Видно, Бога не согреет простой огонь!
Чтоб согреть его, не хватит смолистых дров!” -
Поразмыслил Доминик, поплевал в ладонь,
И сложил тогда костер из еретиков.*

*Ветер весело швыряет сожженных прах,
Только некому молиться за души их:
Нынче странности творятся на небесах:
Стал святым обычный мастер дел костровых!*

Зилот (*сурово*). Стоп. Первое: ты меня или моих последователей заочно обвинил в твоём отравлении в своём дневнике. Поэтому это все-таки важно. Хотя бы в первую очередь, для тебя же... Второе: Я если честно, себя святым не считаю и не комплекую по этому поводу. И стишок мне нравится, как раз в тему. Нужно было кому-то охранять веру – в том числе от таких, как ты. Безо всяких обид. От катаров, от демонистов, от тех же сектантов. Мы бились и продолжаем биться за единство веры. Что в Никее, что сейчас, нет разницы. Только теперь вот пришла пора объединить все религии, найдя в них главное, общее. Или создать новую религию, фундаментом которой будет взято общее из всех религий.

Андрей. Только не ссорьтесь, я вас умоляю.

Фома. Мы не ссоримся, мы подводим итоги плодотворного сотрудничества апостолов на ниве церковного строительства, за последние 2000 лет. Мне ясно одно: единство веры требует костров. Инквизиция – изобретение Старших апостолов. Огосударствление церковей – это тоже дело рук Старших. И это нескончаемое гонялово за общее, за судьбы мира, в ущерб частному, в ущерб жизни и счастью отдельно взятой личности.

Зилот. Никакое это не гонялово – это неизбежный процесс в истории человечества, я бы сказал. Выживает та группа людей (считай, страна), которая имеет наибольшую сплоченность. Это когда большинство в этой стране отказывается от личных целей в пользу общественных. ФСБ интуитивно сейчас старается удержать от развала нашу страну, я лично молюсь, чтоб до нашего появления ФСБ продолжало ее держать. Поклон им низжайший, интуитивно они выполняют верную задачу. Иначе, если ФСБ выпустит Россию из своих рук, у нас в стране начнется то же самое, что сейчас происходит в Грузии и Украине. И ведь у тебя нет никаких иллюзий о демократии в этих странах и о тех игроках, которые управляют этими странами.

Фома. Ну ты подумай: целый гимн пропел гэбухе.

Андрей. Саша, не надо так узко смотреть на эти вещи, только со своей колокольни. Представь себе: ты приносишь идею, которая опередила свое время на тысячу лет. Массы – не готовы. Церковь – не готова. Ты хочешь поставить идею на флаг. Разумеется, церковь, как консервативный институт, защищает свое наследие подручными методами. Защищается от тебя и твоих идей. Во имя сохранения целого от повреждения, во имя удержания промежуточной модели мира как рабочего инструмента для управления этим миром.

Фома. Однако, сейчас мы ставим на флаг те же самые идеи, за которые я бился еще полторы тысячи лет назад, на всех возможных соборах.

Андрей. Естественно и нормально. Массы созрели принять. Поэтому нас, собственно, и собрали, но тогда, необходимо было жёстко задать правила игры. Мир и люди были жестоки и кровожадны, корыстны... Чтобы заставить их не грешить надо было сказать, что либо вы живёте правильно и попадаете в рай, либо... Там не прошла бы модель с реинкарнацией. Жили бы по принципу в этой жизни оторвёмся, а расплатимся потом, а ещё позже всё равно будем жить нормально после расплаты... Нужно было дать точку невозврата... Если грешишь, то попадаешь в ад навсегда!

Фома. Я и говорю: эта имперская точка зрения на исторический процесс, готовность пожертвовать правдой во имя общности – очень характерная точка зрения Старших. И не надо тогда удивляться, что в этой стране ФСБ взяла власть над всем, что воцарилась духота и убогое единомыслие, что политический ландшафт зачищен. Все это – естественная реакция власть предержащих на неоднородность объекта управления, подспудное желание сделать его однородным. Посмотрите, какое вопиющее сходство устроений и устремлений. И по петровским временам та же самая парадигма, я тебе уже говорил.

Зилот. Веселуха в том, что сейчас во власти и в элите общества находятся люди с целями, далеко не относящимися к управлению страной (Путин не в счет). Любое здоровое общество выстраивается в пирамиду. Наверху - духовенство (оракулы или там еще кто-то), отвечающие за закон и его соответствие с законами вселенной, на второй ступени - князья (цари, рыцари им служащие) и элита общества, короче те, кто общественное ставит выше личного. И третий пласт, все остальные люди – это те, кто личное ставит выше общего. Последние для собственного же выживания должны принимать власть над собой как должное. Проблема современной России в том, что люди с целями из третьего сословия попали во второй, а первого пласта мы вообще сейчас не имеем - развал неизбежен. Наша страна повторит судьбу Югославии или Ирака. Людям из третьего пласта необходимо понять, что они могут зарабатывать свои миллиарды честно, покупать яхты с системами ПВО и футбольные клубы, но как только они входят во второй пласт, они превращаются в раковые клетки в теле здорового организма, начинают плодить и притягивать таких же как и они. И

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

любой врач тогда скажет, что с ними надо делать. А конкретно по работе группы: Саша, все равно пока ты не признаешь, что Христос – Бог, у нас будут трудности в работе.

Фома. Послушай, Диня, не начинай с самого начала. Задолбало это жонглирование категориями, как в цирке шапито: от этих дискуссий Бога только убывает.

Зилот. Да, так мы ни до чего не договоримся. Нужно искать общее объединяющее поле между Старшими и Младшими. Не различия ловить, а сходство. Предлагаю формулу для примирения: Иисус - человек снаружи, но Бог внутри. С приоритетом внутренней составляющей. Душа, Дух первичны, тело вторично. Этой формулой можно прекратить 2000-летнее противостояние и непонимание.

Фома. С насюда предлагаю не решать. Один раз не dospорили, озверели – и покатилося из жизни в жизнь, все лаемса. А ведь есть и позитивные примеры. Хотя бы уже по 30-му меридиану смотреть. Абу-Симбел отдали в управление мне, когда шел Рамсесом. А Александрию – наоборот, тебе, когда шел Александром Македонским. В обоих случаях – успех. Мне почему-то казалось, что все города на меридиане будут Светке отдавать, в России и Византии так и получилось. Но нет: немножко сложнее модель. Когда речь идет о закладке новой зона, новой империи – посылают Старших. Когда империя уже заложена, и надо развить ее культурные начала – посылают Младших. Так что мы по-любому нужны друг другу – и нужны этому миру такими, как мы сформировались за эти тысячелетия.

Зилот. Давайте про эзотерический щит поговорим. Мне это очень интересно. Мое положение в группе на Шествии несколько обособленное, я иду не в паре, как все «нормальные» апостолы первого призыва, а сбоку. Хотелось бы понять, в чем моя задача.

Андрей. Ты из жизни в жизнь воюешь и охраняешь. Поэтому, видимо, наверху было принято решение поставить тебя присматривать за ходом процесса. На внешнем уровне это – элементарное обеспечение безопасности. На внутреннем – блокировка нападений из астрала. К тому времени, судя по всему, у тебя на это откроются сверхспособности соответствующие. И у тех людей, кто рядом с тобою в щите.

Зилот. На эту тему могу рассказать сон. Снится как-то, что осматриваю квартиру, для покупки. Показывает мне ее цыганка. Показывает, все рассказывает, квартира старенькая, но мне нравится. И тут она постепенно начинает превращаться в вампира, из двери показывается второй человек, мужчина, быстро оборачивающийся в вампира. Ну, думаю это вы зря себя раскрыли. Голыми руками хватаю девушку (она ближе) за горло. Парню смотрю в глаза... цепенеет... а сам правой рукой держу бьющееся и пытающееся вырваться женское тело. А левой стараюсь поймать, зацепить что-то липкое внутри ее. Ага... поймал... хватаю правой рукой. А ну вылазь! Вылазь, говорю, падла! Женское тело обмякло... сникло и осело на пол. Смотрю, у нее розовое лицо. Жить будет. Поворачиваюсь к парню. В глазах его страх, бессилие. "Пришел твой черед!" - говорю. Через минуту хожу, осматриваю преобразившуюся белую, чистенькую квартиру, а на меня злобно смотрят две пары зеленых глаз. Че оставились? Валите отсюда! Не хрен тут вам больше делать.

Андрей. Ну вот, сон в руку.

Фома. «Ночной дозор» отдыхает. К тому же, я так полагаю, на тонком плане ты кого-то сильно выручил. Подселенца какого-то оторвал от человека, или энергетическую присоску перерубил, через которую человека выпивали, силы из него вынимали.

Андрей. А квартира для покупки может символизировать человеческую душу как некий дом,

куда вселились незваные гости, как в евангельской притче.

Фома. Догадка здравая. Полагаю, в плане щита в дальнейшем будет больше ясности. Давайте теперь про Александра Освободителя поговорим. И про его женщин, с которыми он никак разобраться не мог – и не может, из жизни в жизнь. Как вообще открылось?

Зилот. Позавчера пробило. Анька начала называть сначала дедом, а потом дедом Сашей. А потом и Светка узнала. Во, говорит, Александр Второй.

Фома. Непонятно, почему дедом. Если Анька – дочка Николая Второго, то Диня ей прадедом приходится.

Андрей. Анька не вспоминает. Она интуичит, и ей приходит с тонких планов подходящее название. Плюс – присутствие кармического родства. Поди, не первую жизнь пересекаются.

Фома. Это как вчера, когда гуляли по Фрунзенской набережной, она на меня все сбивалась: дядя Андрей да дядя Андрей. Надо ее поискать где-то рядом с Боголюбским. Поеду во Владимир на новый год – послежу за вибрациями, что будет приходить.

Зилот. А чего вы на Фрунзенской набережной делали?

Андрей. По валиковским местам слонялись. Кстати, Валиков живет непосредственно рядом с мостом Андрея Первозванного! Ангелы шутят, как Фома говорит.

Зилот. А по поводу Александра Второго: Ольга, моя нынешняя жена, была моей женой там, Марией Гессенской. А Наташка – женщина, которую я люблю – Екатериной Долгорукой, сначала любовницей, затем второй женой. Ира Баранова ясновидела меня индейцем у костра, и этих двух женщин – женами рядом со мною. Так что этот треугольник из жизни в жизнь ползет.

Андрей. Мексиканский сериал. Вчера от его жены Ольги письмо получила, убойного характера. Типа, я в их семью с ногами влезла. И еще она пишет, что сама получила анонимное письмо следующего содержания: типа, когда муж приедет, не забудь проверить его на венерические заболевания. А это уже Наташка, думаю. Оля бьется за него, а с Натальей не понятно. Но на Шествии, рядом с Диней – не Ольга, это точно. Женщина, лицо расплывается, но вижу – крашеная блондинка, корни волос темные. У Наташи темные волосы?

Зилот. Да, корни темные, значит волосы крашенные. У меня тоже сон был. На пляже видел сына своего. Женщину не видел вообще, но раз мне ее не показали, можно предположить, что это не Оля. Иначе зачем скрывать?

Андрей. Значит так: в 2017 году есть общий сын, ему лет пять, и есть еще девочка от предыдущего брака твоей будущей жены. Так что может так сложиться, что и Наташа, но гарантий дать не могу пока. Некоторый туман.

Зилот. У них в семье все в порядке, ну есть моменты, через которые многим приходится проходить, но я их брак рушить не стану, и подкапывать его не стану никоим образом. Не хочу это отрабатывать по следующей жизни. Да и вообще, мы теперь не общаемся в принципе. Я перед отпуском начал пробивать ее реакцию на мой отъезд в Москву и, что у меня в Омске не будет нормального счастья. А она приняла все на свой счет, стала избегать и перестала общаться. Короче, промах у меня.

Фома. Я бы не зарекался. Возможно, в будущем к нужному моменту все придет в движение, и там уже будет не до ее брака. К моменту принятия решения задачи этого брака могут исчерпаться сами собой (как у меня, например, сейчас). Всякие варианты могут быть.

Зилот. Я часто Наталью вижу во сне. Недавно был сон: мы с Натальей гуляем по солнечному парку, вокруг куча зелени, деревья, кустарники все в солнечных лучах. Ходим, разговариваем и не хочется уходить, даже мыслей этих нет. Мы гуляем очень долго. Разговариваем обо всем, что только в голову придет. Часто смеемся. Как мне нравится ее смех. Я стараюсь специально шутить, часто шутки не в тему, но она деликатно смеется. Мы уже пару раз сидели на траве. Так как ноги устают, а она на каблуках. Но мы не уходим, мы оба не хотим уходить. Сели еще разок на траву. Я только сейчас обратил внимание на то, что она в очень коротком платье. А вставать уже тяжело, я вижу по ее усталым глазам. Предлагаю понести ее, она соглашается. Беру на руки, как сначала показалось невесомое тело, и несу, но постепенно руки устают и она чувствует дрожь устающих мышц. Устраивается поудобнее, так как я отпускаю не собираюсь, прижимается всем своим телом ближе, смещая свой центр тяжести ближе к моему, что бы мне легче было ее нести и положила свою голову мне на плечи. Практически перед моим лицом оказалась ее беленькая шея. Вы не представляете, что это за частичка божественного создания. Проснулся с таким чувством, что действительно весь прошлый день гулял с ней. Настроение просто чудесное.

Или еще. Взбираемся в гору с Натальей. Сначала просто ногами идем, потом уже и руками помогаем, потом уже и друг друга подтягиваем. Доходим до самой вершины. Там много деревьев. Надо дальше зачем-то на них лезть. Лезем. Сидим на самой вершине, самого высокого дерева и смотрим по сторонам. Красота. Но почему-то надо идти вниз, не назад, а вперед. И мы с ней видим, что скала отвесная, и она не спустится, никак по-другому ей со мной дальше не пройти. Я уже предлагаю какое-то абсурдное решение, типа, я подкину тебя вверх, а сам прыгну вниз (я бы не разбился это точно) - и там бы ее поймал. Но на этом самом моменте, так и не отпустив ее, я проснулся.

Фома. Это может быть ведь вариант ночных контактов, не так ли? Души решают, как им быть дальше друг с другом. Итак, что мы имеем по Дине, позволю себе подытожить. Мы имеем вояку из жизни в жизнь, вплоть до последней войны, где он в пехоте проходит юг России, всю войну – и остается в живых.

Зилот. Ага, у меня руки начинают дрожать, как только слышу фразу типа: "Танки вышли на позицию". Добавь к этому, что я гибну в позапрошлой жизни молоденьким офицериком на броненосце береговой обороны "Адмирал Ушаков". Следуя самостоятельно во Владивосток после Цусимского сражения 15 мая 1905 года, броненосец погиб в неравном бою с двумя японскими крейсерами, которые многократно превосходили его как по водоизмещению, так и по дальности стрельбы. По существу, японские крейсера хладнокровно расстреливали российский броненосец, не входя в "контакт".

Фома. (Андрею). Это тоже ты углядела?

Андрей. Разумеется. Равно как и его квартирку на Патриарших, где он жил, и где его сестрой была моя Катька, которая Вамбина. Возникает ощущение Кармической Семьи, где границы между жизнями стираются, как и половые различия, а остается – группа из сотни душ, которые тысячелетиями друг с другом тусуются, разыгрывают определенные жизненные ситуации, учатся друг у друга. На этом фоне, кстати, пресловутое различие между Старшими и Младшими тоже стирается. Разве что где-то внутри группы возникают более или менее плотные дополнительные связи. Своеобразное родство душ начинает играть. Как у меня с

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Валиковым, или как у тебя с Магдалиной.

Фома. Кстати, меня все время подмывало спросить. Там, в Кане, где Зилот бракуется и где вина не хватило, – за Зилота Ольга замуж выходила или Наталья?

Андрей. Ни та, ни другая.

Фома. Значит, и на Шествии может всплыть кто-то третий. Не унывай, Диня, у нас все впереди еще.

Зилот. И тебе тоже личного счастья, Фома. Кстати, меня частенько преследует мысль, когда иду за покупками, что чего-то не хватит, особенно в виноводочном отделе. А насчет женщины я успокоился. В этих делах не все так просто. И ясновидящему ангелы могут дать информацию с подковыркой. В этих делах никого слушать и, главное, спрашивать не надо. *(Улыбается в сторону Андрея).*

30. Ну вот и Нафаню пробило ...

30.1. Под соусом организационных изменений

Декабрь 2005 года, Питер. Кабинет президента корпорации «Элефант» М.П.Светикова *(он же, как потом выясняется, – апостол Нафанаил; на местном жаргоне - Нафаня)*. У президента в кабинете – консультант, д.э.н. А.Д.Резанцев *(он же, как потом выясняется, - апостол Фома)*. И он говорит:

- Видимо, задание, все же, должно стоять шире. Компания пребывает в состоянии «как-есть», со своими проблемными областями. И есть некое идеальное состояние, в которое компания должна перейти – состояние «как-должно-быть», при котором текущие проблемы уходят. Между двумя состояниями А и Б лежит путь, по которому надо пройти. Соответственно: надо зафиксировать состояние А, создать модель состояния Б – и связать их планом мероприятий по переходу, основанному на вновь создаваемых ресурсах.

- Вы все правильно говорите, - с радостным удивлением отмечает Светиков. – Я сам думаю точно так же.

Здесь и далее Нафаня и Фома называют друг друга на «Вы» - и исключительно по имени-отчеству.

30.2. Пригреб уголовника

Февраль 2006 года, Питер. Кабинет Нафани. В кабинете – Нафаня и Фома. Нафаня говорит:

- Итак, мы заявляем семь кварталов организационных изменений. Через неделю собираем общее собрание трудового коллектива, я озвучиваю свое намерение менять компанию, а затем Вы докладываете схему проведения изменений – делаете презентацию. Потом – вопросы.

- Хорошо, - отвечает Фома. – Но, прежде чем мы подпишем наш контракт, я хотел бы Вам рассказать кое-что о себе.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

И далее он рассказывает, как он торговал ценными бумагами, строил церковь на кладбище, а затем сидел в тюрьме. После этого он говорит:

- Разумеется, та информация, что я озвучил, дает Вам полное право не заключать со мной никакого контракта. Но я счел для себя необходимым раскрыть карты. Чтобы у Вас со мной не было проблем.

- Александр Дмитриевич, - говорит Нафаня, - меня мало волнуют факты Вашей личной биографии. Меня волнует, получится ли у нас сдвинуть компанию с места. Я рассчитываю, что получится. А Вы?

- Я тоже, - говорит Фома. Он волнуется. – И счастлив, что в Вас не ошибся. Почту за честь работать под Вашим началом. Знаете, с чего начнем?

- С чего? – спрашивает Нафаня.

- Заведите себе помощника, - говорит Фома. – Или помощницу. Вы - президент, Ваше время стоит дорого. Отгородитесь от внешнего мира приемной. Так все делают, и не вижу резона, почему у Вас должно быть иначе.

30.3. Наторговали

Итого справочно прибыль к распределению по корпорации «Элефант»:

- За 2006 год – 6 млн. руб.
- За 2007 год – 350 млн. руб.

30.4. Апостолов развелось

Декабрь 2006 года. Кабинет Нафани. В кабинете – Нафаня и Фома. Фома говорит:

- Очень любопытную информацию я получил неделю назад. На меня вышли люди, которые интуичат свои прошлые жизни. По результатам разговоров они мне сказали, что я когда-то был апостолом Фомой. Вернее, так: я сделал оговорку, а они подхватили. И сказали: поищи окрест себя, нет ли еще апостолов рядом. Я огляделся. И первый, кто мне пришел в голову, были Вы. Я послал им Ваши фотографии. Они говорят, что Вы – апостол Нафанаил, он же – Варфоломей. Как Вам такое?

- Необычайно интересно, - говорит Нафаня. – Очень. Дело в том, что у меня есть знакомая ясновидящая, я с ней часто общаюсь. Так вот: она мне еще четыре месяца назад сказала, что в прошлой жизни я был учеником Иисуса Христа.

Оба взволнованы. Переваривают.

- Я Вам послал ссылку на книгу Урантии, - говорит Фома. – Посмотрите профайл на Варфоломея.

Нафаня открывает.

- Да, - говорит он наконец. – Очень похоже. То же самое и сейчас, в общих чертах.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Ну тогда надо ехать встречаться с этими дамами, - говорит Фома. – Как насчет 12 января?

- Подходяще, - говорит Нафаня. – Свяжитесь с ними, и давайте планировать. Поездом или самолетом?

- Самолетом, - говорит Фома, - потому что Зеленоград – это рядом с Шереметьево. Утром туда, вечером обратно.

30.5. Еще один?

- Ручейков? – переспрашивает Нафаня. Хмыкает. – Во дела. И кто он?

Март 2007 года. Кабинет Нафани.

- Апостол Филипп, - Фома отвечает. – Рядом с Вами на Шествии, в паре. У них были сомнения. Ирка, правда, сразу дала «да», а Светка еще парилась. Ей были нужны фотки, я их собрал и заслал. Наконец – допарила она, вчера подтвердила.

- Интересная у нас корпорация, - говорит Нафаня. – Сразу троих апостолов первого призыва впитала в себя.

- Да, - говорит Фома. – Сверхзадача у нее.

30.5. Монголия тоже в теме

Июнь 2007 года. В приемной президента корпорации «Элефант» сидят: внешний консультант Фома и руководитель департамента Сергей Егоров. Сергей – возрастной дядька *(на фоне молодежи, что носится по коридорам корпорации)*, опытный и довольно желчный. Они ждут своей очереди на прием. Вопрос – мотивация Егорова как топ-менеджера, заключение соглашения о выделении доли в бизнесе, которым Егоров рулит.

- Мне всегда нравилось путешествовать, - говорит Егоров. – Весь мир исколесил, еще по прошлой работе. Даже на Новой Земле был, в то время, когда там проводили подземные ядерные взрывы. Но это без комментариев, секрет. Так что в старые добрые времена был бы путешественником. А, может, и был. Мне, кстати, одна умная женщина сказала, что одной из прошлых жизней я был известным географом.

- А кем конкретно? – Фома интересуется.

- Она не сказала, - говорит Егоров. – Откуда она-то знает.

- Я покопаю это, - обещает Фома.

- Покопайте, - говорит Егоров. – И еще: попросите Мишу, чтобы он как-то выбирал выражения следующий раз, при разговоре со мной. Я ему не школьник, чтобы меня отчитывать и на меня орать, я в два раза старше его.

...

Июль 2007 года. Апостолы Фома и Андрей беседуют в Асе.

- Да, - говорит Андрей, - одно лицо. Ловко.

- Подтверждаем Егорова на Марко Поло? – спрашивает Фома.

Андрей подтверждает.

- И теперь самое интересное, - говорит Фома. – Кто Нафания в этих раскладах? Потому что у них с Егоровым – очень плотно кармически, по всему видно. Равно как и с Алексеевым. Помнишь, я тебе рассказывал про него? Руководит у Нафани отделом рекламы. До моего прихода в корпорацию – фактически исполнял роль серого кардинала, возглавлял информационно-аналитический отдел. Не тот ли это колдун?

...

Кабинет Нафани.

- Так что примеряйте к себе внука Чингиз-Хана Хубилай-Хана, императора Монголии и Китая, - Фома говорит. – Рядом с Вами – Егоров, он же Марко Поло. И Алексеев, он же Карма-Пакши. А еще Ваша помощница – одной из жен. Помните, я говорил Вам, что Алексеев – колдун, а Светка потом подтвердила? Так вот: я нашел текст, где объясняется эта коллизия. Карма-Пакши был очень мощным колдуном, под маской буддиста. Вы сначала преклонялись перед его талантами, а потом почувствовали, что он начинает забирать над Вами верх. Тогда Вы решили его убить. Голодом вздумали уморить. А потом Вам доложили, что ему мыши еду носят. Вы раскаялись и приняли буддизм. Из монгольского язычества – сразу скачок в одну из мировых религий. Прогресс налицо. Вот, собственно, почему Вас буддийский контекст так заводит, и Вы из Индии не вылезаете. Как только я этот текст Светке заслал, – у нее сразу пошло «да» на все. Так что отношения с Егоровым и Алексеевым – долгоиграющие у Вас. Непроработанные, видимо.

- Не очень-то лестное назначение, - говорит Нафания. – В те времена кровь лили, как воду. Особенно восточные императоры.

- Не заморачивайтесь, - говорит Фома. – Тогда времена были такие.

...

- Светиков – Хубилай-Хан, - говорит Фома Егорову. – Вы – Марко Поло.

- Неужели? – спрашивает Егоров. Он обрадован. – А как выяснилось?

- Методом тупого перебора, - говорит Фома. – Я вам прислал гравюру. Посмотрите на нее, а потом – в зеркало.

- А я всегда говорил, что он татарин! - говорит Марко Поло. Необычайно обрадован подтверждением и этой своей гипотезы.

- Он постоянно посылал Вас куда-то, - говорит Фома. – Например, за три моря – покупать зуб Будды.

- И сейчас посылает, - говорит Марко Поло. – Только не за три моря, значит, а на три буквы.

30.6. Начинают узнавать на улице

Август 2007 года. Питер, морской ресторан в «Ленэкспо». Андрей, Фома, Нафаня и Вамбина выпивают и закусывают.

- Тут был забавный случай, - говорит Нафаня. – Гуляю я со своей дочкой, прохожу мимо песочницы. Вдруг девочка, посторонняя совершенно, которая в этой песочнице мирно играла до этого, - вскакивает, потом тычет в меня пальцем – и кричит: «О, Нафаня!». На мне, вроде, не написано, откуда она узнала?

Все поражены.

- Это все знаки, - Фома поясняет. – Когда подтверждали Филиппа по Ручейкову, – в Инете прошло сообщение о том, что выставляется на аукцион череп апостола Филиппа из Казанского собора, много шума было. А когда я угадывался на Ария, было такое. Еду в автобусе, смотрю в окно. И сразу по глазам бьет здоровенная вывеска – «АРИАН», раньше я на нее внимания не обращал. Спускаюсь в метро. Вывеска: «ИЛЛИРИЯ – салон красоты». А ведь в Иллирию Ария и сослал после Никейского собора. Пишу Светке в Асе, она ржет. Прикинь, говорит: ты только написал, а мне Миха CD-диск протягивает. Группа «Ария». Ангелы шутят!

- Ржали полдня, - апостол Андрей подтверждает.

30.7. Кредо корпорации «Элефант»

Октябрь 2007 года. Кабинет Нафани.

- Я постарался своими словами обобщить то, что Вы наговорили в третьей части Вашего доклада в Кабардинке, - говорит Фома. – Презентацию прислал. Откройте, давайте посмотрим.

Нафаня и Фома открывают презентацию. Читают:

1. Бог - есть, и Он управляет миром. Воля Бога – во всем. Тонкие планы управляют планами грубыми, Небо управляет Землей.
2. Человек носит Бога внутри своей души. Бог в человеке и Бог вне человека – один и тот же.
3. Если человек действует по воле Бога внутри и вне себя, он побеждает и растет. Если человек, его низшее начало, восстает на Бога, - человек проигрывает и деградирует. Нельзя идти против потока развития Вселенной.
4. Радоваться в этом мире – означает быть заодно с Богом. Что бы ни случилось, какие бы бедствия не ожидали человека на его пути, Радость и Свет должны сохраниться в Душе.
5. Мы воплощаемся в проявленном мире бесчисленное множество раз для того, чтобы учиться и извлекать уроки. Конечная наша цель – возврат Души к Богу со всей полнотой выученных уроков.
6. Мы не только помогаем миру двигаться. Мы помогаем Божественной части внутри нас преодолевать тяготение низших энергий. Мы сотрудничаем с Богом на этом пути, мы – Его соратники, его дети.

7. Быть заодно с Богом – означает быть призмой, через которую Божественный свет проходит без расщепления на противоположности высокого и низкого, хорошего и плохого, доброго и злого. Нет дьявола как такового, нет зла как такового. Есть наше несовершенное видение, несовершенное знание, несовершенные оценки. В Писаниях найдем: «нельзя сказать: "Это хуже того", ибо все в свое время признано будет хорошим. » (с) Премудрость Сирахова, гл. 39, ст. 39.
8. В мире нет ничего случайного, особенно в плоскости человеческих отношений. Наша несовершенная земная любовь или земная ненависть – это повод задуматься над природой ситуации: какой урок мы проходим, за что мы зацепились, что в нас не так.
9. ЭЛЕФАНТ собрал нас всех под свое крыло не случайно. Мы уже росли («двигались») вместе в предыдущих воплощениях (малыми группами), растем сейчас и будем расти еще. Мы – одна семья, и это не фигура речи, это наша коллективная карма.
10. Миром правит любовь, ибо Бог есть Любовь. Парадоксально, но, не полюбив самого себя, не полюбишь ни ближнего, ни мира. «Спаси себя, и около тебя спасутся тысячи» (с) Серафим Саровский. Он же – Николай Чудотворец, он же – Дима Валиков. ☺
11. Единство - синоним Любви. Устанавливая единство, мы делаемся единым целым с Богом и друг с другом. Когда мы едины, Божественный свет проходит сквозь нас без расщепления. Единство – синоним выживания и развития.
12. Мы можем выжить как сообщество, только поднявшись на новый уровень единства. Это можно сделать лишь путем кардинальных перемен, совершенных в КАЖДОМ члене сообщества, - через перепросмотр, самоанализ, ставку на непрерывное духовное взросление.
13. Частота Божественных вибраций растет. Это связано с тем, что человечество ускоренными темпами переходит на новый уровень развития, на новый уровень единства. ЭЛЕФАНТ переживает это как катастрофический рост объемов бизнеса (удвоение каждый год) и как серьезный вызов для выживания Корпорации. Если мы не станем единым целым, нас просто разорвет, мы не справимся с управлением, перегреемся и взорвемся.
14. ЭЛЕФАНТ имеет миссию – помогать России и миру двигаться. Но, пока не сдвинем себя сами с мертвой точки – никому вовне помочь не сможем. Мы написали эту миссию на своих знаменах. Но она должна быть еще написана и на скрижалях нашего сердца, как разделенная всем сообществом установка к действию.
15. Самочувствие людей и организаций определяется энергетическим балансом. Умение адекватно получать и транслировать энергию – это искусство выживания и развития. Брать энергию без отдачи – это вампиризм. Отдавать энергию без забора – это дурная благотворительность. И то, и другое – наказывается.
16. Баланс энергии в Корпорации выражается динамикой капитала. Деньги – это энергия, и эта энергия дается Корпорации не навсегда, а с дальним прицелом. Помогают только тем, кто способен принести плод. Дерево, не приносящее плод, рубят и бросают в огонь (отнимают энергию, делают банкротом). Наша полезность миру и Богу – залог нашего выживания в длительной перспективе.
17. Собственность – это иллюзия. Все блага мира даны нам в управление, в расчете на принесение плода. Мы ничем не обладаем, мы только управляем вверенными нам активами. В том числе нам вверены – способности, деловые навыки, хорошие мысли перед обедом. Всем этим надо научиться распоряжаться.
18. Не цепляться ни за что материальное! Наша свобода – это мера нашей силы - не привязываться к вещественным и чувственным объектам этого мира, отдавать им дань, но не становиться их заложниками, их рабами.
19. Да, ЭЛЕФАНТ несет свою миссию. Но это не наш замысел, а замысел Бога о Корпорации. Мы не должны испытывать гордость по поводу нашего высокого предназначения. Говорите себе так: мы делаем только то, что должны делать. Не

присваивайте себе завтрашнюю победу, сохраните за собой лишь удовлетворение от исполненного долга, от хорошо сделанного дела.

20. Ответственность – это Божественное свойство. Руководитель Корпорации или страны понимает, что над ним – только Бог. В принципе, всякий человек – владыка в своей собственной жизни. И именно на нем лежит вся полнота ответственности за происходящее в его жизни.
21. Наша ответственность распространяется и на наше мировоззрение. Наш долг – не следовать укоренившимся догмам или стереотипам (пусть даже миллионы ходят этими широкими дорогами), - а сформировать такой образ мыслей, который придет в полное согласие с нашей собственной совестью.
22. Единство Корпорации и ответственность ее сотрудников – это РЕЗУЛЬТАТ. РЕСУРС для достижения этого желаемого состояния – Безусловная Любовь.
23. Все происходящее – только Игра. Давайте играть талантливо и искренне, без вычурности и фальши. Однажды мы умрем и воплотимся для новой Игры. Однажды ЭЛЕФАНТ перестанет существовать. Но придет новое сообщество, для новой Игры. Мы, как и Игра – вечны. И нам принадлежит только тот урок, тот навык, что мы извлекаем Здесь и Сейчас, Играя и Радуясь.
24. Давайте любить друг друга.

- Да, - говорит Нафаня наконец, - над этим еще надо работать и работать. Переводить с Вашего языка на мой. И про Валикова убраться, ни к чему это здесь. А кому мы это можем послать?

- Тем, кто и слушал, - говорит Фома. – Топам. Остальные вряд ли воспримут.

- Да и топы не воспримут с ходу, - говорит Нафаня. – Разжевывать придется.

- Точно, - говорит Фома. – Я наблюдал за ними, пока Вы докладывали. Они были просто в шоке. Не ожидали ничего подобного.

30.7. И послом был тож

Фома получает от Нафани SMS: «Ордин-Нащекин Афанасий Лаврентьевич. Псковский боярин. Руководитель Посольского приказа при царе Алексее Михайловиче».

- Ну и как это пришло? – спрашивает Фома на следующие сутки.

- Мистика, как и всегда, - говорит Нафаня. – Сажу в машине, слушаю радио. Передают по радио биографию. И чувствую – моя. Дома вечером залезаю в Инет, смотрю. И начинаю ловить себя на мысли, что понимаю природу всех событий и мотивов, откуда что берется, почему в той или иной ситуации я поступил так, а не иначе.

- Светка подтвердила, - говорит Фома. – Поздравляю. И от меня подарочек, я прислал, откройте.

Нафаня залезает в почту, открывает.

- Это ваш портрет кисти Симона Ушакова, - поясняет Фома. – А поскольку Симон Ушаков – это я, то мы с Вами и в эти времена пересекались. Оказывается, Симон не только иконы писал, но и парадные портреты. Алексей Михайлович – Плюшкин, Светка – его сын Петр. Вспоминает, кстати, как я писал портрет ее отца, оглядывался. Так что вся банда в сборе.

30.8. Как за каменной стеной

- Это ваша жена Врубелем, - пишет Фома Нафане. – Вашей кисти портрет. Оперная певица. Угадайте, кто она сейчас, рядом?

- Не, - пишет Нафаня, - не получается. Ну и кто?

- Как? – пишет Фома, поражаясь. – Катя Яблонская, конечно.

- Вполне возможно, - Нафаня пишет. – Мне она всегда нравилась.

- Светка подтвердила, - пишет Фома. – А я сразу среагировал, как портрет увидел. Властная. Полагаю, что Врубель был весь на воздушных, и она вела дом.

- Сейчас то же самое, - пишет Нафаня. – Только тогда она вела сугубо мои финансы, а сейчас – корпоративные. Прогресс налицо, не находите?

30.9. А с бабами всегда так

- Это портрет Джона Бартоломью Робертса, - говорит Фома. – Ирка прислала. Меня сразу торкнуло: как на папу Вашего похож!

- А, может, я таким и буду, - говорит Нафаня, - в свои сорок с лишним лет. А почему пират?

- Так Ваша же ясновидящая сделала оговорку, - поясняет Нафаня. – я передал на группу, Ирка допарила, Светка подтвердила.

- Там еще была несчастная любовь, - Нафаня замечает.

- Была, - подтверждает Фома. – Ребечкой Рис ее звали. Обещала Вам руку и сердце, а сама вышла за сына плантатора. Вертихвостка потому что. Посмотрите окрест себя, нет ли чего-то подобного в теперешнем Вашем окружении. Помощница Ваша отпадает, этот вариант мы уже со Светкой пропарили.

- И еще интересное, - Фома добавляет. – Когда на ваш военный бриг напал Эдуард Дэвис, Вы, еще состоя на военно-морской службе Ее Величества, решили скрыть свое подлинное имя. И назвались – Бартоломью Варфоломеем, то есть. Замечательная оговорка, Вы не находите?

- Здорово, - соглашается Джон Робертс.

- Необычный Вы были пират, - Фома говорит. – Изысканно одевались, модничали. Хотели корабельного попа завести, но никто не согласился. Запрещали команде материться, штрафовали за это. Следили, чтобы отбой был по расписанию. И на этой гламурной волне – потопили 400 кораблей. В среднем, по 2 корабля в неделю, если переложить на те 4 года, что Вы пиратом ходили.

- И уж, конечно, никаких женщин на судне, - добавляет Фома. - От этого и сделались ведь пиратом – от неразделенной любви. А потом, уже Врубелем, грудь себе ножиком резали – по схожему поводу. Я, помню, тоже себе, четверть века назад, бритвочкой на руке вырезал имя

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

«Маша» – под хорошим набором и в полном отчаянии. Апостолы – в этом плане ребята неадекватные, их несет. И у Дини аналогичные проблемы - да и у Валикова, как мы теперь понимаем. История с испанской танцовщицей и инквизицией.

30.10. Круги на воде

- На Григория Явлинского похож портрет, – говорит Нафаня. – В молодые годы.

- Ирка тоже так сначала думала, - говорит Фома. – А Светка все не подтверждала. А тут я ей по наитию загнал фотки Сестрина – подтвердила влет.

- Слава Сестрин? – Нафаня переспрашивает. – А портрет – из музея Питти во Флоренции, правильно я уловил?

- Вот именно, - Фома подтверждает. – Рядом со мной по Боттичелли. Дальше самое интересное. Беседуем мы с ним. Как Вам, спрашиваю, итальянская тематика. Без ума от нее, говорит, в будущем году как раз собираюсь туда в турпоездку. И вообще, говорит, я привык себя чувствовать чем-то вроде мецената от искусства. Показал ему портрет, тыкнул в него пальцем, он обомлел.

- Потому что наша групповая кармическая тусовка - говорит Нафаня – шире, чем ваш или мой круги. Как мы с Вами много тысяч лет рядом, так и наши спутники рядом, из круга в круг перекочевывают.

- У меня есть такой пример перед глазами, - говорит Фома. – Юлька Ростова, апостол Матфей. Со мной Приамом – она рядом Гекубой. Со Светкой Николаем Вторым – она дочкой, великой княжной Татьяной. С Валиковым-Мережковским она – сестра Наталья, по ВОВ. А с Натальей Лебедевой, из «Черемушкинского альянса» - она снова дочка, причем не один раз. И никогда не успевает воспитаться там, потому что маму (или папу) постоянно убивают. Оттого и характер скверный у нее, шептунной. То в пруду тонет среди зимы, то люстру головой разобьет, то шкаф с посудой на себя опрокинет. При этом во всех случаях – как с гуся вода, и ни царапинки.

31. Магдалина, кто из нас двоих – Фома?

31.1. Забились

- Она готова нас принять, - говорит Фома Андрею. – В три. Но – не более часа. Такая занятая колбаса ...

Санкт-Петербург, август 2007 года. Жара несусветная. Апостолы Андрей и Фома (*они же – царь Петр и сын его, цесаревич Алексей*) прогуливаются по Петропавловской крепости. Только что Фома отзвонился Магдалине и получил приглашение в гости.

- Туда долго ехать? – Андрей переспрашивает. – В собор успеем зайти?

- Успеем, - подтверждает Фома. – Даже с учетом всех пробок вокруг Лиговского и непосредственно на нем.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Хорошо было бы мне с ней один на один поговорить, - задумчиво Андрей произносит. – Чисто по-бабы. Больше было бы толку, я думаю.

- Не вопрос, - говорит Фома. – Подведу тебя к ней. Сидите, беседуйте о своем, о девичьем. А я тебя в кафе напротив подожду.

- Не, не в этот раз, - отказывается Андрей. – Сначала достаточно будет просто представиться. Девушка и без того напугана нашим визитом, думаю.

- Есть одна гипотеза, - говорит Фома. – Меня в этой жизни целых двадцать лет с гаком Магдалиной парили, не отпускали. И все только для того, чтобы я смог ее апостольской группе показать, обеспечить стопроцентное узнавание. И вроде бы как теперь мавр сделал свое дело, поэтому бывшего накала страстей не усматривается уже. Отпустило. Да и время.

- Ты все равно ее любишь, - констатирует Андрей. – Просто сейчас это очистилось от всех наслоений. Любишь бескорыстно, как сестру, ничего от нее не ждешь, встреч не домогаешься, признаниями не паришь, в койку не тащишь. Так и оставайся. И Марией Стюарт любил, и Магдалиной, и Симонеттой. Поэтому твоя гипотеза не канает, извини.

31.2. В поисках справедливости

- А все-таки это обидно, - говорит Фома. Они с Андреем выходят из Петропавловского собора, щурятся на нещадно палящее солнце.

- Что - обидно? – не понимает Андрей.

- Все цари как люди, - говорит Фома с горечью. – Некоторые аж по три могилы имеют. Вон как ты: Петром, Никсой и Николаем Вторым. Лежите в хорошем месте, над вами литургии читают. Вход в музей сто пятьдесят рубликов. А другие, к примеру, пусть даже царской крови, лежат невесть где похороненные, ни родины, ни флага.

- На себя намекаешь? – Андрей прищуривается, словно дедушка Ильич, друг всех октябрят.

- А и хотя бы.

- Я тебе говорила уже, - терпеливо Андрей объясняет, - ты своей смертью умер, от побоев. Не успели привести в действие указ о твоей казни. А что за стеной похоронили, - так нет ведь особой разницы, где и как лежать телу. Всех тел все одно до кучи не соберешь для поминания, стоит ли напрягаться.

- А все-таки было бы повеселее знать хотя бы место захоронения, - задумчиво Фома говорит. – Положить на бугорок, травой заросший, полевой василек. Или, скажем, бокал мартини пролить над могилкой безвинно убиенного царевича.

- Безвинно? – Ильич снова прищуривается. – А кто просил у римского кесаря войск – свалить отца родного? Ладно, поищем твою могилку. Следующий раз приеду с рамкой, потратим на это время, чтобы ты не плакал.

31.3. Не с пустыми руками

- Вина не будем покупать, - Фома рассуждает. – Жарко. Может, колбаски?

Фома и Андрей стоят перед прилавком в продовольственном магазине 24 часа на Лиговском (*теперь там раскинулся косметический салон, а магазин закрыли*).

- Нет, - Андрей возражает. – Давай возьмем соку холодного и конфет каких-нибудь веселеньких, с таким расчетом, чтобы они не потекли.

31.3. Со свиданьем!

- Здравствуйте, ребята, - говорит Магдалина. – Привет, Сашка! (*Целуется с Фомой в обе щеки*). Проходите на кухню, у меня Сонька проснулась, я сейчас.

Андрей и Фома проходят к Магдалине на кухню. Кухонька вытянута в длину, как кишка, и места в ней маловато. Однако вид из окна – классический, питерский; внутрь колодца, и далее – в просвет – на такие же дома и дворы окрест Лиговского. Дорогого стоит такой вид – для тех, кто понимает, кто на этом вырос, впитал с молоком матери.

- Ну что? - поспешно спрашивает Фома Андрея. - Она это?

- Она, - кивает Андрей. – Не сумлевайся.

Магдалина возвращается на кухню, и уже не одна, а с Сонечкой. Соня – умильный заспанный ребенок двух лет, задумчивый, рассудительный, тихий. Такова же, по мысли Фомы, и исходная София, сиречь Премудрость Божия, коими проекциями Пресвятая Богородица, помянутая Мария из Магдалы и Церковь Покрова на Нерли непосредственно обретаются.

- Меня зовут Светлана, - говорит апостол Андрей. – Саша тебе, наверное, обо мне рассказывал? Или нет? Ничего, что на «ты»?

- Просто даже отлично, что на «ты», - радостно Магдалина подтверждает. – Нет, Саша рассказывал очень мало, поэтому будет хорошо, если ты повторишь.

- Ты, - говорит Фома сурово, - верно, и дневник мой не прочла, хотя я и просил. Где-нибудь на странице 15 срубилась, и дальше пройти не смогла.

- Ты маг и волшебник, - Магдалина улыбается. – Как раз на пятнадцатой странице и застряла. Сейчас у меня такая жизненная ситуация, что могу читать только перед сном, днем совершенно нет времени. Я ведь на работу устраиваюсь, хватит сидеть дома. Нашла место инструктора в автошколе, теорию читать. И практическое вождение тоже. Ну ладно, мы прервали Свету.

- Да, - перехватывает инициативу Андрей. – Так вот, Надя. Я тебя помню, причем не в одной жизни. Наверное, Саша тебе говорил про то, что ты – Мария Магдалина?

- Да, он мне периодически звонит, - свидетельствует Магдалина, - и докладывает о ваших новых находках. Все это безумно интересно, и я потом скажу, что я думаю по этому поводу.

- По Магдалине у меня довольно много воспоминаний, - говорит Андрей. – Вижу тебя, к примеру, рядом с Крестом, во время казни. Или – во время проповеди на горе, когда ты слушаешь Христа, а Фома вот этот (*рукой указывает на Фому*) смотрит на тебя и глаз отвести не может. Любит, как и в этой жизни, такая у него карма. (*Тут Фома от неловкости*

начинает тереть лоб). Еще у меня недавно пошли воспоминания Хлодвигом, франкским королем. Вижу тебя Женевьевой Парижской, как ты уговариваешь меня принять крещение. Вместе с женой Клотильдой. Кое-что приходит и так, помимо нашего прямого взаимодействия в прошлых жизнях. Например, Венеция, где меня не было. Там мы тебя уже нашли Граторолем, рядом с Гоцци и Сакки, а до этого ты была знатной дамой – видела тебя в роскошном платье из зеленой парчи. Вот Фома переведет свои воспоминания по Гоцци с английского – может, всплывет. И, конечно, Мария Стюарт, рядом с Джоном Ноксом. Мы недавно в Инете нашли твою посмертную маску. Вылитая ты сейчас, сомнений быть не может.

- Очень интересно, - реагирует Магдалина. – Я вчера сделала винегрет очень вкусный, с грецкими орехами, хотите? Даже и не знаю, чем вас таким угостить. Я Соньку буду кормить параллельно, вы не возражаете?

31.4. Кредо Магдалины

- Особенно когда мне Саша сказал, что Магдалина была проституткой, - говорит Магдалина. – Смотрю внутрь себя – и понимаю, что такое могло быть, никакого противоречия нет. То, что ты сказала про Женевьеву – тоже нет противоречия. Я себя часто ловила на мысли, что есть во мне что-то и от монашки тоже. Здорово.

- Все это могло быть, - подтверждает Магдалина. – А могло и не быть. Остается вопрос, как ко всему этому относиться, к этой информации. Я осознаю сейчас, что за несколько последних лет я сделалась серьезно старше, сделалась мудрее. Возможно, это рождение Сони на меня так повлияло. Многие оценки сдвинулись. Я, например, принципиально иначе стала относиться к своему настоящему. С большим доверием, что ли. Я начала понимать, что настоящее важнее прошлого и важнее будущего. Все, что необходимо для жизни, для обучения, для роста – мы получаем из настоящего. Все предпосылки, все уроки, все ситуации – в настоящем. Обустроивая себя в настоящем, мы косвенно влияем и на будущее. И в этом смысле нам нет резона особенно заморачиваться над этим самым будущим. Как в Мастере с Маргаритой: сами все дадут и сами все предложат. – Тут она смеется.

- А ценность прошлого в этом смысле вообще никакая, - продолжает Магдалина. – Ну, предположим, была я Магдалиной. Ну и что с того? Тогда это было мое настоящее. У меня была жизнь Магдалиной; так или иначе я как-то жила, выполняла задачи и извлекала уроки, с тем или иным успехом. Потом мне давали еще какие-то жизни, и это тоже мое прошлое. Все, что у меня есть здесь и сейчас – это моя текущая жизнь, которая мне дана, спасибо Господи. Я живу, как умею, и научилась быть собой довольной. Заметьте, я ничего не отрицаю, я все готова признать. Что есть прошлые жизни, что мы встречались в Иудее 2000 лет назад, учились у Христа и так далее. Мне идея многих жизней весьма близка, она мне кажется правдоподобной. Но я из этой идеи делаю совершенно другие выводы, чем Саша или ты, Светлана. Саша – человек увлекающийся, одержимый, я его знаю двадцать с лишним лет. Когда он во что-то верит, чем-то заводится, он ради этой веры готов горы свернуть. Этот его выбор и настрой я уважаю. Но у Саши своя жизнь, а у меня – своя. Там, где Саша ворочает горы, я просто готова принимать к сведению те или иные факты, и на этом все. Дальше праздного любопытства моя вера не простирается. И уж давно, я не готова участвовать в каких-то там акциях. Саша мне рассказывал про Шествие, где все апостолы ходят парами. Могу сказать сразу: ни на какое подобное действие я не пойду.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Плохо, что ты не понимаешь, - говорит Фома. – Мы пришли в Россию, пришли все вместе. Уже из одного этого обстоятельства следует, что мы должны действовать сообща, в рамках предполагаемой миссии. Вот почему, собственно, мы тебя и потревожили своим визитом.

- Ничего такого не следует, - поправляет Фому Магдалина. – Не исключаю, что мы закономерно встречаемся. Но у каждого остается свобода выбора – поступать так или иначе. Из того, что мы здесь все собрались, вовсе не следует, что нам срочно следует, задрав штаны, бежать за очередным комсомолом. Просто так совпали вектора. Я смотрю на свое настоящее и вижу в нем массу поводов вести себя так или иначе. Ваше сообщение таким поводом не является. Оно меня не интригует, не заводит. Поэтому – имеет лишь косвенное, справочное отношение к моей жизни и к моей судьбе. По крайней мере, на данный момент.

- Нам пора, - говорит Фома. Он зол, но вида не подает. – Мы засиделись. И ты, Надя, тоже, боюсь, засиделась в своих усадьбах. В своем карманном мире.

- Извини, Саша, - Магдалина говорит. – Извини, что в очередной раз не ответила твоим ожиданиям.

31.5. Постфактум

Андрей и Фома неспешно шагают по Лиговскому проспекту. У Андрея оторвался каблук на босоножке, поэтому в ближайшем шопе покупаются тапочки. Духотища, приходится отпиваться холодным чаем «Липтон» по дороге.

- Ничего другого я и не ждал, - говорит Фома. – Такое впечатление, что Фома – она, а не я.

- Ты обиделся на нее, - говорит Андрей. – Зря. Не надо клевать ей мозг. Она дозреет до наших задач, просто ей нужно время свыкнуться с новыми фактами. Пока она эти факты еще не пустила в свою жизнь. До Шестивия – десять лет, время пока есть.

- Согласись, мы имеем глупый вид, - говорит Фома. – Суемся к людям со своей правдой. Они – либо не верят, либо не готовы принять. А мы бьемся, как рыбы об лед, об их умственную лень. Как там в «Сталкере»: «у них же орган, которым верят, атрофировался» ...

32. Пенталгин контактирует с отделом «Р»

- Алло, Владислав? – сказала трубка.

- Да, - отвечал Владислав Гольдштейн, по прозвищу «Пенталгин», он же майор 15-го управления ФСБ, по совместительству – лагерный баландер.

- Меня зовут Иван Лиховцев, - сказала трубка, - я ведущий специалист известного Вам подразделения «Р». Мы получили Ваш запрос и готовы встречаться. Причем, чем скорее, тем лучше, и, желательно, у нас. Я бы и сам мог подъехать к Вам в офис на Бронной, но надо будет посмотреть кое-какие материалы, а они с грифом, и выносить их нельзя.

- Я буду в Конторе через два часа, - сказал Владислав. – Так нормально?

- Мы Вас ждем, - сказала трубка.

Через два часа Владислав Гольдштейн спустился на минус второй этаж здания на Лубянской площади. Охранник на входе в подразделение «Р» внимательно изучил удостоверение майора Воротилова, затем набрал внутренний номер: «Иван Михайлович, к Вам Воротилов из 15-го управления». - «Пропусти, Ваня». - «В сто пятнадцатый проходите».

Воротилов вошел в кабинет 115. За столом, спиной к Воротилову, сидел маленький невзрачный человечек Иван Лиховцев, уставившись в монитор.

- Приветствую, Владислав, - сказал Лиховцев, не оборачиваясь. – Я буду Вас называть по внешнему псевдониму, не возражаете? Лиховцев Иван. Подсаживайтесь, сейчас кино будем смотреть.

- Что называется, на ловца и зверь, - сказал Лиховцев. – Вы нам неделю назад прислали запрос на связь группы «12» и «Черемушкинского альянса». А две недели назад нам передали в разработку и сам «Черемушкинский альянс», из двенадцатого управления, которое организованной преступностью занимается. Вот после этого фильма, его нам по почте прислали. У Вас нервы крепкие?

- Крепкие, - сказал Гольдштейн. – Насмотрелся.

- Ну и ладушки, - сказал Лиховцев. – Тогда включаю.

Фильм в стилевом отношении точно копировал лучшие образцы чеченских кинолент с требованием выкупа. Перед белой стеной, пристегнутый наручниками к стулу, сидел человек. Над ним, опершись на стул, склонился другой человек, в омовской шапке-невидимке с прорезями для глаз.

- Ну давай, Федор, - сказал человек в шапке-невидимке, - рассказывай, как ты дошел до жизни такой. – Голос говорящего был искажен до неузнаваемости специализированным голосовым конвертором.

- Меня зовут Николай Прокопенко, - начал мерно, безинтонационно рассказывать человек, пристегнутый к стулу. – Я являюсь внештатным сотрудником 12-го управления ФСБ, завербован капитаном Поздняковым Виктором Геннадьевичем, на криминале. – При этом было видно, что человек не в себе. На первый взгляд могло показаться, что Николая Прокопенко безбожно наспиговали транквиликами. Но последующее рассмотрение говорило, что это, скорее, гипноз. – В «Альянс» был внедрен с биографией Федора Колобродова, переводом из смежной бригады. Там под Зверей ходил, вместе с ним и перешел в «Альянс», когда его бригаду менты нахлобучили.

- Какие ставились задачи? – спросил человек в шапке-невидимке. Лица его, разумеется, было не видать, но по тону беседы создавалось такое впечатление, что спрашивающего весьма забавляет все происходящее, будто бы он с трудом сдерживает свой смех.

- Сбор данных, - отвечал Николай Прокопенко. – Персональное пристальное внимание: Вячеслав Кожухов, он же «Колдун», Наталья Лебедева, она же «Мамочка», и Андрей Копылов, он же «Зверя».

- Сколько отчетов отправил в Контору? – спросил человек-невидимка.

- Два, - отвечал Николай Прокопенко.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Негусто, - сказал человек-невидимка. – Жаль ведь из-за такой херни подыхать. Слушай, Коля, - продолжал он через паузу. – Ровно через минуту ты умрешь. Но не бойся, на этом твоя жизнь не кончится, увидишь. Сосредоточься, закрой глаза. Вспомни самое хорошее, что у тебя было в жизни. Маму, папу. Всем, на кого держишь зло, прости. Так тебе же лучше дальше проходить, я знаю, ты уж мне поверь. Попрощайся с землей. Будет больно какое-то время, придется потерпеть. Минута пошла.

Пока шла минута, человек-невидимка неподвижно стоял над Николаем Прокопенко. Тот сидел с закрытыми глазами. На лбу у него выступил пот, скулы играли.

- Все, - наконец сказал человек-невидимка. – Готов?

- Готов, - сказал Николай Прокопенко хрипло.

- Прощай, - сказал человек-невидимка. – Ом ахасет харэп сата. **Спонтанный лекарственный узел.**

В этот момент с Николаем Прокопенко стало что-то происходить. Он широко открыл глаза. Затем начал кричать, упал вместе со стулом на пол. Кричал он долго, нечеловечески. На губах у него запузырилась розовая пена, из носа пошла ручьем кровь.

- Я звук пока отключу, - сказал Иван Лиховцев. – Вот, пожалуйста, технология «Восход» в действии. Я ее разрабатывал, поэтому знаю. Активизация закладки в чистом виде. Значит, не у нас одних есть подобная машина. Но дальше – самое интересное, смотрите.

Через долгие пять-семь минут Николай Прокопенко перестал кричать и затих. Человек-невидимка поднял его вместе со стулом. Рукой он прижал тело Прокопенко к спинке стула, чтоб тот не падал.

- Коля, - сказал он вдруг, - проснись на минуточку.

Умерший окровавленный Коля открыл глаза, точно открывает глаза кукла-неваляшка, когда ее ставят вертикально. Взгляд у Коли был никакой – мертвый, неподвижный.

- Что видишь сейчас? – спросил человек-невидимка.

- Я лечу, - сказал Коля, еле шевеля губами. – Тоннель, шум, яркий свет. Вижу отца, он летит ко мне. Папа!

- Ладно, - сказал человек-невидимка, - не буду вам мешать. Спи.

Николай Прокопенко закрыл глаза. Человек-невидимка толкнул мертвеца вместе со стулом, и все это упало на бетонный пол (*сессия, по всей видимости, проходила в гараже*). Затем человек-невидимка повернулся в камеру.

- Ребята, - сказал он отчетливо, - не присылайте нам больше «кротов». Вы не умеете их готовить. Фактически, вы обрекаете людей на верную смерть. Задумайтесь над этим.

Фильм закончился. Гольдштейн сидел, переваривая случившееся.

- Тут не только технология «Восход», - сказал он наконец. – Тут мистика какая-то.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Вот именно, - подтвердил Иван Лиховцев. – Вот почему это дело нам из двенадцатого управления и передали. Они просто развели руками беспомощно, и все. А тут еще Вы со своими апостолами. И получается, что теперь наш отдел должен заниматься этим прекрасным раскладом «апостолы плюс альянс», два в одном. Очень легко свернуть себе шею на этой задаче, сразу говорю. Будем ставить Вас в курс того, как идет разработка. Или возьмем Вас в свою следственную бригаду, так точнее, на парт-тайм. С Сидором Ильичом мое руководство этот вопрос согласует в ближайшие день-два, если Вы не против такого сценария сотрудничества.

- Я не против, - сказал Гольдштейн машинально, все еще под впечатлением от увиденного.

- Мы еще внимательно посмотрели архив Драговича, что Вы нам сбросили, - продолжал Лиховцев. – И по его наводке залезли в архив НКВД, по делам, связанным с Отечественной войной. Оказывается, Драгович уже делал туда запрос. И вот какие материалы он смотрел, я запросил на вынос.

- Что здесь? – спросил Гольдштейн.

- Агентурное дело на одну разведгруппу, - пояснил Лиховцев. – Двое ребят и девушка, были заброшены в немецкий тыл в 1943 году, связь была потеряна в 1944 году. Вероятно, расстреляны. Сверьтесь с тем, что собрал Драгович в свой архив, и сделайте свои выводы. Отдаю вам эту папку на пару дней, потом вернете. Это будет Вам первое задание от меня, в рамках следственной бригады, которую я возглавляю.

- Это как-то связано с темой реинкарнаций? – спросил Гольдштейн.

- Напрямую, - отвечал Лиховцев. – Как и то кино, что Вы только что посмотрели. Работы Реймонда Моуди, Роберта Монро и все такое. Доводилось читать?

- Нет, - обнаружил Гольдштейн свое невежество.

- Значит, и эти книжки тоже посмотрите в кратчайшие сроки, - сказал Лиховцев. – Перечень я Вам по электронной почте сброшу, а заодно и соответствующие копии книг в Ворде. Надо быстро входить в тему. И свыкаться с мыслью, что загробная жизнь – существует. Как и реинкарнации.

- Николай Иванович был на этот счет иного мнения, - сказал задумчиво Гольдштейн.

- Николай Иванович лежит в сырой земле, и ему все равно, - сказал Лиховцев. – Кстати, ему делали вскрытие?

- Нет, насколько я знаю, - сказал Гольдштейн. – Но я перепроверю.

- Да, - сказал Лиховцев. – Если есть заключение патологоанатома, снимите копию. Мне тут одна шальная мысль пришла в голову. Если смерть Николая Ивановича как-то связана с технологией «Восход», то врач при вскрытии черепа должен был обнаружить множественные кровоизлияния в мозгу и паталогически расширенные сосуды. Это в том случае, если ему поставили закладку, а потом кто-то ее активировал. Тот же Драгович, они ведь встречались.

33.Отрывок из дневника Фомы. Много Шумана из ничего

Роберт Александр Шуман – так себе композитор. Когда-то я был композитором Шуманом, поэтому я знаю. И нет смысла рассказывать об этом подробно, дам всего несколько комментариев.

Чтобы осознать в полной мере, как сложилась жизнь у композитора Шумана, можно послушать второй концерт для фортепьяно с оркестром композитора Рахманинова. Незадолго до своей смерти композитор Шуман написал реквием, ревностно подражая композитору Моцарту на этом поприще. Но реквием получился убогий, рыхлый (*виртуальные похороны не задались*). Поэтому можно считать, что настоящий, всамделишный реквием по Шуману написал Рахманинов, хотя бы он сам и удивился такому предположению. Рахманинов был романтиком, как и Шуман. А романтик романтику глаз не выключет. И Рахманинов, и Шуман были сентиментальны, оба мучались депрессиями; так что сходство меж ними - явное и разительное.

Первая часть второго концерта Рахманинова, исполняемая Вэном Клайберном (*лауреатом конкурса имени Чайковского и большим другом нашей страны*), называется *moderato*. Ревет бурное море, и в этом море носится, хватая соленую воду бортами, утлый челн. Иной раз кажется, что надежды выжить уже никакой. Но, вот, на мгновение стихает буря, позволяя вымотанным и отчаявшимся гребцам перевести дух. Однажды из-за хмурых туч даже выглядывает нежданное солнышко. Но это лишь пауза, и вослед буря возобновляется с прежней силой. Таков лейтмотив первой части второго концерта. В итоге, буря побеждает челн, и он тонет. Причем все это происходит очень гламурно, как на картине Айвазовского.

Что же до частей 2 и 3 (*adagio sostenuto u allegro scherzando*), то любой меломан вам подтвердит, что обе эти части не имеют никакого отношения к части первой. Первая часть концерта (*moderato*) превосходно бытует как самостоятельное произведение – и никаких явных корреспонденций с остальными двумя частями в структуре концерта не имеет. Так же можно говорить и о судьбе Шумана. Шуман творил, любил, страдал, сходил с ума, умирал в психиатрической лечебнице. Завершалась первая часть, начиналась вторая – разбор полетов в Мире Душ. Затем, когда все прожитое делалось ясным, Шуман переставал быть Шуманом – и приступал к подготовке нового воплощения, на базисе того, что смог понять в истекшей жизни и во множестве жизней прежних, что узнал о себе в Зале Совета. Так совершалась третья часть этого концерта, что пыталась странным образом усвоить результаты первой и второй частей. Усвоила ли она эти части? Вопрос; и отвечать на этот вопрос пришлось уже писателю О.Генри. Впрочем, я об этом еще расскажу.

Итак, Шуман был романтиком. Как и Гофман, несказанно им обожаемый. Как и Генрих фон Клейст, застреливший свою безнадежно больную возлюбленную Генриэтту Фогель из пистолета, а затем и себя. Как и молодой Вертер, задумка вполне остепенившегося под старость Гете. Как и поэт Новалис, не доживший и до двадцати лет. Стихии идеального мира захлестывали этих романтически настроенных персонажей, они над ними довели. Шуман, записывая свой «Карнавал», пленясь перипетиями венецианского шабаша, лишь пунктирно, озарительно, мог догадываться, что причастен этим коллизиям в качестве Карло Гоцци - как их соавтор, как соучастник заговора масок. Гоцци, конечно же, был романтиком. Повседневная жизнь корбила этого сказочника, он всеми силами пытался ее задвинуть на задворки. Шуман был в тех же мыслях.

Всякий романтик, оскорбленный несовершенством окружающего его мира, ищет главную причину такого несовершенства в филистерах, в дремотных буржуа, что любые высокие чаянья продвинутых людей готовы высмеять или же опоганить, взяв их себе на утилитарную

потребу. Шуман не захотел прогибаться под действующую реальность, созданную для обслуживания мещан. Он возжелал создать реальность альтернативную – реальность своих творений, и использовать ее как убежище или как оружие. Получилось ли у него? Никак.

Любой композитор знает: музыка – высочайшая из стихий рукотворной действительности. Музыка может баюкать, возбуждать, расстраивать, бодрить, погружать в меланхолию, в гнев, заставляет почувствовать себя окрыленным, жалким, бессмертным. Неверно составленные тональности, по убеждению китайцев, способствуют разрушению империй. Композитор, заключая контракт с Эгрегором Музыки, обязуется регулярно поставлять на этот алтарь разнокачественный материал, под влиянием тех инвольтаций, что помянутый музыкальный эгрегор соизволит композитору навеять. Но, присягнув подобным образом, композитор перестает замечать, что музыка, как продукт этого союза, начинает жить самостоятельной жизнью, много более реальной, чем жизнь ее собственного создателя. Заполняя все существо композитора, музыка становится некоей кислотой, в которой сей композитор тонет, растворяется, где он теряет свое лицо, свое «я». Композитор попадает в зависимость от своих произведений, становится их придаточной частью. И все, что в этом мире уже не есть музыка, что не входит в границы этого царства - воспринимается композитором также в терминах самой музыки, преимущественно – как атональность, как диссонанс, как нарочитая аффектация при исполнении, как фортиссимо взамен предписанного форте, как фальшь.

Шуман готовит себя в виртуозы. Дабы расширить себе расстояние между пальцами левой руки, прибегает к помощи специальной машинки. В итоге – ломает палец и к беглой игре на клавишных становится неспособен в принципе. Если бы палец не сломал – свихнулся бы лет на десять раньше, факт. От избытка способностей и сопряженной с этим гордыни.

Но Бог дает Шуману Клару. Клару Вик. Виртуозную пианистку Клару, как свершение замыслов Шумана в области беглой игры, как любимую музыкальную фразу, как продолжение его, Шумана, души, как идеальную возлюбленную. Клара беззаветно влюбляется в Роберта, они счастливы. Папаша Вик, известный педагог по классу рояля, сначала идет против, а потом смиряется. У Роберта и Клары рождается восемь (!) детей. Клара изображена на купюре в 100 евро. Сегодня она – актриса одного из московских театров, играет **саму себя** (!) в постановке Питера Штайна. Собственно, так мы ее и опознали. И еще потому, что я всю дорогу западал на эту дамочку, нравилась она мне очень. Недавно снялась для «Плейбоя». Красивая, голая, бесстыжая. И тело у нее в этот раз – много лучше, чем пару жизней назад. Зато глубокий некогда внутренний мир – ныне заведомо скукошился, а это жаль. Не телом единым жив человек.

Музыка всецело ангажирует композитора Шумана, становится его естеством. Тем болезненнее сигналы, доносящиеся с той стороны. О том, что дети постоянно болеют. О том, что Клара выбивается из сил, давая по сто концертов в год, ради насущного хлеба. Она не жалуется, но я все вижу. Поэтому иду капельмейстером в дюссельдорфскую капеллу – подгонять этих тупиц смычком, как кучер подстегивает ленивую кобылу. И главный сигнал: я хреновый композитор. Или, как вариант: моя музыка не нужна этому миру. Мир и музыка – вещи несовместные, они отрицают друг друга. Творчество и повседневная жизнь – вещи несовместные, одно запинается о другое. Гармония – химера. В общем, как сказала потом гессевская Гермина: «Кто ищет вместо пиликанья настоящей музыки, тому этот мир – не родина».

И я чувствую, что разъезжаю по швам. Заболеваю, и нету сил носить эти вериги. Что у Клары было с этим Брамсом – собака след не берет. Он много помогал нашей семье, пока я вылеживался в клиниках. Но я кожей чувствовал: что-то готовится, что-то совершается в сердце Брамса, и какой-то ответ зреет в сердце Клары – на невысказанное еще брамсово

чувство, на саму мысль о том, что этот парень может войти в ее жизнь, прийти на смену мне, умирающему, занять мое место. И этот ответ может быть убийственным – для меня же. Итог вериг, итог мучений – неудавшаяся попытка утонуть, прыжок с моста, рыбаки меня вылавливают, возвращают к жизни. Кто их просил?

Последние мгновения, еще в сознании. Больница. Только что корчился в конвульсиях, задыхаясь, и уже практически не могу говорить. Одного прошу у Бога – скорейшей смерти, права начать с затакта – или, вернее, с той цифры, где я оступился, где я позволил себя увлечь, потерпел поражение. Клара стоит на коленях и плачет. Она молчаливо просит прощения у меня – за то, что еще не совершила, за самую возможность оставаться в живых – без меня. Она ужасается – и она уповает на то, что скоро все закончится, что прекратится этот кошмар. Но сердце ее разбито. То, что начиналось как идиллия, завершается как античная трагедия, у которой ампутировали всю литературу и оставили только ужас и мрак.

И вот – долгожданная смерть моя, свет, переход, бессмертие, любовь, участие. Звучит музыка, много лучшая той, что написал я когда-то, Шуманом. Я смог бы это сочинить, если бы был Богом – или Ангелом. В этой музыке – безусловная любовь, сострадание, мир, покой. Этой музыки мне недоставало в жизни, я искал ее в горах, я подслушивал ее в долинах, один на один с тишиной раннего утра, с трелью жаворонка, с тихим разговорцем косарей в открытом поле, со скрипом экипажа на пыльной дороге (*Штраус в «Большом вальсе» показал всему миру, как это делается у нас, у композиторов*). Но больше, чем эту бессмертную музыку, я весь свой век слушал и записывал лишь свое собственное дребезжание, собственное неустройство. С этим и остался в истории.

Романтизм – это клеймо, это диагноз. Нужно было несколько жизней переболеть этой скарлатиной, чтобы научиться оставаться в ладах с жизнью и с собой самим, научиться любить и принимать все это – притом не отказываясь от высоких задач и от идеальных целей. Просто – научиться держать баланс высокого и низкого, горнего и дольного. Как-то это связано с добродетелями терпения и смирения... С пониманием, что мир учится и растет, как и мы вместе с ним.

В этой жизни у меня от Шумана остался абсолютный слух, умение с ходу подбирать любую мелодию на пианино и на гитаре. И – неуклонное желание дирижерообразно размахивать руками под второй концерт Рахманинова (*с раннего детства, еще под радиолу «Аккорд»*). Недавно сочинил вальс. Хотя из музыкальной школы с четвертого класса вытурили меня – за неуспешность.

34. Отрывок из дневника Фомы. Ох, Генри ...

Царь Соломон, как известно, очень любил женщин. Поэтому в одной из инкарнаций ему пришлось провести все свое детство в частной школе для девочек в городе Гринсборо, штат Северная Каролина. Тогда его звали Уильям Сидни Портер. Уже потом я навесил себе бирку О.Генри, а публика подхватила.

Это карма. Ты прощаешься с любимыми на рассвете, даришь им колечко от царских щедрот – за волшебно проведенную ночь. Но им этого оказывается мало. Женщины, которых я любил – недовольные краткостью свидания с царем (*700 жен, 300 наложниц – нагрузка нешутейная*), оскорбленные дефицитом оказанного внимания, – они из жизни в жизнь настигают меня, одна за одной. Садятся напротив в кресло, наклоняют голову набок – и, глядя на меня искоса (*как «милая» из песни Соловьева-Седого*), умильно вопрошают: «А поговорить?»

Мама умерла от туберкулеза, когда мне было три года, я ее не помнил. Папаня мой (*известный в Гринсборо врач-терапевт*) сдал меня на руки бабке Рут, а та – моей родной тетке Лине, своей дочери. У тетки Лины был пансион для девиц. И она меня туда пристроила. А, чтобы не заморачиваться по поводу инспекторских проверок, она меня наряжала в девчоночье платье - и так сажала в класс на уроки. Поначалу девочки хихикали, подшучивали надо мной, а потом привыкли. Только я не привык. Переживал, позорясь. Но выхода не было. Как занятия заканчивались – передевался в свое, конечно. Вот у меня была жизнь – жизнь никому не нужного сироты, приживала из милости по чужим углам.

За партой со мной сидела Сара. Сара Линсди Коллман, если в полноте. Отец ее работал на железной дороге кондуктором, а мать сидела дома. Смуглая, черноволосая Сара. Интересная такая, с отменным чувством юмора. Подтрунивала надо мной, но у нее это выходило как-то безобидно. В общем, мы дружили. Постоянно давал ей списывать математику, потому что у нее в этом плане дело было дрянь. Потом – влюбился, как водится. В старших классах. Сара, вроде, не возражала. Позволяла за собой ухаживать.

Однажды летом мы пошли гулять в парк после школы. Парков в Гринсборо хоть отбавляй, зеленая зона вокруг города. Мы болтаем.

- Как там твои яды? – Сара спрашивает. – Всех крыс переморил в округе? – Это она меня, типа, прикалывает. У меня дядя Джо – фармацевт, так он меня учит готовить лекарства и отравы. (*Очень, кстати, пригодилось мне это умение, когда в тюрьме сидел*).

- Грызуны – это вчерашний день, - говорю. – Я уже наострился порошки мешать. И микстуры. От кашля и все такое.

- Респект по полной, - Сара Линсди уважительно произносит. – Когда состарюсь – буду тебя вызывать по «скорой» с порошками, чтоб ты меня от мигрени спасал. Или от ревматизма.

- А зачем старости ждать? – спрашиваю. – Я бы тебя и сейчас спасал, если б ты только захотела.

Так, незаметно, мы забредаем в укромный уголок парка, где мало кто ходит и днем, а вечером и вообще ни души не бывает. Тишина; птички, разомлевшие от жары, чирикают через раз. Мы сходим с тропинки, находим укромную солнечную полянку, что облюбовали еще в прошлые наши гуляния. Сара достает из портфеля завернутые в салфетку бутерброды с колбасой и сыром. Мы ужинаем (*занятия в пансионе тетки Лин заканчиваются в пять вечера*). Сейчас дожужим, потом я возьму ее за руку, пристроюсь к ней поближе, и мы будем целоваться, в том числе в засос. Такое уже было с нами, и не один раз; как бы любовь, но понарошку, этакий пасторальный вариант. Но сегодня что-то поменялось. Я хочу пойти дальше, я хочу Сару целиком, и об этом явственно свидетельствует несусветное жжение у меня в паху. Мне нужна Сара, мне нужна разрядка от этого зуда. Природа гонит меня вперед, и в эту пору моя голова уже отказывается служить.

Я целую Сару – и одновременно расстегиваю ей пуговицы на белой блузке. Это новый элемент программы, такого еще с нами не было. Засовываю руку ей под блузку, нащупываю маленькую грудь. Потом перебираюсь под юбку. Сара позволяет мне себя гладить там, она громко и учащенно дышит. Вдруг она открывает глаза и резко высвобождается от моих рук и от моих губ.

- Билли, - говорит она с перекошенным от ужаса и стыда лицом, - я боюсь. Я хочу того же, что и ты, но мне страшно. И мне стыдно. Что скажет мама Пэт, что скажет твоя тетка Лин, если они узнают!

Тут я начинаю что-то страстно, с придыханием, бормотать Саре о том, что я ее люблю и никогда не брошу, что никто ничего не узнает, что когда-нибудь мы поженимся, и чтобы она перестала бояться и стыдиться, потому что нам будет хорошо и волшебным, и все в таком духе. Максимум задора при минимуме логики. Наконец, Сара склоняется перед моими доводами. Мы делаем это быстро и неуклюже, как и всегда это делают люди в свой первый раз. Сначала Саре очень больно, и она уже готова закричать, но потом мы как-то приноравливаемся. Несколько судорожных качаний, вхлипов и стонов, – и готово дело. Я кончил. А она, разумеется, нет.

Потом мы лежим на спине, не глядя друг на друга, и свыкаемся со своим новым статусом. Также – отчужденно и молчаливо – мы возвращаемся в свои дома. У нас перед глазами – картины из книги Бытия: дерево, яблоко, изгнание пращуров из рая и все в таком духе. Нам психологически тяжело; мы не были готовы к такому повороту колеса судьбы. Детями мы были – детьми и остались.

В школе мы ведем себя по-прежнему, как ни в чем не бывало, маскируемся. Но нашим традиционным прогулкам в парк пришел конец. Я периодически зову туда Сару, мне позарез нужно повторить свой первый мужской опыт, закрепить в этом статусе. Но Сара наотрез отказывается. Максимум, что она позволяет мне – это проводить себя до дому после пансиона. Я вне себя от букета чувств, меня переполняющих. Тут и вожделие, и ревность, и обида - все, что угодно, кроме любви, понимания и сопереживания. Очень благородные чувства во мне роятся, ничего не скажешь; но других-то все равно нет... Каждый день, по дороге из школы, я спрашиваю Сару, любит ли она меня – и не получаю вразумительного ответа. Взамен – уклончивые слова о том, что она очень хорошо ко мне относится, и что я ее закадычный друг.

Так проходит где-то месяц после памятной прогулки в парке. И тут Сара сама предлагает мне проветриться. Наконец-то, думаю, срастается тема! Радость несусветная. Но облом – не за горами.

- У нас проблемы, - начинает Сара с места в карьер, только мы выходим на заветную тропинку в парке на окраине Гринсборо, штат Северная Каролина. – Должны быть по плану месячные у меня, а их нет. А вчера меня тошнило, и тянет на соленое. Я беременна, Билли, нашим ребенком! Ты сказал, что ты готов меня спасти. Давай, уже можешь совершать свое спасение, аптекарь!

В последнее «аптекарь» она вкладывает все свое отчаянье и все свое презрение ко мне – к человеку, который не защитил ее как раз тогда, когда это было остро необходимо. Но я и без того совершенно раздавлен свалившимися мне на голову новостями.

- Надо подумать, - лепечу я. – Мы обязательно найдем выход. Только не нервничай, ради Христа, тебе сейчас нельзя.

Мы возвращаемся домой, несчастные и убитые. Проходят еще сутки (*в непрерывных и бесплодных раздумьях о том, как жить дальше*), и тетушка Лина вызывает меня в свой директорский кабинет на перемене. Я сижу перед ней, девушка девушкой, в чепце и в оборках. Паскудство полное.

- У меня только что была Пэт Коллман, - говорит Лин. - Она в истерике. Под большим секретом сказала мне, что ее старшая дочь Сара – на сносях. Пэт на нее крепко наслеза, и та созналась. Но Сара категорически не желает говорить, от кого ребенок. Пэт грешит на тебя. А ты сам что думаешь? – И тут она вперивается в меня очковым взором своим, точно проголодавшийся удав. Однажды в Гринсборо приезжал бродячий зоопарк, так там был в точности такой же.

- Тетя Лин, - говорю я на голубом глазу, - ты погляди на меня. *(Кокетливо поправляю чепец)* Ну какой из меня ухажер? Мы с Сарой – вроде как подружки. Ей со мной весело, она все время надо мной подшучивает. А чтоб что серьезное – так у Сары, поди, и без меня кавалеров найдется не счесть, она интересная. На танцульках стеночку подпирать не будет.

- Да и верно, - тетя Лина соглашается. – Сара – девушка с норовом, а ты – полная тюхматюха. Скорее уж она тебя завалит, а не наоборот. Нестыковочка. Я так Пэт и сказала. Она поворчала-поворчала, но, вроде, с моими доводами согласилась. Да, скандал. Что-то надо делать. Сару я, конечно, отчислю. Но с мягкой формулировкой – по болезни, ради Пэт. А чтобы слухов не плодить по городу – тебе тоже придется на время пансион покинуть, мой дружок. Я сегодня же напишу своему старому приятелю Дику Холлу в Техас. У него свое ранчо неподалеку от Остина. Под предлогом того, что и тебе надо подлечиться. А то бедняжка Мэри – упокой Господи ее душу! – умерла совсем молодая от этой чахотки, и не приведи Бог и тебе заболеть. Наследственность – упрямая вещь.

- Спасибо тебе, тетя Лин, за твою заботу, - говорю. А в душе понимаю, что тетушка тем самым убивает двух зайцев. И пансион спасает от скандала, и меня сбывает с рук. Да и, впрочем, не засиделся ли я здесь, в Гринсборо?

Теперь – Сара, о ней надо подумать.

Я направляюсь к своему отцу, известному в городе терапевту Алджерсону Поттеру.

- Папа, - говорю я ему, - у нас в пансионе трабл: Сара Коллман беременна!

- Да, мне Лина уже нашептала, - говорит мой терапевт-отец. – Бедняжка, кто ж это ее так обрюхатил.

- Я обрюхатил, - говорю. – Тебе сознаюсь в этом, потому что все равно уезжаю отсюда в Техас, и, похоже, навсегда. Детство мое закончилось. Но я не могу оставить Сару в таком положении. Надо что-то делать. Ты врач, у тебя богатая клиническая практика, ты должен нам помочь. Помогите нам, папа. Не так уж часто я у тебя что-то прошу, ты знаешь.

Папа Алджерсон озадаченно чешет в затылке.

- Какой срок беременности? – спрашивает он меня наконец.

- Месяц с четвертью, - отвечаю.

- Есть еще время, - говорит отец. – Хорошо. Я поговорю с дядей Джо, он смешает порошок, рецепт у меня есть. Снадобье провоцирует выкидыши на ранних сроках. Но я тебе должен сказать одну вещь. Это все равно будет убийство. Должна быть полная тайна. Потому что коли прознают местные святоши, типа преподобного старикана Филби – нам придется плохо. К тому же, Сара несовершеннолетняя. Это соращение и изнасилование. А ты знаешь законы штата, сынок, - попахивает петлей. Поэтому на тебе – полная ответственность и полное

молчание. Нас с дядей Джо ни при каких раскладах ты припутать не должен, пусть тебя даже жарят. И на тебе – плата за грех, осознай это. Ты задрал девчонке юбку, и ты не предохранился. А с нее спроса нет. И однажды ты заплатишь по этим счетам, помяни мое слово.

- Я все принимаю, отец, - говорю. – Но, если мы не избавимся от приплода, то этим я убью Сару. Я брошу ее на произвол судьбы с нежеланным ребенком в подоле, обещаю тебе тем самым, и тогда жизнь ее покатится под откос. Поэтому я свой выбор сделал.

На следующее утро я подкарауливаю Сару у ее дома, перед пансионом.

- Давай-ка отойдем, - говорю.

Мы прячемся за изгородь. Я озираюсь, не видит ли кто. Достаяю из кармана пачку порошков, перетянутых резинкой. Сую ей в руки.

- Вот это начинай пить прямо сейчас, - говорю ей, - по три порошка в день, пять дней подряд, водой запивая. На пятый день у тебя должно сильно потянуть живот. Будет больно, мне сказали, придется потерпеть. К этому времени подыщи себе укромное местечко, лучше всего за городом, в лесу. Если меня не спровадят в Техас до этого времени, – я буду с тобой. Захвати с собой в лес побольше ваты и марлевых салфеток. Крови должно выйти много, где-то час будет кровить сильно, а потом пойдет как обычные месячные. И это будет первый день цикла.

Сара оторопело смотрит на меня.

- Откуда у тебя эти порошки? - спрашивает Сара наконец, отходя от оторопи своей. – И почему Техас? Ты что же, уезжаешь? А как же я?

- По порядку, чтоб не сбиться, - говорю. - Первое. Ты меня на прошлом свидании аптекарем обругала. Это правда, я аптекарь, как мой отец и мой дядя. А аптекари всего мира должны помогать друг другу. Ясно? Это раз. Второе. Ты призналась матери, мать призналась тетке Лин. Лин не хочет скандала, поэтому спрашивает меня в Техас, это уже решено. На год или два – я не знаю. Как только я обустроюсь на новом месте, и у меня появится работа и крыша над головой – я тебя вызову. Но не раньше. Не плачь, я люблю тебя. Мы обязательно будем вместе, вот увидишь.

Через пять дней я был вместе с Сарой в лесу, как и обещал. Саре было плохо, из нее выходил наш ребенок, вместе с темной кровью. Она корчилась на покрывале, скрипела зубами, с испариной на лбу, я примостился рядом и держал ее за руку, то и дело утирая пот с ее лица. Когда все кончилось, мы кое-как доплелись до ее дома. Довел ее – и на реку, отстирывать кровь с покрывала. Смотрю, – а правое запястье у меня все синее. Это Сара вцепилась в него мертвой хваткой, когда ее коряжило.

После этой истории Сара неделю отлеживалась и никуда не выходила. А еще через неделю я уехал в Техас. Попрошаться нам не дали. Тетка Лина и матушка Пэт позаботились об этом.

Дальше в дело вступают официальные биографы. Где-то год крутил хвосты лошадям на ранчо (*хлебнул там от фермеров насмешек – прознали про пансион*), потом работа в картографическом обществе (*в котором председателем мой будущий тесть мистер Роуч*), первые пробные фельетоны в журнал с символическим названием «Rolling Stone», встреча с будущей женой Эсл на городском балу (*приемная дочка Роуча*). Венчание по залету

(традиционная схема во все века). Роуч сначала меня и знать не хотел, но потом, как пошли у меня дела, мы помирились. Первые признаки богатства, известность, первые рассказы на продажу. Работа главным кассиром в Первом национальном банке – с подачи Роуча. Наш с Эсл первенец умирает, не прожив и двух дней. На похоронах сына я вспоминаю предупреждение собственного отца. Вот она, плата. Но, слава Создателю, через год рождается дочка Маргарет, здоровенькая.

В общем, я начисто забываю о Саре на целых пять долгих лет. Пока она собственной персоной не объявляется на пороге Первого Национального. Я только что оприходовал наличные деньги в сейф, сверху положил оборотную суточную ведомость, ключи от сейфа спрятал в карман своих полосатых брюк *(все банковские служащие в те годы носили такие)*. Прощаюсь с охранником, мистером Гибсоном. Выхожу на улицу – и сталкиваюсь с Сарой, нос к носу.

- Сара, - выдыхаю воздух, - какими судьбами? Давно ты в городе? – Не знаю, что сказать, я ошеломлен. Мысли беспорядочно мечутся в голове, точно пчелы в улье, куда пасечник бросил дымящуюся головешку.

- Решила навестить тебя, - говорит Сара. Про себя я отмечаю, что она изумительно похорошела с тех пор, как я ее оставил в Гринсборо, штат Северная Каролина. Выглядит как настоящая леди, вся подростковость ушла. – А ты у нас, оказывается, знаменитость теперь. За своими фельетонами и карикатурами аптечное дело, небось, совсем забросил?

- Да вроде того, - говорю. – А где ты остановилась?

- На Восьмой восточной, - говорит Сара. – Сняла мебелированную комнату, шесть долларов пятьдесят центов в неделю, оплата вперед. Но ко мне нельзя, у меня хозяйка строгая.

- В кафе нам тоже идти не пристало, - соображаю вслух. – Остин – город большой, но узкий. Моментально растрезвонят. У меня идея. Пошли в церкви посидим. Там сегодня службы нет.

- Откуда ты знаешь? – Сара спрашивает.

- Я пою в местном церковном хоре, - поясняю. – Басом.

- О господи, - вздыхает она, - так ты еще и певун, ко всему прочему ... Ладно, мастер Билл, ведите меня. И под руку прихватите барышню, Вы же джентльмен.

В церкви тихо, кроме нас, никого нет, как я и ожидал.

- У тебя жена и дочь, я слышала, - делает Сара заезд. – Ты счастлив?

- Да, - говорю, - жаловаться грех. Правда, первенец сынишка умер у нас. Но тут что поделаешь: Бог дал, Бог и взял. А у тебя как?

- А у меня никак, - говорит Сара с горечью. Смотрит куда-то мимо. – Та история наша получила огласку, из пансиона твоей тетки меня поперли, ты знаешь. По городу слухи поползли разные, доказательств не было, но ведь на чужой роток не накинешь платок. Я, как ты уехал, годик-другой погоревала. Ждала писем от тебя, но так и не дождалась. Тосковала очень. А потом я плюнула горевать и сказала себе: Сара, все мужики – сволочи, у них одно только на уме. На словах они все львы и адмиралы, а как до исполнения обещаний – наутек. Ведь обещал же ты – помнить, любить, обещал вызвать ... и где все это? Слова, слова, слова,

как сказал принц Датский. А потом я еще разболелась по женской части. Пошла на прием к твоему отцу, а он меня наповал убил. Осмотрел и говорит: Сара, у тебя никогда не будет детей больше. Спайки, эпителий на яичниках и все такое. Я три дня ревмя ревела, мама Пэт меня водой отливала. – Тут Сара достает платок и начинает сморкаться. И нос быстро красный становится, и глаза.

- В городе, - продолжает Сара, - мне с работой сразу не сvezло. Никто не хотел брать, памятуя репутацию, да и пансион я не закончила. Сначала папа меня пристроил к себе на железную дорогу кладовщицей, квитанции выписывать. Работа, вроде, и не пыльная, но много нервов отнимает. Постоянно на виду, мужики глазами стреляют, сальности отпускают, каждый норовит под юбку залезть. Гогот, мат, накурено. Отработала я месяцев шесть – и уволилась, не смогла. Сил никаких не было. Пробовала шить и вязать – тоже не пошло. В общем, села родителям на шею, ножки свесила и поехала.

- А потом, - завершает Сара свой рассказ, - мне пришла в голову одна мысль. Раз, думаю, у меня жизнь не задалась на родине, может, пора в дорогу? Поговорила с мамой Пэт, она меня поддержала. Благословила перебраться в Остин, дала денег на первое время. И вот я здесь. У хозяйки своей расспросила, не знает ли она такого Билла Портера. А как же, отвечает. Она как раз выписывает твой альманах, большая твоя поклонница. Так она сразу мне всю подноготную про тебя и выложила. И про семью твою, и про журнал с рассказами, и про банк. И что с тобой на улицах все здороваются, а теща твоя в тебе вообще души не чаёт. Всему Остину нахвасталась, что у нее за зятек такой непревзойденный талант и на все руки дока.

- Так чем ты думаешь заняться здесь, в Остине? – спрашиваю. Хочу плавно увести разговор от моей персоны.

- Устроюсь, - твердо Сара отвечает. – Я закончила курсы стенографии и машинописи в Гринсборо, так что не пропаду. Ну и ты поможешь на первых порах, верно? – Тут у нее в глазах появляется недобрый огонек. – Мы ведь друзья с тобой, правда, Билли? А друзей не оставляют на произвол судьбы. Я знаю, что у тебя жена, дочка, пение басом в церкви и все такое. Да и расходы значительные, ты человек светский, живешь на широкую ногу. Но, как бы там ни было, а помочь ты мне должен. У меня, может, кроме тебя нет никого на свете больше.

- Сара, - говорю, - буду не слишком любезен, но все тобою сказанное тянет не на дружбу, а, скорее, на шантаж. Ты что же, девочка, решила срубить с меня деньжат по-легкому? – Мне становится неприятен этот разговор.

- Билл, - говорит Сара и вздыхает, - мне самой неловко тебя о чем-то просить. Тема скользкая, и я тут как бы не в своей тарелке – тем более, всегда привыкла рассчитывать сама на себя – и ни у кого не одалживаться. Но ты, мне думается, должен прислушаться к тому, что я сказала, и повести себя уже, наконец, не мальчиком, но мужем. Тебе всегда не хватало элементарной ответственности за поступки. Я стою перед тобой, несчастная жертва нашей с тобой юношеской дурости. Свою половину за грех я уплатила сполна. Заплати же и ты свою. По-моему, это честно. Я ничего не требую от тебя сверх нужного. Просто помоги мне встать на ноги, и будет с тебя.

Далее опять официальные биографы подключаются. Я арендую коттедж на краю города Остин. Жене Эсл объясняю, что мне необходимо уединенное помещение для работы. Она входит в положение, хотя и без энтузиазма. И я начинаю там пропадать, в том числе и по ночам. Время от времени меня навещает Сара. У нас возобновляется секс (*должна же быть*

какая-то компенсация). Я регулярно ссужаю ей деньги, покупаю платья. Средств на два дома категорически не хватает, я залезаю в кассу Первого национального банка, в расчете на то, что потихоньку верну этот «займ» из новых гонораров. Но тут в банке проверка. Недостача 5100 долларов (*сумасшедшие по тем временам деньги*). На меня открывают уголовное дело. Все к тому, что будут сажать. В итоге, я договариваюсь с семьей – и сбегая в Гондурас. Эсл, не выдержав свалившихся на нас несчастий, заболевает скоротечной чахоткой, она очень плоха. Роуч шлет мне телеграмму в Гондурас. Я возвращаюсь, мне власти штата разрешают посидеть с женой до ее смерти (*в этом воплощении меня не выпустили на похороны друга, даже под охраной. Так что ребята из Остина человечнее проявили себя, чем энские*). Эсл умирает. Прямо на похоронах на мне защелкивают наручники.

Остинское общество раскалывается на два лагеря. Одни считают, что я просто недотепа – криво принял дела у прежнего кассира, не углядел недостачу. Вторые подозревают растрату – и правильно делают. Сара, лишившись привычных поступлений, в ярости. Я объясняю ей, что банк закрывается, чтоб она больше ни на что не рассчитывала. Тогда Сара говорит, что, если я перестану платить, то она расскажет всем, как я ее школьницей трахнул, а потом заставил вытравить ребенка. А это – пожизненное, как минимум; беда одна не ходит. Из двух зол я выбираю меньшее. На процессе встаю и говорю, что сам все украл (*хотя присяжные уже были готовы меня оправдать*). Мне дают 5 лет лишения свободы (*как и в этом воплощении*) и сажают в тюрьму Колумбус, штат Огайо. Там я быстро нахожу себе место тюремного аптекаря (*помогли старые навыки*). Начинаю писать под псевдонимом О.Генри. Эски, читая мои рассказы, рыдают от умиления. За примерное поведение меня освобождают условно-досрочно, через 3 года и 7 месяцев, по двум третям (*как и в этом воплощении*). В Огайо у меня было погоняло Аптекарь Вилли (*в Энске я откликался на Профессора, а в Мадрасе – на Ухаря Фому. Думаю, арестанты всех времен и стран могут меня поминать в своих молитвах как наиболее засиженного из апостолов*).

Роуч категорически запрещает мне видиться с дочерью, я его понимаю – и не настаиваю. Он провел свое расследование, он нашел счета на платья для Сары. Видеть меня не хочет. Через год после отсидки Сара опять находит меня. Поскольку денег у меня нет, приходится платить натурой. Я женюсь на ней – как и обещал по молодости. Какое-то время мы живем «долго и счастливо», но потом во мне что-то ломается, и я начинаю пить. Сара от меня уходит. Я перебираюсь жить в гостиницу и там, в окружении батареи пустых бутылок из-под виски, умираю от цирроза печени. Вот, собственно, и все.

Богатый нажитый опыт позволил мне стать одним из ведущих разказчиков в США, на все времена. Простенький сюжетец, недоразвитость характеров - с лихвой возмещается парадоксальностью сравнений, правдивостью коллизий и искрометным юмором. «Странствуя по свету, я не закрываю глаз», - говорит мой герой Сандерсон Пратт в «Справочнике Гименея» (*любимый рассказ*). И никогда не закрывал. Теперь понятно, к чему мне было дано это воплощение: готовили к написанию «Дневников Фомы», нужен был летописец. Осталось ли во мне что-то от О.Генри – судить читателю.

Я догадываюсь, кто у нас в этой жизни Сара, – по повадкам своей второй жены Валентины. В этот раз у нас сын, а больше она детей иметь не может. Она присутствовала при моем триумфе, она сопровождала меня в тюрьму, даже под видом медсестры пробралась ко мне в больницу – и она же ушла от меня, пока я сидел (*когда я сел, сыну было 2 года, а когда вышел – уже б*). Мотивировала свой уход моей непреходящей любовью к Марии Магдалине, что очень даже удобно. Прибрала к рукам активы, открыла свое дело, а теперь требует выплат на ребенка. До слез знакомый почерк – обиженного на всех и вся кармического паразита. А Эсл в этом воплощении – учительница начальных классов в Зеленограде, ведет

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Юльку Ростову. Тоже где-то рядом тусуется, из жизни в жизнь. Светка не рекомендует нам пугать ее откровениями; со временем все и так всплывет.

И последнее - о царе Соломоне. Этот библейский персонаж явно не дает покоя писателю О.Генри, то и дело напоминает о себе. В рассказе «Яблоко Сфинкса» герой, излагая вымышленную историю другого героя, живописует:

«Он хозяйничал здесь, в своей отшельнической лавочке, двадцать лет. Допустим, ему было двадцать пять, когда он раскланялся у калитки. Таким образом, от него требуется отчет за двадцать лет его жизни, иначе ему крышка. На что же он потратил эту десятку и две пятерки? Я сообщу вам свою мысль. Сидел в тюрьме за двоеженство. Допустим, что у него была толстая блондинка из Сен-Джо и худошавая брюнетка в Скиллет-Ридж и еще одна, с золотым зубом, в долине Ко. Редрут запутался и угодил в тюрьму. Отсидел свое, вышел и говорит: «Будь что будет, но юбок с меня хватит. В отшельнической отрасли нет перепроизводства, и стенографистки не обращаются к отшельникам за работой. Веселая жизнь отшельника – вот что мне по душе. Хватит с меня длинных волос в гребенке и шпилек в сигарном ящике». Вы говорите, что старика Редрута упрятали в желтый дом потому, что он назвал себя царем Соломоном? Дудки. Он и был Соломоном!»

35. Пенталгин встречается с Фомой

Дело происходило в Асе (сервер ICQ). На дворе стоял июль 2009 года. Москву накрыла типичная для этих времен жара, а в Питере только что прошел ливень, и стало посвежее.

Некто Пенталгин попросил авторизации у пользователя с никнеймом Седок. Авторизация была благосклонно разрешена.

Здравствуйте, Фома, пискнул некто Пенталгин, есть минутка.

Здравствуйте, Пенталгин, пискнул Фома, я могу Вас так называть.

Не вопрос, пискнул Пенталгин, Вам говорит что-нибудь мой ник.

Еще бы, пискнул Фома, давно ждем-с.

С наступающим, пискнул Пенталгин, никак день рождения у Вас намечается.

Да вроде того, пискнул Фома, это Вам Ася подсказала или какие иные источники.

С источниками вообще нет проблем, пискнул Пенталгин.

Понятное дело, пискнул Фома, такая организация прелестная у Вас.

Вы нашу организацию зря прелестной ругаете, пискнул Пенталгин, она интересы защищает.

Пообщаться бы.

Повестку присылайте, пискнул Фома.

Предпочел бы душевную беседу, пискнул Пенталгин, в Питере, в кафе на Ваше усмотрение.

Кофе Хауз на Невском устроит, пискнул Фома, рядом с кассами Аэрофлота.

Устроит, пискнул Пенталгин, завтра во второй половине, в 17, например.

Забились, пискнул Фома, на втором этаже.

Забились, пискнул Пенталгин.

Как и было оговорено, наши персонажи встретились в Кофе Хаузе на Невском, в оговоренное время, на следующий же день после своеобразного ICQ-диалога. Оба были пунктуальны, оба пришли вовремя. Первоначально сидели порознь. Затем огляделись, Пенталгин признал Фому, и наоборот.

- Я подсяду к Вам, с Вашего позволения, - сказал Пенталгин Фоме, подойдя.

- Сделайте милость, - отозвался Фома.

Пенталгин, проявив такую милость, уселся. Им принесли кофе; не сговариваясь, оба заказали по большой кружке капучино. Только сверх того Фома заказал себе вишневую плетенку, а Пенталгин – фруктовый десерт. Некоторое время оба молчали, поглядывая друг на друга. Было ясно, что разговор предстоит как долгий, так и трудный. Параметры этого разговора были хорошо известны обоим. Неоднократно они планировали этот разговор друг с другом у себя в голове, заочно подыскивали аргументы, полемизировали. И вот, случай, наконец, представился.

- Итак, уважаемый Фома, - сказал Пенталгин, - я предлагаю нам сверить позиции. На каком мы находимся свете.

- Согласен, - сказал Фома. – И, чем честнее пройдет беседа, тем меньше мы потратим энергии на беспорядочные шевеления. И силы сэкономим, и время. За мной в этом плане не заржавеет.

- За мной тоже, - сказал Пенталгин. – Не знаю, склонны ли Вы мне верить.

- Склонен, - сказал Фома. – По тем отзывам о Вас, что я имею от Керима Дадаева, Вы – не негодяй. Несмотря на свое активное кумовское прошлое. И Вы, и я, и Дадаев – изрядно хлебнули неволи. Поэтому мы трое понимаем смысл слова «негодяй» одинаково. Вы, скорее, - хорошо продуманный и глубоко внедренный чекист. Вы – просто враг, без примесей.

- Значит, Дадаев у вас, - сказал Пенталгин.

- У нас, - подтвердил Фома. – Привет Вам от него.

- Ладно, - сказал Пенталгин. – Может, тогда Вы мне и про Николая Ивановича расскажете?

- Конечно, - согласился Фома. – Вас что интересует?

- Как это «что»? – преспросил Пенталгин. – Почему он застрелился.

- Николай Иванович, - сказал Фома, - пал жертвой собственных интриг. Обнажил меч, от меча и погиб, как пес-рыцарь в фильме «Александр Невский». Технология «Восход».

Пенталгин, он же Василий Воротилов, он же меценат Гольдштейн, задумался.

- Да, - подтвердил Фома мысль, изобразившуюся теперь на лице Пенталгина. – Вы закладки Дадаеву в лагере спроворили, мы Дадаева прочитали – и закладки, поставленные Вами, удалили. Под глубоким гипнозом. Керим долго мучался головными болями, но вытерпел.

- Сколько Вы сняли закладок? – спросил Пенталгин.

- Три, - сказал Фома.

- Мы ставили четыре, - сказал Пенталгин. – Не пугаю, просто факт.

- Значит, Кериму повезло, - сказал Фома. – Потому что Николай Иванович пытался активировать уже снятую закладку. Про малиновый скафандр звездочета.

- Надо полагать, - сказал Пенталгин задумчиво, - что Николай Иванович понял, что Керим переметнулся.

- Да, он догадался, - сказал Фома. – И уже было собрался ликвидировать всю нашу банду одним махом. Но не успел. Царствие Небесное.

- Но как это получилось? – спросил Пенталгин. – На чем вы его сломали?

- Да ни на чем, - сказал Фома. – Мы просто выставили ему закладку по астралу, а Керим ее активировал, когда Николай Иванович начал у него перед носом пистолетом махать.

- Безо всякого оборудования? – спросил Пенталгин ошарашено. – Просто так, по воздуху?

- Не по воздуху, а по астралу, - поправил его Фома. – Когда Керим был под гипнозом, мы вывели его на Николая Ивановича, зафиксировали проекцию биополя – и дальше работали по ней. Керим здесь был как бы в роли медиума, контактера. Причем закладки поставили не только ему, но и жене, любовнице и сыну любовницы. Мы научились получать вторичные проекции тоже. И активировать закладки по воздуху, как Вы это называете, мы тоже научились. Еще любопытный феномен: закладку можно использовать как штрих-код, как метку. Человека по ней можно наблюдать в астрале уже напрямую, без посредничества контактера. Очень упрощает жизнь.

- И что было дальше? – спросил Пенталгин.

- А дальше было так, - отвечал Фома. – Керим активировал закладку, Николай Иванович завибрировал, потом Керим закладку отключил и предложил план сотрудничества. Сказал про закладки на родственниках. И потом он просто ушел. А Николай Иванович, видимо, решил, что такое унижение ему не по зубам. И пустил себе пулю в лоб.

- Что же было предложено? – спросил Пенталгин. – Какой план?

- Отдать «Молодую православную Россию» в апостольское руководство, - отвечал Фома. – Кстати, предложение остается в силе.

- Позволю себе поинтересоваться, - сказал Пенталгин, – мне вы тоже закладку поставили?

- Да, - честно ответил Фома. – И Вам, и Тане Филатовой. К ней у нас претензий нет. Мы просто знаем, что Вы с ней спите, и что Вам она нравится. Тут и до глубокого чувства недалеко. А где чувство, там и страх потерять объект. Надеюсь, эта диспозиция Вас отрезвит.

Возникла тягостная пауза. Пенталгин тер лоб, пытаясь разобраться в случившемся, Фома сидел, мрачно уставившись в опустевшую чашку из-под капучино.

- Послушайте, Воротиллов, - сказал, наконец, Фома. – Поймите нас правильно. Нам кровь и боль не нужны. Это Вашему учителю и патрону Николаю Ивановичу не жалко было ради империи положить уйму голов. Он ведь, в свое время, был Каиафой – первосвященником. И не погнушался сказать, что лучше бы одному Христу погибнуть за весь еврейский народ. Я это синтуичил, Светка подтвердила.

- В общем, - продолжал Фома, - мы не такие. Но мы не хотим, чтобы нас в очередной раз разорвали, как грелку. Мы не желаем просирать эту миссию. Такой шанс – и у страны, и у

мира – появляется раз в две тысячи лет, и мы не имеем права облажаться. Рассматривайте все эти астральные фокусы как элемент нашей системы обороны – эзотерического щита. Не трогайте нас – и мы вас не тронем.

- А в чем же суть Вашей миссии? – спросил Пенталгин. – Чего вы конкретно добиваетесь?

- Все очень просто, - отвечал Фома. – Сейчас мы занимаемся пробуждением апостольской группы «12». Половина группы проснулась и протирает глаза, половина еще спит, ее надо будить. Потом, мы занимаемся изысканием группы «70». У нас уже есть десяток кандидатов, люди из ближнего круга. Надеюсь, в ближайшие год-два мы найдем и остальных. Вернее, так: нам откроют.

- Вот Вы думаете, - продолжал Фома, - что Вы сами, по своей инициативе, решили навестить северную столицу, так сказать, свериться. Ошибаетесь. Вас к нам подтолкнули. Чтобы Вы не теряли времени попусту, а изучали вопрос и готовили решения. Вы сегодня – одна из ключевых фигур в российском политическом пасьянсе. Потому что за Вами стоят две реальные силы: Контора и Россия Молодая. Это – две элиты, две идеологии. По замыслу, эти две идеологии должны слиться в одну – и обогатиться, так сказать, апостольским подходом. Наша группа – в меньшей степени государственники, чем Контора и Церковный Комсомол, не сомневайтесь. Мы хотим того же самого, что и все – выживания и процветания для страны. Просто мы по-другому это видим.

- И главное, - подытожил Фома. – Мы занимаемся разработкой идеологической основы апостольского движения. Я это называю – «здоровое учение». Мы доказываем, что Христос и реинкарнации не противоречат друг другу. Мы также доказываем, что крупнейшие христианские конфессии сошлись с истинного пути – и тем самым христианскими, по существу, не являются. Они должны видоизмениться изнутри – или, на правах нишевых сект, покинуть пространство активной идеологии и политики, выйти из большой игры. И такие изменения изнутри должны пойти по линии Церковного Комсомола, на руководство которым, мы, собственно, и претендуем.

- Довольно борзо с вашей стороны, - сказал Пенталгин. – Контора реально напряглась, подтянула свои связи, свои ресурсы, люди из кожи вон вылезали, чтобы собрать капитал, по всей стране офисы наоткрывали. А потом приходят какие-то ухари с горы – и говорят: давайте все сюда.

- Все, что подгрела под себя Контора, - парировал Фома, – ей не принадлежит. Это был просто контр-олигархический передел, не надо мифологии. Награбили награбленное, и все дела. И потом: чего Вы передергиваете. Нам все эти ваши офисы и капиталы даром не сдались. Нам нужна кузница кадров и система продвижения здорового учения. Когда же машина заработает на своих оборотах – все активы мы Конторе постепенно отдадим, зачем нам мараться.

- Ну допустим, - сказал Пенталгин. – А, в политическом отношении, на что Вы рассчитываете?

- На то же самое, что и Николай Иванович, - ответил Фома. – На превращение «Молодой православной России» в политическую партию. На вхождение в Госдуму. И – на постепенный переход к конституционной монархии, к аристократическому принципу руководства страной. Это произойдет сразу же после второго пришествия Христа. И, уж конечно же, на сей раз Он не будет распят. Выполнит свою миссию, покажет России нового царя, признает наши полномочия – и уйдет. Сам. В Тибет, в Шамбалу. Мы его проводим. На

царстве останутся отпрыски из наших родов, а к управлению страной придут младшие из 12-ти и 70-ти. Вот такой примерный эскиз преобразований.

- Новое пришествие Христа остро необходимо, и оно назрело, - продолжал Фома. – Население мира развращено и подавлено, утратило путь к свету. Ведущие мировые религии тоже ослеплены. А послышки Божественной энергии идут на землю с нарастающей эффективностью, частота вибраций растет. Те, кто не будет готов их принимать, неизбежно сойдут со сцены, вымрут, как класс. Соответственно, мы можем предсказать невероятный всплеск человеческой смертности, некое подобие Страшного Суда, причем уже в ближайшие десятилетия. Грядут цивилизационные вызовы. В 2017 году астероид Апофис пройдет рядом с Землей, может зацепить, тогда всему хана. В 2029 году завершается календарь майя. К этому же времени, исчерпывается возможность для Земли использовать атомные станции. Не потому, что заканчивается уран. А потому, что использование этого вида энергии влечет непоправимые отрицательные последствия на тонких планах. У Светы Ростовской мама – Пифагор в прошлой жизни, это ее расчеты. Глобальное потепление тоже даст свои разрушительные плоды. И, разумеется, китайская угроза. Должно произойти настоящее чудо, во избежание планетарных катастроф. Мы ждем этого чуда, и мы готовим для него почву. В этом суть нашей миссии, нашего дела.

- У меня есть еще несколько вопросов, - сказал Воротилов, ворочая в голове полученные данные. – А потом Вы зададите свои, и я попытаюсь на них ответить. И еще у меня будет одна просьба к Вам. Годится? ОК. Тогда так: в чем суть отношений апостольской группы с «Черемушкинским альянсом»?

- Это часть нашей системы безопасности, - пояснил Фома. – Экзотерический щит, так сказать. Также – что-то вроде потешного войска. Светка ведь Петр Первый у нас: ее ведь хлебом не корми, дай маневры учудить. Также там вырисовывается целый ряд групповых пересечений по прошлым воплощениям.

- Какой их интерес вам помогать? – спросил Пенталгин.

- Самый прямой, - сказал Фома. – Они верят в нашу гипотезу – и готовы ее поддержать своими возможностями. В обмен на достойное место в новом политическом раскладе, где апостолы будут играть первую скрипку. Они не любят Христа, но признают Его право на управление миром, во имя коллективного выживания. Согласны подчиниться этому замыслу, и даже помочь, но на условиях сохранения своей духовной автономии – своего, гиперборейского, внутреннего уклада. Они как бы инвестируют в свое будущее. И есть еще одно, на чем мы сошлись во вкусах: крайняя нелюбовь к Конторе. Поэтому они, в частности, согласились принять на сохранение Дадаева.

- А чем вам так Контора не сдалась, не пойму, - произнес Пенталгин с видимым раздражением. – Вам-то лично она чем насолила?

- Мне лично – ничем, - сказал Фома. – Но у меня был дед, заслуженный учитель России, 55 лет в школе отработал. Его ваши гестаповцы уловили на биографии, что он был сын священника, заставили на себя работать. Вызывали на допросы по ночам в НКВД, сломали человека. Чтобы сохранить семью и самому уцелеть – вынужден был согласиться. Стучал, как последняя гадина, на людей в тех кругах, в которых вращался. А сердце всю дорогу было не на месте. И через это – начал сильно пить. Я помню, как я стою маленький в проеме двери. Вечер, свет горит только в кухне. А мой любимый дедушка, который мог наизусть роман «Что делать» Чернышевского от корки до корки воспроизвести, которого дети просто боготворили, - ужавшись, поливает матом всю нашу семью – из этой самой кухни.

Проклинает как бы, вместе с жизнью своей переломанной. Наоравшись, засыпает за кружкой чаю. А на следующий день я пролистываю том Конан-Дойля – и вижу, что книга насквозь прожжена папиросой. Это дед зачитался – и уснул.

- Вот я и спрашиваю, - подытожил Фома, - за что мне вас, блядей, любить? Дзержинского они собрались на Лубянскую площадь возвращать... Что у вас было 50 лет назад в голове, то и осталось. Надеюсь, ясность полная.

- Ясность полная, - подтвердил Пенталгин. – Хотя это и глупо с Вашей стороны - предъявлять нам те годы; мы участвовали в них в той же степени, что и Вы. А сами не боитесь замараться, через сотрудничество с этим альянсом пресловутым? Знаете, к примеру, что именно они крышуют наркотрафик на юго-востоке Москвы?

- Знаю, - подтвердил Фома. – И также знаю, что они в Контору серьезно отстегивают по этой линии. Как раз на спецмероприятия, в разные внебюджетные фонды. На «Молодую Россию», небось, тоже залистали из этой кубышки. Кстати, когда создавался сценарий фильма «Бригада», где об этих вещах в голос говорится, - альянсовские принимали участие в написании этого сценария.

- Да, я в курсе, - сказал Воротилов. – Еще вопрос, наверное, последний. Что у вас стряслось с Пфельдом в 1994-ом году? Нам здесь нужна ясность, потому что он работает на нас, и какие-либо новые неожиданности нам не сдались. Хватит с нас Керима.

- А какова его собственная версия случившегося? – ответил Фома вопросом на вопрос. – Озвучьте сначала ее, а потом я озвучу свою.

- Он показывает, - произнес Воротилов, - что Вы обвинили его в соучастии в мошенничестве с векселями «Водолея». Из-за этого его закрыли на три дня, потом разобрались и отпустили. До этого Вы с ним, вроде бы, работали душа в душу. Он вас предупреждал о грядущем крахе, но Вы не вняли.

- Ну ладно, - сказал Фома. – Теперь послушайте, как было на самом деле.

- Володя, - начал Фома свой рассказ, - всегда был очень ушлый малый, энергия била через край. Он пришел в Энскую городскую администрацию и сказал: ребята, давайте создадим Муниципальную финансовую корпорацию, как акционерку. Будем решать городские инвестиционные задачи, а под эту музыку – делать приятные гешефты нужным людям. Как бы создадим кошелек. Мэр повелся на это, учредили акционерку, передали с баланса города на баланс этой корпорации долгострой – Энский дворец пионеров и школьников (ДПШ) в миллиард рублей стоимостью. Теми еще рублями, ельцинскими, до деноминации, по две тысячи рублей за доллар.

- И самое смешное в этом деле, - продолжал Фома, - что Володя уболтал энских деятелей на то, чтобы внести ДПШ не в уставный, а в резервный капитал Корпорации. Сам уставный капитал составлял в районе 10 миллионов рублей. У Володи и его друга Феди было в этом капитале порядка 15%, с барского плеча. Володю сделали директором этой корпорации, а Федю – бухгалтером.

- Дальше – больше, - продолжал Фома. – Володя предлагает мэру увеличить капитал корпорации втрое, до 30 млн. Мэр, вроде, согласен. Делают эмиссию. А тут то ли у мэра и его людей деньги кончились, то ли интерес пропал, но они свою долю наращивать отказались. А Володе только этого и надо было, он на это и рассчитывал, когда планировал

сумму эмиссии. У него уже денежки были заготовлены на выкуп контрольного пакета. И, таким образом, вложив в дело 16 млн. руб., они с Федей получили право на распоряжение активом в арбуз рублей. Рычаг! Мэр увидел это дело, за голову схватился, но было уже поздно.

- А дальше ларчик просто открывался, - продолжил Фома. – Вова начал искать лохов, кто был бы готов его контрольный выкупить по рыночной цене. Нашел - мою подельщицу Дашу Завьялову, директора фирмы «Водолей». У нее тогда денег оказалось, как грязи, и захотела она вложиться в недвижимость. Вова тут как тут: купи, Даша, ДППШ. А ей и невдомек, что туда невозможно коммуникации подвести, что кирпич уже семь сезонных циклов выдержал, потрескался. Дай да подай. Ладно. Сколько стоит? Арбуз, Вова говорит, но продать я могу не здание, а контрольный пакет, что одно и то же (так он говорит). За поларбуза. Заметано. Купила Даша контрольный – и стала мажоритарным акционером Муниципальной финансовой корпорации города Энска. При этом, дурочка, повелась на Володины уговоры – и денюжки выплатила вчерную ему, а по договору копейки показала – номинал акций к выкупу.

- А затем наступило банкротство фирмы «Водолей», - завершил свое рассмотрение Фома. – Встал вопрос, где бабки. Я – к Вова. Говорю: Вова, ты Даше впарил отстой, вертай деньги на родину. Он говорит: ничего не знаю, никаких денег не знаю. Ладно, говорю. Я надеялся что ты хороший мужик, а ты, оказывается, нехороший мужик. Ну тогда, говорю, встретимся на очной ставке. Провели менты допрос – и сразу же Володю в торбу, в ИВС. Трое суток там отсидел, параша понюхал – и выкупился, через адвоката. Вышел оттуда злой, как черт. А тут, пока суть да дело, мэр подсуетился – и здание ДППШ из корпорации отозвал, своим распоряжением. И себя из-под статьи вывел. Так что вкладчики и вообще с носом остались.

- Мда, - сказал Воротилов, - натурально как вы играете ...

- Присматривайте за Вовой, - порекомендовал Фома. – А то он чудила еще тот.

- Присмотрим, - сказал Воротилов. – Тут планируется создать новый госкомитет при правительстве России, как бы реанимировать Госкомцен. Вот, думаем, не сделать ли Пфельда председателем комитета. С глаз долой – из сердца вон, как говорится.

- Там ему самое место, - сказал Фома. – Как Зурабов здравоохранением вертел, так и Пфельд будет ценами вертеть. Население будет довольно, вот увидите.

- У меня к Вам просьба будет, Александр Дмитриевич, - серьезно сказал Воротилов, впервые назвав Фому по имени-отчеству. - Сведите меня с людьми из альянса. Дело к ним есть.

- Хорошо, - сказал Фома, - оставляйте координаты, с Вами свяжутся. А какая тема?

- Тема скользкая, - сказал Воротилов. – Серийное убийство и мистика. На территории, подконтрольной альянсу. Мы не справляемся. Кстати: для них я – Владислав Гольдштейн. Хорошо бы вот с какими людьми поговорить: Лебедева и Копылов.

- Попробую оказать Вам любезность, - сказал Фома. – А теперь мой вопрос – единственный. Мы будем сотрудничать? Вы отдадите нам «Молодую православную Россию» в управление, или вечер испорчен?

36. Оборотень из Текстильщиков

Через две недели после памятной встречи Фомы и Пенталгина в Питере, люди из ФСБ и люди из «Черемушкинского альянса» забили стрелку. По предварительной договоренности, встреча проходила в одном из подмосковных пансионатов к югу от столицы. По такому случаю, местное кафе было закрыто на мероприятие. На дворе стояло начало августа 2009 года.

За столиком в кафе «У Алибека» сидели четверо. «Черемушкинский альянс» представляла координатор группы Наталья Лебедева, по кличке «Мамочка» (*в прошлых жизнях – друид, распятый апостолом Андреем, а также фрейлина Ее императорского величества Анна Вырубова*). Рядом с ней находился ее телохранитель, специалист по «нулевкам» без применения оружия Андрей Копылов, по кличке «Зверя». То, что оставлял после себя Зверя, можно было легко списать на жертву нападения отмороженных хулиганов, а не на заказ. Это было удобно, если возникали непонятки со смежниками. Зверя также превосходно выполнял роль переговорщика. На стрелку, если вопрос был путаный, и надо было рамсить до посинения, выговаривая свои условия, - посылали его.

Напротив Натальи Лебедевой сидел один из руководителей общественного объединения «Молодая православная Россия» Владислав Гольдштейн. По документам Конторы он проходил как майор пятнадцатого управления ФСБ Воротилов Василий Петрович. Что же до фамилии, данной Воротилову при рождении, то она была покрыта мраком.

Рядом с Гольдштейном-Воротиловым, прямо напротив Звери, сидел невзрачный человечек лет пятидесяти, невысокого роста, с ничего не выражающим лицом, тихий, как мышка, службист. Это был Иван Лиховцев, ведущий специалист подразделения «Р», по совместительству – один из разработчиков пресловутой технологии «Восход». Той самой, через которую прошел Керим Дадаев – и чудесным образом остался в живых.

Официант принес кофе – и мгновенно растворился за ширмой бара.

- Спасибо, что приняли наше приглашение, - сказал, наконец, Гольдштейн. – Полагаю, Фома озвучил вам нашу проблему.

- Да, в общих чертах, - сказала Лебедева. Голос у нее был прокуренный, хриплый. К тому же, она не выспалась. – Но мы не очень себе представляем, чем помочь вашему ведомству.

- Я передам слово моему коллеге, - произнес Гольдштейн, - он объяснит подробнее.

Иван Лиховцев откашлялся.

- Сразу к делу, - сказал он. – Я работаю в подразделении ФСБ, которое прицельно занимается аномальными явлениями, с соответствующей адаптацией этих явлений и феноменов к практике. В частности, мы занимаемся разработкой психотронного оружия.

- Мы давно ведем вашу группу, - продолжал Лиховцев. – У нас для этого есть масса возможностей, о которых вы даже и не подозреваете. Техника ушла далеко, и даже не сколько техника, сколько технология работы с астральными полями. Так что на «крота» можете не грешить. Нам, в частности, известно, что руководители вашего формирования обладают уникальными способностями, превосходящими всякое воображение. Например, ваш непосредственный начальник, Наталья, Вячеслав Кожухов, проходящий у нас под кликухой «Колдун», будто бы имеет навык разговаривать с покойниками. Нам известно, что

он неоднократно допрашивал трупы наших людей, которые, по дурости своей, перешагнули отведенную границу наблюдения – и были выслежены и уничтожены. Звучит фантастично, но у нас есть полная объективка, что так и было, - на наших приборах покойники просыпались на пять минут, а потом опять умирали. Ну и фильм, что вы нам прислали, тоже впечатляет.

«Черемушкинские» молчали, переваривая сказанное. Зверя крутил в руках чайную ложку. Наталья курила, и на лице у нее было написано что-то вроде: «А если даже и так, то что с того?»

- Еще нам известно, - продолжал Лиховцев, - что Колдун очень складно общается с потусторонним миром. Что у него в усадьбе на Рублевке будто бы видели некую тонкую сущность, похожую на призрак, весьма экзотического свойства, которую наши специалисты определили как мантикору, или гулона, кому как нравится называть. Мифологическое существо из древних скандинавских легенд. И возникает вопрос: если сущности такого уровня прислуживают Колдуну, если трупы начинают разговаривать, да и сам Колдун превосходно читает мысли, а также ясновидит будущее, - что это за феномен, и какова его природа, откуда это все взялось? У нас есть гипотеза, но я ее озвучу позже.

- И к Вам, Наталья, есть вопросы, - говорил Лиховцев. – По Вашему досье проходит, что Вы пять лет отсидели за убийство в порядке превышения необходимой обороны. Отмахивались ножичком – и перерезали горло человеку. Мстили за любимого. Благородно, внушает. Но не это главное. По отчетам проходит, что две сокамерницы, что сидели с Вами в тюрьме, скоростижно скончались по непонятной причине, безо всяких следов насильственной смерти. Позже нечто подобное повторилось и в лагере. Но там отмечают, что у Вас возникли неприязненные отношения с осужденной из Вашего отряда. Видели, как вы препираетесь. А через сутки абсолютно здоровая баба откидывает коньки. Делают вскрытие, – а у нее сердечная мышца как одно сплошное дырявое сито, червями изгрызанное. При этом – ни малейшего намека на наличие характерных паразитов или вирусных инфекций с подобной клиникой.

- Прошу понять меня правильно, - сказал Лиховцев далее. – Мы не разбираем полеты. Мы ничего не собираемся вам предъявлять, ни за своих людей, ни за вашу деятельность. Это не моя епархия, и меня на такие жесты никто не уполномочивал. Мы приехали сюда с Владиславом, чтобы попросить вас о помощи. Мы понимаем, что такую помощь ваше формирование может нам оказать. Это следует из того, что я только что проговорил.

- Озвучьте просьбу подробнее, - сказала Лебедева. – Мы возьмем тайм-аут. Сразу говорю: обещать ничего не будем, как пойдет. Если Контора своими силами не справляется – непонятно, почему у нас должно получиться.

- Это я объясню, почему должно получиться, - сказал Лиховцев. – Но сначала проблема. У нас в районе метро «Текстильщики» завелся серийный убийца, который с периодичностью раз в десять дней убивает по взрослому мужику, лет тридцати. У нас уже четыре трупа в пассиве – и ноль раскрытий в активе. Последний труп – пять дней назад. Трупы мы находим в одном и том же месте, но это место не совпадает с местом убийства, потому что тело мы находим уже расчлененным. Почерк однотипный: голова отрезана, сердце тоже отсутствует начисто, и еще рядом с трупом находятся куски его жареной печени. В районе места обнаружения трупа оперативники нашли кострище, но связать это кострище с данным делом пока не представляется возможным. В общем, ясно, что орудует маньяк-потрошитель, причем реализующий однородную и совершенно нетипичную программу.

- Нам бы никогда не отдали этого дела, - продолжал Лиховцев, - если бы не одно обстоятельство. Рядом с трупом нашли образцы специфической слизи, которую местные биохимики не смогли идентифицировать. Это не сперма, не лимфа, не слюна. Что-то совершенно чужеродное, как бы с другой планеты. Хотя, как поняли следаки, именно в этой-то слизи и кроется ключ к разгадке дела. Кто-то совершенно случайно обронил смелую мысль, что эта слизь – следы оборотня, когда он перевоплощается. От полного отчаянья, ввиду отсутствия каких-либо зацепок, обратились к нам. А для нас, в отличие от миллионов обывателей, оборотничество – это не страшилка из комикса, а феномен, который мировая эзотерика изучает уже довольно давно. И мы точно знаем, что оборотень, в ходе перевоплощения из человека в животное, действительно выделяет слизь, это не фантастика. И тогда мы подумали: а что, если связать факты убийства и факты предполагаемого оборотничества? Что, если эти убийства – просто ритуальная магия? Тем более все факты указывают именно на эту версию.

- А тут возникло еще одно совпадение, - говорил далее Лиховцев. – На нас вышел Влад Гольдштейн, по делу о так называемой «апостольской группе». Он передал мне архивы исчезнувшего Слободана Драговича, которого – у меня почему-то есть все основания так думать – вы спрятали в своих закромах. Итак: из архивов Драговича и из материалов наружного наблюдения следует, что апостольская группа, через своего лидера Светлану Ростову, начала плотно взаимодействовать с Вашим альянсом. Непосредственно с Вами, Наталья. Что вам надо друг от друга – по-всякому можно объяснить. Типа, крышуются апостолы, от наезда. Но у меня есть альтернативная версия, и она мне представляется самой многообещающей. И сейчас я ее озвучу.

- Все упирается в гипотезу о реинкарнациях, как ни странно, - сказал Лиховцев. – Мои коллеги из смежного управления в эту гипотезу верить не хотят. Более того: они особым образом обрабатывают общественное мнение, чтобы эта теория не нашла своего отклика в умах. Но это их погрешности, мы туда не лезем. Задача нашего отдела обратная: мы пытаемся доказать правильность теории реинкарнаций. Просто наука, ничего личного. Мы проводим опыты в рамках регрессионного гипноза. Испытуемые дают совершенно ошеломительные результаты. Итак, если реинкарнации – просто научный феномен, то из этого следуют далеко идущие выводы. Например: все души на Земле воплощаются группами, как пишет Алиса Бейли. И Светлана Ростова ищет в Вас, Наталья, не просто соратника по борьбе, но и родственную душу, с которой многое связывает в прошлом. Например, того друида, что она казнила в бытность свою апостолом Андреем. Или отца девушки, которую любил один пират на острове Тортуга, и который убил этого пирата, что позже родился Ростовской. Или – фрейлиной Анной Вырубовой, рядом с Николаем Вторым и его женой Алисой – соответственно, Светой Ростовской и Настей Валиковой, если мне память не изменяет.

Лебедева ошеломленно – и даже подавленно - смотрела на Лиховцева во все глаза.

- Вы осведомлены лучше, чем я думала, - сказала она наконец. – Архив Драговича, надо думать. Про Вырубову, честно сказать, слышу от Вас впервые.

- Не хочу Вас посорить, - сказал Лиховцев сдержанно, - но апостолы Вам не все говорят. Либо не до конца доверяют, либо ждут, когда Вы созреете. Но не это даже самое интересное. Корни Вашего сотрудничества с Ростовской, отдаете Вы себе в этом отчет или нет, лежат в очень глубоких слоях времени. Они находятся в цивилизации Гипербореи – порядка пятнадцати тысяч лет до рождения Христа. И Вы, и Ростова, и Слава Колдун – были друидами. При этом Света и Слава – входили в племя, которое условно называлось «гонимые Бога». Это было племя законников, судей, - тех, кто поддерживал порядок в стае. И все вы, гиперборейцы, обладали даром оборотничества. Только Вы, Наталья, и все из Вашего

племени, обращались в специфических Белых Котов (тех, что крупнее рыси и мельче тигра; на Земле не осталось ничего похожего на этих животных древности), а «гончие Бога» – обращались в рослых собак с массивными, вытянутыми мордами, как у египетского бога Анубиса. Одни обращались, чтобы охотиться, другие – чтоб становиться дичью. Так было заведено от начала времен. Кстати, наш уважаемый Андрей Сергеевич Копылов, которого Вы, Наталья, любезно пригласили на эту встречу, - тоже, скорее всего, был с Вами в Белых Котах.

- Быстро у Вас поставлено людей пробивать, - зачарованно произнес Зверя. – Мои аплодисменты.

- Стараемся, - кивнул Лиховцев. – Итак. Есть сильное мнение, что люди из «Черемушкинского альянса» располагают обширными знаниями по оборотничеству, в связи со своим кармическим прошлым. Более того: возможно, они практикуют соответствующую магию – чтобы поддерживать свои сверхспособности на должном уровне. Поэтому эти люди могут уловить, какой логикой руководствуется оборотень из Текстильщиков. Они могут почувствовать его на дистанции, приблизиться к нему и обезвредить. Стандартным образом этого маньяка не взять. Мы провели рекогносцировку местности, детальный анализ, совместили наши возможности с его способностями - и увидели реальный риск, что он учует засаду, ляжет на дно. Что скажете, Наталья?

- Мы возьмемся за это дело, - решительно ответила Наталья. Вероятно, все то время, пока говорил Лиховцев, она взвешивала в уме возможное решение и его последствие для своей группы. – Но без гарантий, сами понимаете, как пойдет. Да: милицию и своих отзовите, чтобы они не мешались под ногами. Встречный вопрос: как эта услуга, если она будет нами оказана, отразится на наших отношениях с Конторой? Что мы можем попросить навстречу?

- А вот тут мои полномочия кончаются, - сказал Лиховцев. – Пусть теперь господин Гольдштейн озвучивает параметры сделки.

- Спасибо, Ваня, - взял слово Гольдштейн. Нахмурился, сосредоточился. – Давайте оговорим условия. Сразу скажу: у нас чешутся руки. В боестолкновениях с альянсом мы потеряли большое количество людей.

- Ваши люди сами виноваты, - перебила его Лебедева. – Им была указана черта, за которую заходить нельзя. Их устно предупреждали по-хорошему. Но они не слушали – и поплатились. Так что здесь – чистая самооборона.

- Это все понятно, - сказал Воротилов, - но потери налицо, наши потери. Подмывает – честно скажу – расчленив Вашу группу и уничтожить ее по частям. А персонально Вас и Колдуна – отдать в отдел «Р», пусть там с вами опыты проводят. Живыми из наших подвалов не выйдете, если попадете, мы не освобождаем калек.

- Не надо быковать, Владислав, - сказал Зверя. – Это только ваш папа Дзержинский весь из металла, а Вы-то вроде нет. Держите в уме, что Вам Фома сказал, и жало свое завалите. – В этот момент Лиховцев мельком, украдкой, посмотрел на Гольдштейна.

- Беру назад, увлекся, - сказал Гольдштейн. – Так или иначе, на обострение мы не идем, пока не идем. Мы просто наблюдаем. Потому что не можем в полной мере просчитать последствия. Во-первых, мы догадываемся, что за нами самими идет слежка по астралу. Что все наши шаги просчитываются и упреждаются. Утечка очень мощная, и, главное – неблокируемая, что самое печальное. Я даже не хочу свое руководство расстраивать этим.

А, во-вторых, мы не знаем, какие будут у нас потери, когда развернется операция, из какого места будет нанесен удар, по кому. Астрал – это зона, абсолютно нам неподконтрольная. Почти неподконтрольная, скажем так. Поэтому у нас с вами намечается что-то вроде водяного перемирия. Живите пока. Если поможете нам – мы свой нажим ослабим. В конце концов, договоримся об обмене информацией.

- Да, вот с этого места поподробнее, - сказала Лебедева. – Все, что Вы сказали – это беспонтовая мусорская лирика, не вставляет. У нас есть встречное условие.

- Какое? - спросил Гольдштейн.

- Отдайте нам архив Слободана Драговича, - сказала Лебедева. – Разумеется, если мы вашего Текстильщика захотим.

- Это надо согласовывать, - сказал Гольдштейн. – Обещать не могу.

- Согласовывайте, - сказала Лебедева. – Без этого ничего не будет. Сбросьте мне СМС на мобильный – координаты места обнаружения трупов в GPS, лучше прямо сейчас. Мы выедем туда, оглядимся. Как только возьмем Текстильщика - получим архив. Лучше всего – присылайте гиперссылку на открытый ресурс, мы выкачаем.

- Там много, порядка десяти гигов, - сказал Гольдштейн. - Я дико извиняюсь, конечно, - но для чего он вам сдался, архив этот?

- Партнеров надо знать в лицо, - пояснила Лебедева. – Тем более когда идут пробелы и недомолвки. Насчет объема – не проблема, у нас быстрая «выделенка», беспроводной канал. Кстати, - обратилась она к Лиховцеву, - эти ребята – действительно апостолы? А Ростова – Андрей Первозванный? Честно сказать, совершенно не укладывается в голове. И непонятно, ради чего они все здесь собрались. В России, я имею ввиду.

- Владислав не согласится со мной, - отвечал Лиховцев, после некоторой паузы, - но я выскажу свое мнение, судя по тому, что я увидел в архиве Драговича. Апостолы – самые что ни на есть настоящие. Есть еще одно свидетельство. Когда разбирались с исчезновением Драговича – нашли его запрос в архиве НКВД. Сверили с тем, что показывают Ростова и Баранова – совпадение стопроцентное. Так что имеем документальное доказательство реинкарнаций – одно из немногих достоверных, что есть в мире. Пожалуй, случай Дженни Кокелл так же подробно прослежен документально, а больше ничего и в голову не приходит. Это я Вам говорю, как специалист специалисту. Вы, надо полагать, тоже интуичите, раз Гиперборею так хорошо восстанавливаете в голове. Ом ахасет харэп сата, и все такое разное.

- Во многом знании много печали – сказала Лебедева, нахмурившись.

- Екклесиаст forever - сказал Лиховцев. - Что же касается того, зачем апостолы здесь, то лучше Вам выяснить это прямо у Ростовской. Или у того же Фомы – Екклесиаста нашего доморожденного. Из первых рук, что называется.

- Настоящие они апостолы или плюшевые, - сумрачно произнес Гольдштейн, - это роли не играет. Вне зависимости, у нас проблемы. Да и у страны, как я понимаю.

37. Конец оборотня

- Все, Зверичка, - сказала Лебедева, - они прислали координаты. Заводи их в компьютер – и полетели. Также они согласовали обмен Текстильщика на архив.

Андрей Копылов, он же Зверя, он же Зверичка, оперативно завел данные в навигатор. Черный бумер стоял под парами.

- Это зеленая зона, рядом с железкой, - сказал он наконец. – Часа три придется добираться по пробкам. А до места, видимо, пешком.

- Давай поехали, - приказала Лебедева. – Отзовишься личке, пусть не цепляются за нами, а сразу выдвигаются к Колдуну. Я посплю малость, ночка выдалась мама помощи. Не вздумай за рулем задряхнуть, лучше закинься энергетиком перед дорогой.

- Мамочка, не учи ученого, - отозвался Зверя. – Спи и ни о чем не думай.

Итак, они оказались на месте через три часа, как и предсказывал Зверя. Смеркалось. Оставив бумер на обочине улицы, наши герои двинулись в сторону зеленой зоны, через пустырь. Впереди шествовал Зверя с налодонником в руках. В зону они вошли где-то через пятнадцать минут, как остановили машину. Зона была не парковой, поэтому для отдыха граждан подходила мало.

- Почти пришли, судя по всему, - сказал Зверя. – Да, вот оно, это место.

Место представляло собой полянку овальной формы, метров тридцать в диаметре, которая по периметру была обсажена разросшимся ивняком. Рядом с полянкой были хаотически набросаны бетонные блоки. Кто и каким боком вывалил их сюда, оставалось непонятным: ни одного подъездного пути к месту преступления не усматривалось. Равно как и следов от грузовика.

- Стоп, Зверя, - скомандовала Наталья Лебедева. – Осматриваемся. Нюхаем. Ищем следы. Невовремя как темнеет, бляха муха.

Еще минут десять они безмолвно слонялись по поляне и окрест. Наконец, Наталья Лебедева остановилась и с шумом выдохнула.

- Понятно, - сказала она. – Есть идеи, Зверя?

- По ходу, это портал, - откликнулся Зверя. – Только изрядно заросший. Через него уже давно никто никуда не ходил.

- Правильно рассуждаешь, - сказала Лебедева. – А еще что увидел?

- Засаду лучше всего делать там, - Зверя показал на бетонные блоки. – Со стороны железки он не пойдет, только таким же путем, как и мы прошли. Тропинка простреливается влет.

- Опять вынуждена согласиться, - сказала Лебедева. – Но что главное в этом всем ландшафте? Почему он именно здесь оборачивается?

Зверя пожал плечами.

- Здесь было капище, - пояснила Лебедева. – Древнее капище, еще при друидах сделанное. Рядом с порталом, для подпитки энергетикой с тонких планов. Текстильщик почувствовал мощь этого места, его магию. И он решил, что именно здесь созданы все условия для оборота. Он владеет какими-то фрагментами этого знания, но воедино связать не может. Он считает, что ему нужен труп для обращения, хотя тут он попутал, какие-то две программы смешал в голове. Достаточно просто произнести заклинание и взять энергию этого места. Он – один из наших.

- И еще одно, - добавила Лебедева. – Он совсем зверь, просто временно накинувший человечесью шкуру. У него и обоняние зверя. Так просто его не взять. Надо с Колдуном советоваться. Все, здесь нам больше нечего ловить, поехали отсюда.

Через три часа они были на Рублевке. Электрические ворота открылись, и бумер въехал во двор усадьбы. На порог дома вышел Колдун – Вячеслав Кожухов, президент ООО «Черемушкинский альянс» (*в одной из прошлых жизней – Ромул, основатель Рима, брат Рема-Ростовой*); высокий молодой парень, длинные волосы кукурузного оттенка, рубашка с короткими рукавами и светлые брюки.

- Колдун, я подписалась для ментов оборотня ловить, - сказала Наталья. – В обмен на архив Керима Дадаева.

- Не удивила, - меланхолично произнес Колдун. – Еще час назад считал. Зверя мозгами скрипит, как телега несмазанная. А ты все закрываешься. Чего ты закрываешься? знаешь же, что все равно считаю.

- Колдун, - сказала Наталья, - не читай с меня лишнего. У меня такое чувство, что я на Красной площади с голой жопой.

- Ты, Мамочка, комплексуешь, - сказал Колдун. – Со временем, все научатся читать мысли друг друга, и недолго уже осталось. Вибрации ускоряются, идут пакеты энергий, сплошь и рядом у людей сверхспособности открываются.

- Это ко второму пришествию Христа? – поинтересовалась Лебедева.

- Собака след не берет, - отвечал Колдун. Достал из кармана пачку «Мальборо», закурил, выдохнул дым. – Может, и не придет еще, нет ясности. Может, кто вообще другой придет, кого мы не знаем. Но, скорее всего, будет саммит, и саммит серьезный. На всякий случай, надо подготовиться, занять местечко в партере. Так что терки с Ростовой – одобряю. Нужно знать о них больше. Они, все эти апостолы пресловутые – как спящие кувшины. Но - вот-вот запоют. Они же все индиго сплошняком. Значит, готовность принимать способности и смещать точку сборки – на высшем. Лишь бы не надорвались.

- Давай ближе к телу, как говорит Мопассан, - сказала Лебедева. – Как быть с Текстильщиком?

- У него нюх волчий, - сказал Колдун. – Ты будешь его брать или я возьму? Я-то возьму, ты меня знаешь.

- Да я и сама возьму, - сказала Лебедева, - тебе не резон, не барское это дело.

- Смотри, - сказал Колдун. – Тогда так. Наденешь на себя шерстяные тряпки, чтобы почки не отморозить, лежа на земле. Сверху тебя Зверя обмажет грязью и илом. И еще одно: тебе

надо чеченского отвара попить, чтобы запахи отбить все, снизить скорость обмена веществ. Пить его надо три дня подряд, начинай уже послезавтра. Поговори с Керимом, это его рецепт. Когда он по горам лазал и в схронах под землей лежал, они это пили, чтобы их при прочесывании собаки не учуяли. Там есть трудности: 17 трав в сборе, причем 9 трав можно найти в Москве, а еще 8 – у травника в Калуге, у Керима есть адресок. Надо срочно собрать эти травы по перечню и отварить. Поручи Зверю, пусть собирает травки. Сечешь, Зверя?

- Сделаем, - сказал Зверя.

- А сама – продолжал Колдун, - завтра же с утра, по холодку, бери дежурного водителя – и на Текстили. Точно определи место, где будешь хорониться, продумай сценарии захвата. Веревкой запасись – чтобы вязать ему руки-ноги. Волыну в засаду не бери – он порох учует; попытайся его удавкой притушить. А вот мобирю возьми, только заверни ее аккуратно в тряпицу и положи отдельно от себя, на приметное место. Чтобы Зверю на подмогу подтягивать, ему определишь место в городе, причем из машины он выходить не должен. Там будет темно, поэтому хорошенько изучи место, поползай там несколько часов с завязанными глазами, чтобы освоиться, другого времени не будет на подготовку.

- Кстати, по Кериму, - сказала Наталья. – Парень знает больше, чем говорит.

- Осторожничает, - сказал Колдун, - и правильно делает. А, по поводу архива, Ростовской не обязательно о нем знать, ты понимаешь.

... Через три дня, в августовскую ночь, Наталья Лебедева лежала в засаде, уже четыре часа, не шевелясь. Она знала точно: Текстильщик явится. Она чуяла это на бессознательном уровне, она интуичила, задавала вопрос – и получала внятное «да», при всяком обращении к тонким планам. Еще вчера этого «да» не было слышно. По плану, Текстильщик должен пройти в десяти шагах от нее. Он тащит на закорках труп, он скован, ему тяжело. Как только он поравняется с ней и сделает еще пять шагов вперед, она рванет, бросится на него, повалит и вцепится в горло. Дальнейшее – по обстоятельствам.

Прошел еще час. Текстильщик не приходил. Кромешная темень легла окрест; кусты и деревья сделались совершенно неразличимы. И, как назло, было новолуние. Наталья занервничала. Все тело, затекшее от неподвижного лежания, ныло.

Постепенно Наталья начала проваливаться в дремоту (*травы делали свое дело, обмен веществ угасал*). Понимая, что засыпать нельзя, она, тем не менее, немножко отпустила себя, дала себе каплю роздыху. В тюрьме, где она сидела когда-то, такой транс называли «златоустовским сном», по названию одноименной пересыльной тюрьмы. Находясь в таком сне, ты вроде и спишь - но, тем не менее, вполглаза сечешь, что делается окрест. Чтобы не пропустить тот пограничный случай, когда сокамерникам взбредет тебя придушить (*а такие случаи на централах известны*).

И вот – шорох, шевеление шагах в пятидесяти от поляны. Ура, явился, голубчик.

Наталья внутренне встряхнулась от дремы, изо всех сил напрягла взор. Ничего, ни зги. Наконец – увидела: словно бы движется в ее сторону бесформенная куча. Идет медленно, все ближе и ближе приближается некто. Наконец, Наталья различает: человек, мужчина, тащит здоровенный бесформенный куль. Еще через пару минут Текстильщик поровнялся с нею – и внезапно остановился. Наталья поняла: Текстильщик принюхивается, он что-то учуял. Броситься? Нет, ждать. Наталья затаила дыхание (*благо, в ее состоянии, организм не требовал обычной дозы кислорода, можно было спокойно и не дышать минут пять*).

Наконец, через долгие десять-двадцать секунд, Тестильщик снова двинулся по тропинке, к заведомому капищу.

Пора! Бесшумно хрустнула на зубах капсула с антидотом. Текстильщик вздрогнул и начал поворачиваться в ее сторону. Услышал. Быстрее! Силы вернулись моментально. Наталья, словно пантера, выскочила из укрытия. Кошачьим прыжком она покрыла расстояние до объекта, повалила. Лихорадочно начала наискрывать горло. Текстильщик заверещал, потом захрипел. Как только Текстильщик начал слабеть, Наталья резко убрала у него с горла правую руку – и что есть силы ударила Текстильщика хуковым ударом в пах (*лагерный опыт подсказал*). Последний раз взревев, маньяк отключился. Убедившись, что он дышит, Наталья медленно сползла с груды неподвижных тел – и, на ощупь, по памяти, двинулась в сторону бетонных блоков. Нащупала схороненную мобиру. Первый лучик света в темном царстве – экран дисплея.

- Зверя, - сказала Наталья через секунду, - я его срубила, быстро сюда.

- Я мигом, Мамочка, – выпалил Зверя и отключился.

Так, вязать злодея. Наталья вернулась к неподвижной куче, отпихала безголовый труп, залитый кровью, липкий и уже начавший смердеть, кое-как завернутый в брезентовый лист. Перевернула Текстильщика на живот, заломила ватные его руки за спину, замотала крест-накрест, затем подтянула ноги по одной, примотала и их. Баул готов, можно грузить. И можно отдышаться. Сделана половина дела. Вторая половина дела – выяснить адрес, доставить на явку и там допросить. А вот и Зверя.

Зверя бежал во весь опор, в правой руке у него горел фонарик (*находчиво, заметила про себя Наталья*), а в левой он тащил узел с одежкой – переодеться Наталье, и бутылку с водой – ополоснуть физиономию.

- Вынимай из него адрес, - приказала Лебедева. – Лучше здесь. Я переоденусь наскоро.

Зверя поднес фонарик к лицу Текстильщика.

- Адрес, - сказал он негромко и внятно, - адрес, где живешь. Где печень жарить.

Текстильщик пробормотал что-то невнятное. Зверя, не удовлетворившись этим ответом, отодрал голову Текстильщика от земли за волосы левой рукой, а правой - тыкнул ему указательным пальцем в глаз. Текстильщик заорал, потом заскулил.

- Сдохнешь, сука, - запросто сказал Зверя. – Дальше только больнее будет, от боли и загнешься. Адрес, урод.

- Шоссейная, два «а», - прохрипел маньяк.

- Квартиру давай, - сказал Зверя.

Текстильщик назвал.

- Есть адрес, - сказал Зверя Наталье. – Переделась?

- Да, почти, - пробормотала Наталья, поправляя на себе кофту. – Жмура безголового оставляем здесь. А этого борова – дотащишь?

- Щас, - сказал Зверя, - только ноги ему отвяжу и кляп поставлю.

Наталья набрала на мобире десять цифр.

- Владислав, - сказала она, когда на том конце наконец сняли трубку, - извините, что разбудили. Клиент у нас, его груз 200 - тоже. Загоняйте архив. Как скачаем – назовем адрес. Пока не поднимайте своих орлов, дайте нам поработать.

- Отлично, поздравляю, - отвечал Гольдштейн (*а это был он*). – Давайте только чтоб все честно было.

- Базар Вам нужен, - сказала Лебедева и отключилась.

Через десять минут Текстильщик уже покоился на дне багажника бумера, завернутый в целлофан (*чтобы не пачкать дно машины кровью*) а Зверя вводил параметры искомой квартиры в бортовой компьютер-навигатор. «Пять минут езды», - сообщил он, определившись. Наталья форвардила только что полученную СМС диспетчеру. В «Черемушкинском альянсе», как во всякой полувоенной организации, штаб работал круглосуточно. Потому как и сама деятельность альянса носила круглосуточный характер.

Еще через десять минут Зверя открывал квартиру на Шоссейной ключом, загодя вынутым у Текстильщика из кармана брюк. Вошли, уложили Текстильщика на пол в прихожей, принялись осматриваться.

- Во запендя, - сказала Лебедева, включив свет в гостиной. Охнула. На потолке, где свет подавался лишь от лампочки, ввернутой в патрон, красовалась пятиконечная звезда, намалеванная масляной краской. А на дощатом полу, прямо под ней – шестиконечная, того же цвета. – Так вот откуда у него вторая программа. Сатанинских книжек обчитался.

Зверя открыл стеной платяной шкаф, покопался внизу.

- А вот и головы, - сказал он. На дне шкафа лежало пять полиэтиленовых пакетов, в которых лежало нечто, напоминающее футбольные мячи. Зверя, заглянув в один из пакетов и сразу же завязав его узлом, сморщившись, двинулся на кухню. Открыл холодильник. – О, а вот и печень. И на сковороде малость осталось. – Пощупал плиту. – Теплая плита, недавно поужинал. Кулинар! Водка на столе, два стакана. Теперь ясность полная. Он их ловил на остановке, у пивного ларька. Типа, пивка, потом водочкой дома полирнем. Потом оглушает сзади обухом топора, и дело в шляпе. – Прошел в ванную. – Какая красота! В ванну не заходи – сблюешь. Потроха и все такое.

- Отлично, - сказала Лебедева. – У ментов – раскрытие по горячим следам. Тащи его в комнату, будем допрашивать.

Текстильщик лежал на полу и тяжело дышал. Вокруг заплывшего окровавленного правого глаза у него горел малиновый синяк. Лебедева и Зверя встали над ним.

- Тебя как звать? – спросила Лебедева.

- Семен, - сказал Текстильщик. Только сейчас он мог рассмотреть своих оппонентов при ярком свете. Увидев Лебедеву, Текстильщик содрогнулся. Его глаза начали расширяться.

Вдруг Тестильщик закрыл глаза и принялся что-то иступленно бубнить, запинаясь, тяжело дыша.

- Чего это с ним? – спросила Лебедева у Зверя.

- Хэ его зэ, - сказал Зверя. – Молится, наверное.

Вдруг Тестильщик перестал бубнить и открыл глаза.

- Ом, - сказал он. – Ахасет. Харэп. Сата.

Лебедева и Зверя вздрогнули. Переглянулись.

- Семен, - спросила Лебедева, - ты кто? Кто тебя послал?

- Ты ... послала ... - сказал Текстильщик. – Светлейшая госпожа ... Миас ... повелела Триаку ... свершить число ...

Лебедева, оцепенев, уставилась на Текстильщика остекленевшими глазами, ничего не говоря. Внезапно зазвонила мобира.

- Как не вовремя-то, - сказала Наталья, тяжело выходя из ступора. Сморщилась, вынула мобиру из брючного кармана, поднесла к уху. – Да. Спасибо, поняла.

- Получили они архив, так что все в порядке, - пояснила она Зверю, убирая мобиру обратно. Затем опять наклонилась к Текстильщику. – Семен, точнее говори. Что приказала Миас?

- Закончить число, - сказал Тестильщик. – Шесть ... душ ... в круг ... Миас оборачивается ... Небесной Рысью ... Триак оборачивается ... Солнечным Ветром ... идем домой ... домой ...

- Тут на лице у Тестильщика расплылась блаженная улыбка. И он снова закрыл глаза.

- Зверя, на два слова, - сказала Лебедева. Они вышли в кухню, притворили дверь за собой.

- Ты понял, что произошло? – прошептала Лебедева. У нее на глазах выступили слезы.

- Кажется, да, - сказал Зверя. – Опять групповуха кармическая.

- Меня звали Миас, - сказала Лебедева. – Тогда, в Гиперборее, сейчас картинка пришла. Его звали Триак. Я была друидом, он был моим рабом. У нас было колдовство: мы приносили человеческие жертвы, из тех рабов, что взяли в плен. Конечно, мы их не потрошили и печень не ели. Триак собственноручно убивал рабов, а я выстраивала души убитых жертв в круг и забирала их энергию. В момент забора энергии я могла не просто оборачиваться, но и переходить на тонкий план, в астрал. Мы становились не просто оборотнями, а тонкими оборотнями, супер-оборотнями. И Триаку перепало энергии от меня, он тоже оборачивался – и тоже становился тонкий. Мы вместе путешествовали по другим мирам. Он вспомнил эту прошлую жизнь, и она накрыла его с головой, приросла к текущей. Он теперь существует как бы в двух мирах одновременно. В одном мире он – обычный работяга, алкаш. А в другом он – Триак, раб и служитель Миас. И сатанист, до кучи.

- Делать-то чего теперь? – спросил Зверя.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Нельзя его оставлять, - сказала Лебедева. Вздохнула тяжело. – Эршики возьмут его на опыты, все наши секреты вынут – и против нас же обратят. Давай обнуляй здесь, а я нашего мусорка сориентирую.

Зверя вышел из кухни, Лебедева снова достала мобилу из кармана.

- Владислав, - сказала она, - мы здесь закончили. Архив дома, спасибо. – Назвала адрес на Шоссейной. – Это адрес Текстильщика, заходите в гости. Возьмите чем-нибудь заткнуть нос. А его жмур – на том же пустыре, где и все остальные. – Отключилась.

Зверя стоял над неподвижно лежащим Текстильщиком.

- Иди к машине, а я чутка приберусь здесь, - сказал он Наталье.

- Только мигом, - сказала Лебедева. – А то менты уже на подходе. – Вышла на лестничную клетку, пешком спустилась по лестнице, вышла на улицу. Встала у машины.

- Прощай Триак, мой брат. Ом ахасет харэп сата, - вымолвила Наталья. И она почувствовала, что захлебывается своими слезами. Плачет, и не может остановиться. Через минуту подоспел Зверя, чвакнул сигнализацией. Они сели в машину. Стояла дивная августовская ночь.

Бумер мчался в направлении Рублевки. Зверя крутил баранку, Наталья, зареванная и грязная, спала на заднем сиденье. Тихонько в приемнике жужжало «РетроFM». Внезапно застрекотала Наталья мобила, предусмотрительно выложенная ею на переднее сиденье. Зверя, не снижая скорости, взял трубку.

- Это Гольдштейн, - сказала трубка. – Мне бы Лебедеву.

- Спит она, - отвечал Зверя. – Срочное чего?

- Хорошо, потом перезвоню, - сказала трубка. – Однако непонятка нарисовывается. Вам сколько было мест холодного груза заказано? Одно. Почему два отгрузили?

- Текстильщик был теплый, когда мы уходили, - простодушно сказал Зверя, - может, сердце не выдержало?

- Может, и не выдержало, - сказала трубка. – Но почему у него голова набок свернута?

- Поскользнулся, - предположил Зверя. – Нехорошо упал, медицине такие случаи известны.

- Андрей Сергеевич, - сказала трубка, - работа сделана топорно, и нас такой подход к делу не устраивает. Текстильщик нам живым был нужен.

- Слышь, мент сушеный, - сказал Зверя, - кончай дурить. Этот оборотень мог Натку запросто там же и положить, она под Богом ходила, чтобы заказ оформить. Дело сделано, и не шиш предъявлять. Все, отбой.

- Кто звонил? – спросила спросонья Наталья Лебедева. Зевнула во весь рот, протерла глаза.

- Да пидорас какой-то номером ошибся, - сказал Зверя. – Спи, Мамочка.

38. Отрывок из дневника Фомы. Христородица, говоришь?

Пятый век от рождения Христова. Малая Азия, городишко Панополис (Ахмин). Лачуга. На потертом топчане лежу я, монах Несторий, и подыхаю. Один-одинешенек, никого рядом. Недавно ехал на осле, упал, зашиб бок и руку. И пошло нагноение, гангрена. Так что эту ночь я не переживу.

Загоняли старую клячу. Сначала в Ахмин выслали старика, потом в Египет, в Асуан, потом опять вернули в Ахмин. А в Египте на нас кочевники напали, захватили в плен, потом отпустили. Мы добирались домой кто как умел. Половина из нас в пути умерла от жажды. Вот жизнь ... жалко ли терять такую?

И снится мне сон, последний сон в этом воплощении. Иудея, вечер. Простая хижина на окраине Иерусалима, дом апостола Иоанна. Сижу я за столом, что-то такое ужинаю. А за другим концом стола сидит Мария, мать Спасителя, и на меня смотрит.

- Кушай, Фома, - говорит Мария, - не спеши, обожжешься.

А я, чисто нервное, мечу без разбора, давлюсь. И тоска сердце гложет.

- Ваня еще на соборе? – Мария спрашивает.

- Да, - отвечаю, - и остальные тоже.

- А ты почему ушел? – спрашивает Мать Иисуса.

И я ей начинаю рассказывать всю эту историю про Магдалину с новым учением, про Андрея да про Петра. Про весь этот позор.

- Ты ее любишь, - говорит Мария. – И Мне она тоже очень нравится. Хорошая была бы жена Моему мальчику.

- Иисус ее тоже любил, - говорю я.

- Да, - говорит Мария, - но иначе, чем ты. Ему от нее ничего не нужно было. А тебе – нужно, но не получишь, чего хочешь. Видимо, слишком сильно хочешь. Не расстраивайся.

- Ничего не сделаешь, - говорю. - А почему она не ушла вместе со мной?

- Потому что она больше думает об общем, чем ты, - Мария объясняет. – Не хочет раскола, не хочет ставить движение под удар. Поэтому наступила на горло своему самолюбию – и осталась. А ты не смог через себя переступить – и ушел. И тут не правота учений решает, а правота людей.

- Я понимаю, о чем Ты, - говорю. – В какой-то момент уже становится неважно, чья правота возьмет, и чье слово будет последним. А важно – в состоянии ли я буду с этими людьми вообще общаться, садиться за стол, ломать хлеб. Не говоря уже о том, чтобы идти в бой. Нас ведь всех поубивают, верно?

- Верно, - Мария соглашается. – Будет больно, придется потерпеть. Но бояться нельзя. Нужно стоять в вере, делать свое дело. Придете снова в этот мир – начнете с той точки, на чем закончили в прошлый раз. И пока всего дела не сделаете, не подведете черту – разойтись не сможете.

В этот момент одна из стен дома становится как бы прозрачной, и за стеклом появляется мой Гид по Миру Душ. Имя у него эльфийское, типа Эуоэвиэнель, или Эу, а я его по-свойски кличу Федотычем. Потому что он забавный, любит приколоться, похохмить. Но в этот раз у Федотыча лицо не юморное. Даже кислое, я бы сказал.

- Ну что, Несторий, - спрашивает, - готов?

- Уже давно готов, - отвечаю. – Даже пересаживаю на свете, лет десять точно.

- Не тебе решать, - говорит Федотыч. – Прощайся тогда с Марией – и полетели. Тебя уже ждут.

- Не понял, - говорю. – Так что, я уже умер?

- Ты умер ровно через минуту, как уснул, - Федотыч поясняет. – Поздравляю с прибытием Домой. Мария захотела тебя проводить.

- До свидания, Мама, - говорю. – Нашим привет передавай. Я люблю Тебя.

- Передашь сам, как отчитаешься, - Мария говорит. – Увидишь всю группу, как и всегда. Кто-то на задании, кто-то отдыхает, но астрально ребята в сборе. Я тоже тебя люблю. Всех вас. Не кисните, вы молодцы. До встречи.

И Она улетает, растворяясь в духовном небе. А мы с Федотычем, стало быть, движемся в другую сторону. На Совет Хранителей.

- У меня будет просьба, - Федотыч говорит. – В этот раз не особенно складно твоя миссия прошла. Совет недоволен. Поэтому изменили обычный порядок, не дали с родными пообщаться, сразу решили открыть сессию. По горячим следам, так сказать. Просьба такая: пальцы веером не растопыривать. В полемику не вступать. Меньше заявлять, больше слушать. Высказывая свою позицию, не лезть в бутылку, воздух руками не рубить, как в этом воплощении ты наострился. Не быковать, одним словом, поскромнее себя вести. Это в плане совета, а так поступай как хочешь.

Как это и бывает из посмертья в посмертье, мы с Федотычем залетаем в Зал Совета, проходим узким коридором в центральную залу, а там нас уже поджидают семь или девять Хранителей, рассеявшихся полукругом. Лиц их я не вижу. Федотыч традиционно занимает место слева позади меня.

- Итак, Несторий, - говорит Главный Хранитель, - с прибытием Домой. Ты воплощаешься на Земле уже не первую сотню раз, ты не новичок. Поэтому мы с тобой сюсюкаться не будем. Будем сразу правду-матку резать, по-фронтальному, не возражаешь?

- Валяйте, - говорю. – Если с чем буду не согласен – быстро найду чем возразить, за мной не заржавеет. – Чувствую, что ребята в Совете про себя начинают ухмыляться, хотя на вид и не скажешь, до чего они по-деловому настроены.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Несторий, - говорит Главный, - назови нам сверхзадачу своей прошедшей миссии, как ты ее для себя определил.

- Я пришел, - отвечаю, - чтобы предотвратить превращение Матери Иисуса еще в одну богиню языческого пантеона. Пришел, чтобы заявить, что Мария – не Богородица, но только Христородица. Закрепить за Ней человеческий статус, как и за Христом – в роли Ария в позапрошлый раз.

- Ну и как, - спрашивает Главный, - достиг ты своей цели?

- Только наполовину, - отвечаю. – Когда стал архиепископом Константинопольским – заявил постулат Христородицы во весь голос. То есть, определенное брожение в умах посеял. Но на соборах свою точку зрения отстаивать не сумел. В результате, миссию провалил.

- Мы того же мнения, - говорит Главный. – Миссия провалена, причем очень ответственная миссия. И еще придется две тысячи лет потратить, чтобы этот вопрос поставить и решить в общецерковном порядке. Теперь нам важно понять, почему так вышло. Чтобы в следующую оказию не допустить промаха. Как сам-то думаешь, что случилось? Если честно?

- Я сначала свои внутренние причины назову, - говорю, - а затем перейду к международному положению.

- Совершенно верно, - Главный поддерживает. – Всегда начинай с себя, так будет правильнее.

- Во-первых, гордыня подвела, - говорю.

- В точку, - Главный подтверждает. – Кино будем смотреть?

И тут я вижу, как перед глазами всплывает общее собрание с участием императора Феодосия Второго (*тюха-матюха редкостная; в этой жизни был актером Виктором Авиловым; Царствие Небесное*). Я произношу речь и завершаю ее словами: «Государь, раздави со мной еретиков, а я раздавлю с тобой персов!». Овации.

- Видишь, - говорит Главный, - при слабом императоре у тебя возник соблазн сделаться его сильным советником – и под прикрытием императорского слова провести свою линию. Гордец готовый. Смотрим дальше.

Картина отображает массовые недовольства запретами Нестория в народе. С его легкой руки закрываются театры, пение, концерты, танцы, атлетические состязания. Перед горожанами встает вопрос, как с пользой провести выходной день. Ответа нет. Начинаются гонения на еретиков. Льется кровь в Геллеспонте, Сардах, Милете. Несторий отдает приказ о закрытии арианской церкви в центре Константинополя. В ответ ариане поджигают ее, и выгорает целый квартал.

- Вот за это тебя «поджогой» и прозвали, - резюмирует Главный. – Ревность не по уму. Наивный провинциализм. А ведь предупреждал тебя твой учитель Феодор Мопсуестийский, чтоб ты был поскромнее, но ты не внял. Через свой гонор все свои проблемы и огреб. С этим понятно?

- Понятно, - говорю. Чешу в затылке. Мой запал спорить куда-то девается.

- Называй теперь второй свой грех, - требует Главный.

- Непрофессионализм, - говорю. – Отсутствие последовательности при изложении собственной позиции.

- Согласен, - Главный подтверждает. – Выскажи ее здесь внятно, чтобы и самому понять, где ты споткнулся.

- Я всегда полагал, - начинаю я изложение своего кредо, - что Божество – это не только Отец, но и Мать. И этот Материнский, Софийный аспект Божества я однажды углядел в двух проекциях: в Марии, Матери Иисуса, и в другой Марии – в Магдалине. С той поры я признал для себя, что исповедание Бога Отцом – неполное. И в своем сердце дополнил это исповедание богородичным культом, как я это назвал. Культум Премудрости Божьей. Соломоном прозревал, Фомой подозревал, да и Арием тоже.

- Но ты не смог явно озвучить эту позицию на соборах, - говорит Главный, - потому что тогда бы тебе быстренько заткнули рот. И тогда ты решил пойти в обход.

- Да, - соглашаюсь. – Бога может родить только Богиня. Мария из Назарета Богиней никогда не была. Поэтому назвать ее Богородицей, как это пошло с подачи Григория Богослова – это ошибка с далеко идущими последствиями. Другое дело, что Мария, как мать, наилучшим образом была готова к принятию Святого, ее готовили к этой миссии. Но родила Она – все-таки человека. Человека, в котором был Бог. Если это толковать иначе, то получится история с Европой и быком, равно как с Ледой и Апполоном. А это уже дурная мифология. Вот на чем я стоял. И я хотел защитить Марию из Назарета – от того, чтобы Ее соделали богиней или идолом.

Тут я мысленно цитирую по памяти свои же слова: «Нет, Мария не родила Бога, совершившего наше искупление, и Св. Дух не образовал Божественное Слово, такое же, как и Он, лицо Св. Троицы. Мария родила только человека, в котором воплотилось Слово; она родила человеческое орудие нашего спасения. Слово приняло плоть в смертном человеке, но само Оно не умирало, а, напротив, воскресило и того, в ком воплотилось. Но и Иисус, рожденный Марией, тем не менее и для меня есть в некотором смысле Бог, потому что он вмещает в себе Бога. Я почитаю храм ради Обитающего в нем; я чту носимое (одежду) ради носящего; почитаю видимого (человека) ради сокрытого в нем невидимого (Бога)».

- Но потом, - добавляет Хранитель, - ты все-таки под давлением признал, что можно Марию звать и Богородицей тоже. Только вкладывать в это надо совсем другой смысл. В результате, все запутались. Ты всех запутал.

- Правильно, - соглашаюсь. – Надо было насмерть стоять на определении Марии Христородицей. В общем, невнятное, поспешное выражение своих мыслей, постоянное плаванье в трактоках – вызвало фиаско на идеологическом поле. В том числе, в полемике с Кириллом Александрийским.

- К Кириллу мы еще вернемся, - говорит Хранитель, - давай не будем забегать вперед. Назови последний и главный свой грех – и перейдем уже тогда к международному положению.

Возникает пауза. В Мире Душ мысли не спрячешь, поэтому все Хранители и Федотыч с легкостью могут наблюдать, какие мыслительные процессы во мне протекают. Душа моя в такие минуты напоминает прозрачную стеклянную кастрюлю фирмы Zepfer, где закипает борщ.

- Нелюбовь, - называю я наконец главный грех.

Хранители как бы переглядываются между собой, и я интуитивно чувствую, что они довольны моим ответом.

- Именно, - подтверждает Хранитель. – В этом воплощении в тебе не было ничего апостольского, кроме понтов. Ты никого никогда не любил: ни своего учителя, ни свою паству, ни своего императора. Ты рассматривал окружающий мир лишь как орудие для достижения своих целей. Лишь бы тщеславие потешить, мнимую ученость выказать, продемонстрировать силу и власть. И это – самое печальное из того, что сегодня было обнаружено.

- И вот теперь самое время перейти к Кириллу, - продолжает Главный. – Смотрим кино.

Я вижу, как ненавистный мне епископ Александрийский Кирилл, мой оппонент и заклятый враг, о чем-то шушукается с неизвестным мне человеком (*его, кажется, зовут Петр*). И тут же меня пробирает пот (*если в Мире Душ бывает пот*). Я узнаю в Кирилле - своего друга апостола Филиппа, затем - своего сына Париса, затем - своего сына Эдипа.

- Господи, - шепчу я.

- Это еще не все, смотри дальше.

Кино продолжается. Из своего дома в Александрии выходит красивая женщина, лет сорока. В этом воплощении ее зовут Гипатия, первая женщина-философ-математик. Я сразу узнаю этого человека. Это Иуда Алфеев, один из наших. В этот же момент на Гипатию набрасывается разъяренная толпа людей. Руководит толпой тот самый Петр, который только что шептался с Кириллом. Гипатию волокут к храму. Там с нее срывают все одежды и начинают безжалостно рвать и резать ее кусками керамической черепицы. Уже через минуту вместо прекрасной женщины на земле лежит окровавленный изуродованный труп.

- Вот так мы отдыхаем, - говорит Главный. – Апостолы избивают апостолов. Еще кино смотри.

Бегут перед глазами кадры кинохроники. Кирилл собирает отряды преданных ему епископов. Идет на сговор с папой Целестином, получает поддержку против меня. Путем интриг, не дожидаясь делегации из Антиохи, он открывает Эфесский собор, где и подвергает Нестория и его учение анафеме. Утверждает Марию Богородицей. Добивается ссылки Нестория – сначала в Малую Азию, а затем – в Египет. Но – умирает шестью годами раньше. Его признают православным святым и канонизируют, память – 31 января по новому стилю.

- С Кириллом мы уже побеседовали, - говорит Хранитель. – Тоже согласился со всем, что ему предъявлено. Обещал исправиться. Но мы особых надежд не питаем на это исправление. Как, кстати, и в твоём случае. Человеческая природа тысячелетиями шлифуется. Можно запросто на одну только зависть три тысячи лет потратить, и такие случаи известны.

- Последнее, что мы хотим отметить на Совете, - подытоживает Хранитель разбор полетов. – Вы раз от раза воплощаетесь в несовершенном, полном боли и зла мире Земли. Мы делаем ставку на вас как на старожилов. Рассчитываем на то, что вы сделаете над собой усилие – и впитаете, наконец, в себя всю полноту Христова учения. Надеемся, что, будучи апостолами по призванию, вы поведете за собой людей в лучший мир. Но нам больно смотреть, как вы

всю дорогу позоритесь, как вместо любви сеете ненависть и кровь. Избиваете друг друга. Для нас нет разницы между Николаем Угодником и Арием, между Кириллом и Несторием, между Андреем и Фомой. Нам – честно скажу – нет никакого дела до ваших догматических установок, до ваших катехизисов и оросов. Все это только слова и модели, никак не могущие вместить истины целиком. Но для нас принципиально, есть любовь меж вами или нет, есть единство или нет, есть свет от вас миру или нет его. Если нет любви, нет единства, нет света, нет готовности договариваться – пропади ты пропадом любая философия и любая идеология, любая вера и любая церковь. А теперь говори, что хотел сказать, и на этом все. Параметры нового воплощения тебе Федотыч представит.

- Я виноват – говорю. И мне нечего добавить. Нечем оправдаться. Моя аура вся словно бы в лохмотьях от внутренней боли и уныния. Такого позорного воплощения у меня не было давно.

- Хорошо, что ты это понимаешь, - говорит Хранитель. – Ладно, соберись, впереди много работы.

39. Отрывок из дневника Фомы. Теодорих и Хлодвиг – близнецы-братья

- А теперь давай в библиотеку, - командует Федотыч. – Будем картинки вероятного будущего смотреть. Не грусти, ты же знаешь, что со старожилками всегда по гамбургскому счету на Совете разговор. Успехам никто уже не умиляется, главное внимание уделяют промахам. Там у тебя были не только косяки, но и неплохие отрывки. Например, ты написал книгу «Трактат Ираклида Дамасского». Наши читали, им понравилось. Людям прочесть не получится. Все рукописи Кирилл велел изъять и уничтожить.

- Тупая манера, - поясняю. – Как у Афанасия с трудами Ария. Все, что не вписывается в мейнстрим – в огонь.

- В этот раз задание архитрудное у тебя, - говорит Федотыч. – Будешь королем остготов. Назовем тебя Теодорих, или, по-простецки, Дитрих. Если сделаешь все правильно – получишь титул Великий. Бэкграунд на царствование у тебя есть: компетенции Рамсеса, Лая, Приама, Соломона не пропьешь. Просто кое-что освежить придется. В частности, как отдавать приказы на рубку голов – и при этом не меняться в лице. Ты уже убивал, ты в курсе, как это делается; так что сдюжишь.

- Ты же знаешь, Федотыч, - поясняю, - я человек мирный, высокодуховный - и крови не люблю. Может, товарищ Андрей возьмется за это рулилово? Или тот же Чудесник? Им это будет в самый раз.

- Они уже в строю, - отвечает Федотыч, - и задание им определено. Давай без самодеятельности. Значит, объясняю диспозицию. Византия охвачена ересью монофизитства. Тотально обожествив Христа, они сделали его идолом. *(Ничего удивительного, думаю я, ребята к этому шли на всех парах)*. Эта волна, если она победит, означает конец христианства как веры для будущего. Придется опереться на ислам.

- На что опереться? – переспрашиваю.

- Да есть тут кое-какие задумки, - Федотыч отвечает. – Но это на перспективу. Сейчас задача – не дать монофизитской ереси переползти с Востока на Запад. У нас сделаны три ставки.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Во-первых, на молодое франкское королевство под католической эгидой. Во-вторых, на правильного, ортодоксального в хорошем смысле слова, римского папу. А, в-третьих, на твое собственное правление, которое будет проходить под флагами арианства, как это и повелось со времен епископа и апостола готв Вульфилы.

- Ага, - говорю, - значит, и Ария нашли куда приспособить.

- А ты что думаешь, - говорит Федотыч, - мы тебя зря на Никейский собор засылали? Нам противовес был нужен. Видно же было, что Старшие слишком круто забирают.

- Все это сильно напоминает собачьи бои, - говорю. Я расстроен. Интриги, то и дело затеваемые на тонких планах, понемногу начинают доставать. Чувствуешь себя просто пушечным мясом, мальчиком для битья, подкидным дурачком в польском преферансе.

- Давай эмоции убирать, - обрывает Федотыч мою вселенскую скорбь. – Христианство должно выжить. Любишь Христа? Значит, вставай в строй и воюй за правое дело. Нам нужен буфер на Аппенинах. Ты должен будешь защитить Францию и Италию от Византии, дать этим народам шанс накачать мускулы. Блокируешь любые попытки атаки на Европу со стороны Средиземного моря. Тут тебе помогут африканские вандалы, они тоже с Византией не в ладах.

- Теперь перейдем к персоналиям, - продолжает Федотыч. На экране будущих жизней начинают мелькать образы, в фас и в профиль. - Это вот Хлодвиг, король салических франков, из Меровингов. Партийная кличка – «Волосатик», потому что у них в роду волосы стричь не принято.

Смотрю на Хлодвига – и узнаю: товарищ апостол Андрей! Так вот куда его откомандировали.

- А это его жена, Клотильда Бургундская, - далее Федотыч поясняет. – Узнаешь?

Ничего себе! Чудотворец, собственной персоной. Здравствуй Санта новый год.

- В этот раз решили мы его сделать бабой, - говорит Федотыч. – А то немного подзадолбал пальцами искрить. Как он храм Артемиды разметал по воздуху, ты бы видел. На фоне этих сверхспособностей у него малость поехала крыша. Так что теперь он вроде бы как на карантине. А вот это – Аудофледа, сестра Хлодвига. И, между прочим, твоя вторая жена.

Кассандра, доча! Да, давно ее не было рядом со мной. Все как-то норовит со Старшими больше тусануться.

- Теперь – детишки Хлодвига и Клотильды, - продолжает Федотыч свой показ. - Вот Клотильда Младшая.

Я всматриваюсь в миловидное лицо. И узнаю – Гипатию. Иуда Алфеев – случайная мужская инкарнация, женщиной ей идет гораздо больше. Начинаю понемножку отгаивать после кино.

- Так что можешь расслабиться, - покровительственно замечает Федотыч. – Никто не умирает. А Гипатия, между прочим, сама виновата. Слишком размечталась о себе. Просыпалась со словами: ах, какая я не только прекрасная, но и умная. Зацепилась за высшие способности свои – автоматом закрыла себе будущее и погибла. В этот раз тоже будет сильно получать от своего муженька-варвара. Он ее и прибьет, в оконцовке. Карма, ничего не попишешь.

- А вот ее братишка Хильдеберт, - продолжает Федотыч. - Он же - Иаков Алфеев. Отомстит за сестру, не волнуйся. Очень часто они идут братьями-сестрами. В результате – наследуют одни и те же проблемные моменты, проходят одни и те же уроки. Так что у них сложилось что-то вроде совместной программы обучения.

- А вот епископ Ремигий Реймский, - далее Федотыч сообщает. – Ты знал его Арием как Евсевия Кесарийского. Но это еще не все. Он – апостол Павел, прошу любить и жаловать, ты его помнить не можешь. Много раз еще будешь с ним пересекаться. Он же – Гомер, кстати. И – Агамемнон, до кучи. В нашем случае, он крестит Хлодвига в правильные христиане и наставляет его по жизни. А эту барышню – узнаешь?

Магдалина! А она-то тут с какого боку-припеку?

- Женьевьева Парижская, - Федотыч поясняет. – Это она заставит Хлодвига креститься. Своим личным примером, убеждением. Навалятся на него втроем с женошкой Клотильдой и святителем Ремигием. Когда на Париж нападут варвары, Женьевьева отстоит город. Гибридный тип личности. Очень легко принимает как мужские, так и женские воплощения. Причем чрезвычайно гибкая: в женском обличье часто ведет себя по-мужски, и наоборот. Так, по игрокам на той стороне пока все.

- А почему она со мной не пошла на миссию? – спрашиваю. Раздосадован. – Мне в обойме профессионалы тоже край как нужны.

- Отвечаю как есть, - Федотыч мотивирует. – Во-первых, не заслужил. Хорошие девочки выдаются только хорошим мальчикам, а ты у нас, мальчик Несторий, в этот раз обосрался. Во-вторых, у нас ставка на Париж. Все основные силы стянуты туда. Ты же – прикрываешь тылы. Считай, в разведку тебя посылаем. И, в-третьих, в этот раз она на тридцать лет старше тебя. Так что интима не будет. Понятно? Хорошо. Теперь посмотрим, кто будет играть на твоём поле. Первый – Кассиодор, римский сенатор.

Ага, думаю, а вот и сынишка Гектор, он же – Иаков Зеведеев. Ну, тогда мы сварим кашу. Я рад.

- Кассиодор, - Федотыч поясняет, - будет всю дорогу прикрывать тебе бэкофис, налаживать отношения между римлянами и остготами, что край как важно. Твой историограф и советник. А вот еще один твой советник – философ Боэций. Ты его назначил на высший административный пост – «магистра всех служб». Узнаешь?

Как же не узнать. Апостол Нафанаил, партийная кличка «Нафаня». Мы с ним через раз пересекаемся, так что уже сработались будь здоров. Только что сто с лишним лет он отбарабанил Симеоном Столпником. Экстремал; на столбе с утра до вечера стоять – это какая сила воли нужна.

- Экстремал – не то слово, - подслушивает Федотыч мои мысли. – Погляди кусочек вероятного будущего.

Вижу, как Нафаня летит в кабине реактивного самолета, на месте второго пилота. Корпорация «Элефант», в которой Нафаня работает президентом, подарила ему такой аттракцион на очередной день рождения. Еще кадр: Нафаня со своим другом-колдуном Алексеевым забирается на гору Эверест.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- В отличие от тебя, - добавляет Федотыч, – Боэций позиционируется ортодоксом, и тут я лично вижу проблему. Постарайтесь не ссориться. Давай-ка теперь посмотрим поточнее параметры твоей собственной миссии.

Возникает карта Европы. В руках у Федотыча появляется лазерная указка.

- Все молодые годы ты проведешь в Константинополе, - поясняет Федотыч. – В качестве заложника, в Византии так принято – держать в заложниках царевичей. Получишь неплохое образование, заодно и понаблюдаешь, как делается реальная политика. Вернешься, примешь правление. Получишь назначение наместником в Италию, взамен зарвавшегося Одоакра. Но Одоакр власть просто так не отдаст. Так что придется повоевать. Соберешь 100-тысячную армию и будешь прорываться на юг, через территорию будущей Югославии. Выйдешь на север Италии, осадешь Равенну (четыре года потратишь на осаду). Возьмешь Равенну и Верону, выставишь там сторожевые рубежи. Тем самым, север у тебя будет прикрыт.

- Затем, - продолжает Федотыч, - возьмешься за восстановление Рима. – Тут у него в астральных лапках появляется длинный перечень необходимых работ. - Удачно проведешь земельную реформу, соберешь земельный налог, за этот счет произведешь инвестиции, заново отстроишь водопроводы, термы, большой цирк (надо же как-то извиняться за глупости, наделанные Несторием). Проведешь масштабные реставрационные работы, отстроишь несколько ортодоксальных храмов: церковь св. Андрея (реверанс в сторону Хлодвига), базилику св. Панкратия...

Вот так инструктирует меня Федотыч. Затем мы пересекаемся с нашими, уточняем детали. И вот, я уже десантируюсь на Землю. Как раз от раза заведено: через центр Солнца, затем через Южный полюс, и, через портал, - в утробу.

Вот, я рождаюсь Теодорихом. Строго следую намеченным контурам. Собираясь в поход на Одоакра, водружаю на свои стяги и орифламы солярный крест – равноконечный крест, вписанный в круг. Тем самым я позиционирую себя отдельно от никейской ереси – и заодно подчеркиваю, что верю не только во Христа, но и в карму. В множественность рождений. Воюю, строю, организую новое государство, налаживаю отношения с соседями – выдаю дочерей и сестер замуж за королей вестготов, бургундцев и вандалов (*в те времена обмениваться женами как заложницами также было общим местом*). Умираю от дизентерии. Возвращаюсь в Мир Душ. На земле прошло 70 лет, половину из которых я был королем Италии; а здесь все равно что минул один день.

У трапа меня встречает Федотыч. Он чуть ли не мурлычет от удовольствия.

- Уже гораздо лучше, - приговаривает он. – Гораздо лучше. Есть шероховатости, есть провальные моменты (чего уж там говорить, ха-ха-ха), но в целом – насыщенная сложилась биография. Двигаем на Совет, там уже заждались.

- Хорошая работа, Дитрих, - с места в карьер заявляет мне Главный Хранитель, как только мы с Федотычем приземляемся в Зале Совета. – Со вкусом сделанное дело. Но, как всегда, мы будем сосредотачиваться не на победах, а на поражениях. Нас беспокоят две темы: Одоакр и Боэций. Понятно, почему?

- С Одоакром – да, а с Боэцием – нет, - говорю.

- Ну тогда начнем с того, что понятно, - говорит Хранитель. – Дайте пленочку, пожалуйста.

Кинохроника бесстрастно запечатлевает историю одного предательства. Одоакр через Иоанна, архиепископа Равеннского, предлагает Теодориху мир на условиях совместного правления Италией. Теодорих принимает это предложение. Ворота Равенны отворяются. Ровно через пару суток небольшой отряд во главе с Теодорихом ночью штурмует дворец Одоакра. Одоакр убит в своей собственной постели мечом Теодориха. Одновременно по всей Италии уничтожаются все приспешники Одоакра.

- Очень похоже на то, как ты это провернул Соломоном, - меланхолично заявляет Главный. – История с Адонией и Иоавом, Третья книга Царств. Тот же блядский почерк, извини за грубое слово. Ну и как ты объясняешь этот косяк, боец?

- Побоялся, что положу армию под стенами Равенны, - отвечаю я. – Люди вконец измотались за четыре года, начали роптать. Боялся проиграть сражение.

- Вот именно, - подтверждает Хранитель. – Только акценты надо расставить немножко по-другому. Ты не за людей боялся, а за себя. Боялся в очередной раз завалить миссию, прослыть неудачником. И решил – любой ценой войти в Равенну, а там будь что будет. Вошел, осмотрелся и сказал себе: Одоакр в моих руках, смерть ему. Так ведь?

- Так, - подтверждаю. Мне стыдно.

- Так, - подтверждает Хранитель. – Придется теперь этот косяк заглаживать, сам знаешь. Тебя будут раз от раза предавать и убивать, а ты это будешь принимать и говорить «спасибо». Такая теперь карма у тебя. Ну ничего: это трудно - служить королем и оставаться чистеньким, мы понимаем. Так что определенные скидки менеджеры по карме тебе сделают, не унывай. А вот теперь – Боэций и его смерть. Давай разбираться.

- А что разбираться-то, - говорю. – Боэций перешел на сторону врага, был завербован византийской контрразведкой, вкуче со своим тестем Симмахом и экс-консулом Альбином. Так что казнь была законной.

- Не совсем, - поправляет меня Хранитель. – Даже под пыткой Боэций не стал свидетельствовать против себя. На суде категорически не хватало улик на Боэция, поэтому судьи руководствовались не сколько законом, сколько революционным правосознанием. Они опирались не на свою совесть, а на твое личное указание. Мы сейчас разбираемся, почему ты так запросто уверовал в виновность Боэция, не удосужившись сверить факты. Почему ты, апостол, загубил другого апостола, как же вы дошли до такой ручки. Давай кино посмотрим, не возражаешь?

Дворец Теодориха в Равенне. В кадре – Теодорих беседует с Боэцием, в руках у него - рукопись на пергаменте, свернутая в рулон.

- Я прочел твой новый опус, - говорит Теодорих Боэцию. – «Против Евтихия и Нестория», так, кажется?

- Так, - подтверждает Боэций. – Я польщен, повелитель. Но стоило ли тратить на это твое драгоценное время?

- Стоило, - говорит Теодорих. – Я прочел - и мало что понял из написанного. Я не философ, Боэций, я солдат. К тому же, я уже старый, и мозги уже не те; у нас с тобой четверть века разницы, разрыв поколений явственно ощутим. Но зато я четко уловил, в каком состоянии находился автор, пока писал свой труд. Не в обиду будь сказано, Боэций, но это была спесь.

- Спесь? – переспрашивает Бозций. Он не понимает.

- А я тебе объясню, - говорит Теодорих. – Ты - философ, причем философ-ортодокс. Я – арианин. Положение и убеждения мои заставляют меня быть терпимым. Я всегда и везде говорю одно и то же (Кассиодор не даст соврать): «Мы не имеем права навязывать ту или иную религию, так как никого не следует принуждать к тому, чтобы он верил против своей воли». Правильно?

- Правильно, - Бозций соглашается. – Но причем здесь ...

- Дослушай до конца, - прерывает его Теодорих. – Сейчас все прояснится. Вы, ортодоксы, всегда мните себя истиной в последней инстанции, и никому больше не оставляете права быть хоть капельку правым, будь он хоть трижды язычник. Это у вас родовое: как на Никейском соборе началось, так и тянется. Везде вам мерещатся ереси, и везде еретика ждет ад. Слышите только себя, ничего не желаете знать, что не вяжется с вашим учением, ни во что не желаете вникать. И с этой упертостью, достойной лучшего применения, кропаете свои тексты.

- Вот возьмем Нестория, - Теодорих продолжает. – Ты его вывалял в дегте и в перьях, рта не дал раскрыть. А что ты вообще знаешь о Нестории, что он был за человек? Почему он стоял на такой точке зрения, а не на иной? Что заставляло его отстаивать свои убеждения? Увидел ли ты за еретиком человека, такого же, как и ты сам? Нет. Я знаю, что вы и нашего апостола и учителя Ария считаете собакой. И вам никогда не понять, за что и почему он до крови бился на Никейском соборе, когда почитаемый вами Николай Угодник разбил ему нос. Вы не видите человека, вам ведом только еретик. Вы не видите мотивов и внутренних убеждений говорящего, вам ведома только ересь. И вот с этой ослиной упертостью, с этой глухотой к возможной чужой правоте, – вы сами обрекаете себя на поражение, на неправоту.

- Итак, Бозций, - завершает свое выступление Теодорих, с нарастающим раздражением, - я сделал тебе замечание как литератору. Такое же замечание я делаю тебе как советнику короля, как магистру всех служб. Я предупреждаю тебя о неполном служебном соответствии. Быть советником означает быть готовым предоставить королю все точки зрения на предмет, все «за» и «против», все угрозы и возможности – с равной силой, с равной степенью проработки, с ровным, профессиональным отношением. Твоя ангажированность никейской точкой зрения мешает тебе быть нейтральным, как и подобает советнику; твои взгляды парализуют твою духовную активность, и в результате ты перестаешь расти над собой. Иди – и подумай над сказанным.

Тут кино обрывается.

- Понятно теперь? – спрашивает меня Хранитель.

И, читая у меня в душе, подтверждает:

- Вот именно. Ты вступился за Нестория, потому что почувствовал в нем себя. Ты впрягся за Нестория, как при других обстоятельствах впрягся бы и за Ария. Ты решил побить правоту ортодоксов правотою еретиков. И, тем самым, поставил себя с ними на одну доску. Арий безропотно позволил Мирликийскому Угоднику себя поколотить. А ты решил за эту зуботычину сквитаться с Бозцием. Ты спровоцировал его на переход в византийский лагерь – а затем убил, как предателя родины. Это была просто месть, признай это.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

- Признаю, - говорю я.

- И тоже будешь наказан, - подытоживает Хранитель. – Нафаня, конечно, тебя простит, как человек широких взглядов. Но тебе эта казнь по-любому аукнется. Однажды тоже будешь безвинно казнен. Для равновесия.

- Я устал, - говорю я. – Можно мне выходную жизнь взять?

- Можно, - милостиво разрешает Хранитель. – Заслужил, имеешь право на перекур. Посадим тебя в константинопольский архив, будешь рукописи из тумбочки в тумбочку переключивать. Ну а потом – снова в бой, ты понимаешь. Жатвы много, делателей мало.

Лечу с Совета, кислый. Навстречу мне, словно бы на реактивном самолете, летит экстремал Нафаня. Обнимаемся.

- Не парься, - говорит Нафаня ободряюще. – Дело житейское.

- Сколько еще будем убивать друг друга? - спрашиваю. На сердце – камень. Аура вся серо-грязная у меня, как лохмотья неумытого бомжа.

- Хэ его знает, - Нафаня отвечает. - Пока не повзрослеем, наверное.

40. Фрагмент из архива Фомы. Не то собор, не то новоселье

Время: сентябрь 2007 года, Санкт-Петербург. Год до встречи Фомы с Керимом Дадаевым, два года до захвата Текстильщика.

Место: съемная квартира на станции метро «Приморская».

Какова природа события?

Фома ушел из семьи, снял двухкомнатную квартиру. Решил пригласить друзей отметить.

Почему Фома ушел из семьи?

1. Кармическая программа оказалась выполнена. Уроки – извлечены.
2. Фома попал под пресс, и ему надоело играть в эту игру.

Как звали его жену?

Например, Диана.

Кто она была ему кармически?

Рядом с царевичем Алексеем Петровичем – Афросиния, прислуга, которую он изнасиловал в дворницкой. С которой потом бежал в Австрию. Которая потом сдала его графу Петру Толстому (в сегодняшнем воплощении – мать Фомы). Которая добровольно согласилась вытравить их общего ребенка – и вытравила.

У них были дети?

Нет. И примерно ясно, почему.

Уход был болезненным?

Да, но для Дианы – в большей степени.

Как вели себя стороны во время развода?

Не всегда корректно. Скажем, Диана обзвала Свету Ростову «беззубым высокодуховным сельским бегемотом». А Фому – предателем и апостолом сраным.

Прокомментируйте.

Беззубый – Света потеряла три передних зуба, будучи беременной Юлькой.

Высокодуховный – потому что апостол и пророк.

Сельский – потому что Афросиния посчитала наукоемкий город Зеленоград селом.

Бегемот – вес Светы Ростовой по состоянию на сентябрь 2007 г. составил 120 кг.

Как отреагировала Ростова на этот выпад?

Использовала обзывательство в качестве закладки в мозг начальника 15-го управления ФСБ Николая Ивановича, через год после новоселья Фомы. Хотя сама на новоселье прибыть не смогла.

Почему?

Лекции в международной юридической академии, куда Ростова только что поступила.

Как отреагировал Фома?

Включил христианское смирение – и руганью на ругань отвечать не стал.

Как Диана объяснила себе уход Фомы?

1. Что он нашел себе другую бабу.
2. Что он впутался в апостольскую секту.

Что из этого всего правда?

Истинные причины ухода находятся в другой плоскости. Но и «секта», и «баба» - в той или иной степени имели место быть.

Кто принял приглашение на саммит?

За столом в кухне они сидели по кругу в следующем порядке:

- Надя Рябцева (Магдалина, Елена, Нина и др.)
- Дима Ручейков (Филипп, Парис, Эдип и др.)
- Миша Светиков (Нафанаил, Бозций, Джон Бартоломью Робертс, Врубель и др.)
- Ира Баранова (Павел, Агамемнон, Гомер и др.)
- Алекс Резанцев (Фома, Приам, Лай, Теодорих и др.)
- Женя Калинина (Иокаста, неизвестный фашист и др.).

По составу, смахивает на апостольский собор.

Так и есть.

Кто-нибудь еще посетил этот слет?

Да. В соседней комнате играли детишки:

- Дочка Жени Калининой Даша (в прошлой жизни – дважды лауреат Нобелевской премии Мария Кюри)
- Дочка Нади Рябцевой Соня
- Дочка Димы Ручейкова Катя

Также в самом конце на слет прибыл Петр Ушков.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Чем известен Ушков?

Закадычный друг Фомы. Также в Венеции он играл роль руководителя театральной труппы Сакки, рядом с Гоцци-Фомой. Видимо, не случайный человек во всем этом пасьянсе.

Как проходил собор?

Задумано. Сначала все выпили и поели, потом Фома достал гитару и принялся петь.

Перечислите песни, исполненные Фомой

- Баллада из к/ф «Мусорщик»
- «Я скучаю по тебе», авт. Трофим. В частности, текст: «Я скучаю по тебе / Как апостол по святым мукам»
- «Снегири», авт. Трофим
- «После бала», авт. Суханов
- «Белое безмолвие», авт. Высоцкий
- «Новая осень», авт. Резанцев
- Романс из к/ф «Корона Российской империи»
- «Хмельная сирень», авт. Антонов
- Другие песни

Как было воспринято пение Фомы?

Благожелательно.

Что еще было интересного?

1. Ручейков пожирал глазами Калинину.
2. Петя Ушков дискутировал с Барановой.
3. Резанцев и Светиков, когда все ушли, принялись воспитывать Баранову.

Почему Ручейков пожирал глазами Калинину?

Потому что, когда он был Эдипом, она была Иокастой. Женой и матерью, два в одном. Эдипов комплекс, ничего не попишешь. Дима любит Женю.

А Женя?

Может быть, где-то внутри. По-матерински.

А Фома что думал по поводу происходящего?

Он мрачнел. Он думал:

1. Елена сидит рядом с Парисом, а ему и дела нет. Странно. И глупо. Не туда смотришь, Филя.
2. Рок, причем рок с трехтысячелетней историей. Невыученные уроки.

А о чем Ушков дискутировал с Барановой?

О подлинности происходящего.

Он не верит в то, что перед ним – апостолы?

Нет. Он считает, что подобного апостола могут открыть в себе очень многие. Примерно как стыковка с неким эгрегором общего пользования. Инвольтируются от коллективного эгрегора Фомы до такой степени, что могут видеть картинки жизненного трека «реального» Фомы. А что до совпадений, до групповых инкарнаций, – так подобное притягивает подобное, что тут удивительного. Святому святое и снится.

А что же Баранова?

Она выходила из себя, пытаясь переубедить Ушкова. Апеллировала к собственным переживаниям.

Как это выглядело?

Примерно как ее собственные стихи:

Из жизни в жизнь

*Я носился энтузиастом, протуберанцем взлетая мыслью,
Или впадая в апатию, побитый нелепой жизнью,
Или сражаясь с мельницей орудием Дон Кихота
В надежде что-то улучшить или подправить что-то.*

*Я бился о рифы часто, плывя по водам пространным,
И умирал не напрасно, крупно и мелко израненный.
В глазах моих замерли счастье и горечь существованья -
Это и есть награда за факел верного знания.*

*Невежество отторжения, слепое подобострастье,
Язвительное ворчание не составляли счастья.
И сытые дни в безделии не приносили счастья,
Разве что после бури, разве что по усталости.*

*Ликованья сменялись неверием, упадком духа и тела,
При попытках, проваленных при выполнении дела.
И вновь, возрождаясь заново, купаясь в энтузиазме,
Я шел, окруженный клубами невежественности миазмов.*

*И вновь, проповедуя знанье, и набивая шишки,
Я делал, что мог, кропая дела, делища, делишки.
Искал с фонарем Человека, юродствовал в глиняной «бочке»,
Проповедуя, надоедая, над «i» расставляя точки.*

*Я рисовал и «поэтил», лечил и рожал(а) детишек,
Был в стане врага разведчиком, епископом и царишкой,
Дружкой царя Великого - ничемнейшим человечешкой,
Пьяницею и блудником, туберкулезной ветошью.*

*Я высекал из камня, сдувая пыль с барельефа.
Я простирался в молитвах у церковного нефа.
И, проповедуя бедность, был христианским фанатом,
Сжигая холодом тело, порождая стигматы.*

*Был католик и православный, имел всевозможные кельи,
Безоговорочно веруя в непогрешимость цели.
Я видел Христа над собою, днем я видел - не ночью!
Закрыв Он глаза слепотою - отпер духовные очи!*

*Я оставил в истории много ошибок своих в анналах,
Путая богорожденное с неким другим каналом.
И из всего этого вылетел жажду укрыться в вечности,*

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 2. Апостолы принимают бой

Вкусить возвращение блудного под крыла Бога извечного!

*Поставленный на колени, растоптан от пяток до уха,
Взрастивший взамен несгибаемый стержень Святого Духа.
И, обращаюсь назад, взжигая пророческий свет,
Живите и совершенствуйтесь! Смерти в забвеньи - нет!*

Была ли расстроена Баранова нечувствительностью Ушкова к ее аргументам?

Была, и весьма. Из-за этого она теряла контроль над собой. Она полагала, что ее страдания, из жизни в жизнь, дают ей право на то, чтобы быть услышанной.

А что же Ушков?

Он, напротив, был вальяжен. И переиграл Баранову-Павла-Гомера по очкам вчистую – не силой аргументов, но силою беззлобия. С этим и ушел.

Что происходило потом?

Все гости разошлись, на кухне остались трое: Павел, Нафаня и Фома.

Как проходила беседа?

Нафаня и Фома воспитывали Павла, призывали сохранять добродушие во что бы то ни стало. Касались фактов ее жизни, предлагали перепросмотреться. Указывали, что победа Ушкова в диспуте – справедливая.

К каким авторитетам они прибегали в ходе беседы?

Лазарев Сергей Николаевич, «Диагностика кармы» в 12 книгах, а также его семинары и встречи на DVD и VHS.

Каких встречных авторитетов призывала Баранова себе в свидетели?

1. Алиса Бейли – философ. Десяток толстенных томов сочинений.
2. Лобсанг Рампа – ученый и писатель.

До чего они договорились?

Ни до чего, все остались при своем мнении. Баранова обиделась на Ушкова. Лазарев ею прочитан, переварен, и больше она его читать не будет, потому что книги, на ее взгляд, похожи и однообразны. Со своей стороны, Фома прочел много Бейли и Рампы, но больше не будет. А Нафаня – не читал и не будет, ни Бейли, ни Рампу. Зато и Нафаня, и Фома – продолжают читать Лазарева, ходить на его встречи и смотреть его диски. Вот и спозиционировались.

41. Дорога в поле

Сегодня 31 декабря 2007 года, утро. Село Боголюбово, что неподалеку от Владимира. Я, ничтожный апостол Фома, некогда – князь Андрей Боголюбский, иду навстречу храму Покрова на Нерли. Церкви, которую я собственноручно заказал и оплатил. Я считаю это лучшим своим жестом в целой цепочке воплощений за последние пару тысяч лет.

Не холодно и не ветрено, разве что мглисто, и носится легкая поземка. Вот такую новогоднюю погодку я и люблю. Окрест меня – ни души. Я иду от железной дороги через поле в сторону церкви, и самые разнообразные мысли лезут ко мне в голову.

Сейчас у меня что-то вроде карантина. Я остался один-одинешенек. От Дианы ушел, семью разрушил. Новой семьи не нашел, хотя и искал. Вероятно, должно пройти время. Нужно прийти в себя, заново с собой подружиться, найти мир в сердце, перестать бояться своего одиночества, своей неприкаянности. Перестать отчаиваться. Это – урок, его надо пройти. Выдержки, элементарной выдержки мне не хватает. Терпения. Умения держать свет.

Женя. Взаимоотношения с ней – нескладные, они мне не нравятся по сути своей, но пока я мирюсь с тем, как оно сложилось. У Жени тоже карантин, она возвращается к себе после двух лет террора и унижения предыдущего брака. Но когда она вернется и вернется ли вообще – большой вопрос. Этот новый год, проводимый нами порознь – верный знак нашей обоюдной неготовности, непропеченности нашей связи. Все скроено наспех, на живую нитку, - оттого то и дело, там и сям идут прорехи. И мы - слишком разные для того, чтобы действовать заодно. Поэтому шансы остаться нам рядом друг с другом – близки к нулю, так я их оцениваю. Но пусть идет как идет.

И вот еще странное. По ВОВ Женька – средний брат-абверовец. А младший, как недавно выяснилось – моя вторая жена, Валя. Она же – Сара Коллман, рядом с О.Генри. Спрашивается: что же было такое натворено мною в тылу врага, что меня последовательно сближают с этими дамами, вплоть до детей? Или война не причем, а есть другая пружина? Например, Соломон и его бабы непрерывные? Загадки в темноте ...

Только что жена Диана прислала поздравительную СМСку, написанную сквозь зубы. Наступила на горло гордости своей. Ответил, от чистого сердца. Туго ей, много горше, чем мне. И ей тоже предстоит понять, что этот мир, и люди в нем – заслуживают любви и участия. Ей, наряду с одиночеством и отчаяньем, предстоит лечить еще агрессию и суженность сознания, одномерность оценок. Если не излечится – заболит и умрет. Впрочем, нам это всем предстоит – болеть и умирать. Если, конечно, раньше не убьют, а такие случаи известны.

Сейчас я подойду к церкви, мысленно обниму ее, как любимую жену, с которой долгие годы был разлучен. Поздороваясь, чтобы попрощаться – и в обратный путь. Когда еще доведется навестить ее – тайна. Может, и никогда больше в этом воплощении, как пойдет. Потом поеду в Суздаль на рейсовом автобусе. Чтобы не озябнуть, перехвачу грамм сто пятьдесят коньячку в придорожной харчевне. Обойду все, что можно обойти, зафотаю церкви и колокольни. Вернусь во Владимир, запрусь в отеле, наверну еще сто, прослушаю речь Путина по телевизору. Потом пойду на дискотеку. Женя наказала, чтобы без посещения селянок возвращаться я не смел. Это она так шутит. По-серьезке же было сказано, чтобы не приносил ничего на конце, все делал в презике. В презике так в презике, не вопрос.

Путин назвал преемника – Медведева. Это хорошо. Понемножку Романовы возвращаются на престол. Ведь Медведев был уже Романовым когда-то, воплощаясь в семье Александра Второго, третьим сыном Владимиром. Недаром все подчеркивают его внешнюю схожесть с Николаем Вторым. Первым сыном Александра (*Дини*) была Светка (*Никса*), вторым (*Александр III*) – ее нынешняя мать, третьим (*Владимир*) – Медведев, четвертым (*Алексей*) – Дима Ручейков, а пятым (*Сергей*) – Коля Овсов, известный певец. Его еще потом Каляев подорвал, а жена Эллы (*апостол Иаков Алфеев*) – оплакала. Апостолы – в царях ...

Светка с девчонками приезжает ко мне пятого. Возьмем Женьку с Дашкой, двинем в Эрмитаж. Погуляем, если не подморозит. Седьмого – Рождество, устроим шабаш: выпьем, закусим, попоем. Нафаня – в Австрии, жалко. Дима Ручейков по-любому придет, а вот Магдалина – вряд ли, предпочтет отсидеться. Не верит, как и Женька. Да и трудно поверить, если смотреть извне, на волне бытового, вполне объяснимого, скепсиса. Нужно держать в

голове все факты, все связи, все поразительные совпадения, все мельчайшие пересечения и намеки. Нужно довериться собственным ощущениям, причастности к той или иной биографии, к той или иной прожитой судьбе. Распознать эти мотивы как свои. Тогда невозможно будет не поверить, даже если нет прямого ясновидения. И не надо будет тыкать пальцами в раны, чтобы поверить.

И, если поверится, то все встанет на места. Станет ясным, почему в Ипатьевской летописи Боголюбский сравнивается с Соломоном. И почему все арочные внутренние переходы во Владимирском соборе Успения Богородицы записаны по периметру равноконечными солярными крестами – такими же, как на стягах Теодориха Великого. Такими же, что у меня на груди, на серебряной цепочке.

Или взять фотографию посмертной маски Марии Стюарт. А потом посмотреть в глаза женщины, с которой пьешь чай, - там, на Лиговке. И – найти десять отличий, на фоне неотменимого, кричащего подобия. Некогда Фомой, Ноксом, Гоцци, Сандро Б. – уже искал ответов в этих глазах, в этой улыбке. И вот опять.

Мне плохо. Мне хорошо. Когда все это пребывает в сердце совместно, сердце растягивается, как коровье вымя, – и делается способным вместить в себя всю боль и всю радость этого мира. Вот так с нами и работают: расшатывают точку сборки, ставят в патовые ситуации, подсовывают нерешаемые проблемы. И тем самым – раздвигают нам горизонты сознания, готовят к штурму новых высот. Мы то и дело позоримся, ляпаем, оказываемся не на высоте. Но мы все-таки учимся. И у нас бывают светлые минуты и точные поступки.

Как вот этот храм. Уже совсем близко.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ